

ФИЛОСОФИЯ **С**ВОБОДЫ

в ы п у с к

Вильгельм Гумбольдт

О пределах
государственной
деятельности

С о ц и у м

Т р и **К** в а д р а т а

---

2 0 0 3

WILHELM VON HUMBOLDT

**Ideen zu einem Versuch,
die Grenzen der Wirksamkeit
des Staats zu bestimmen**

Серия

«ФИЛОСОФИЯ СВОБОДЫ»

под общей редакцией

А. Куряева

ВЫПУСК

1

ВИЛЬГЕЛЬМ ГУМБОЛЬДТ

**О пределах
государственной
деятельности**

*Книга издана
при содействии компании*

Vanguard

«СОЦИУМ», Челябинск
«ТРИ КВАДРАТА», Москва
2003

УДК 351.0
ББК 67.400.6
Г94

Составитель и редактор серии: Александр Куряев
Дизайн: Сергей Митурич

Гумбольдт, Вильгельм фон. О пределах государственной деятельности. М.: Социум, Три квадрата, 2003. — 200 С.

Написанное в 1792 г. сочинение Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835) является одним из важнейших вкладов немецкой мысли в политическую философию либерализма. В памятной записке, составленной по просьбе будущего правителя Майнцского курфюршества, автор дал детальное описание устройства государства, ограничивающегося в своей деятельности только задачами поддержания закона и порядка, которое Гумбольдт противопоставляет порядкам прусского «просвещенного деспотизма» с его заботой о «положительном благе граждан» под девизом *«Все для народа, ничего посредством народа»*. Опубликованная только после смерти автора книга оказала большое влияние не только на Германию, но и на таких мыслителей, как Дж. С. Милль в Англии и Э. де Лабулэ во Франции.

Печатается по изданию: Гумбольдт В. фон. Опыт установления пределов государственной деятельности. СПб.: Лугинин, 1908.

ISBN 5-901901-14-2
ISBN 5-94607-032-0

© А Куряев, состав и редакция серии, 2003
© «Социум», 2003
© «Три квадрата», 2003

Введение

При сравнении замечательнейших государственных конституций и сопоставлении с ними взглядов наиболее выдающихся философов и политиков является, быть может, весьма законное удивление тому, что вопрос, который должен бы был более всего обратить на себя внимание, был так неполно обработан и нашел лишь весьма неточные ответы, — вопрос о том, именно, какую цель должно иметь в виду все государственное устройство и какими пределами должно оно ограничить свою деятельность. Почти все те люди, которые сами преобразовывали государства или делали предложения политических преобразований, занимались почти исключительно определением того участия, которое вся нация или отдельные части населения должны принимать в государственном управлении; и также надлежащим распределением государственного управления и принятием должных мер для того, чтобы одна часть не присвоила себе прав других. Мне тем не менее кажется, что при всяком новом государственном устройстве нужно иметь в виду две цели, из которых ни одна не может быть упущена без большого вреда. Во-первых, определение как господствующей, так и подчиненной части нации и всего того, что в действительности принадлежит к государственному управлению. Далее, определение тех предметов, на которые это управление, однажды устроенное, должно на-

править свою деятельность и которыми также эта деятельность должна быть ограничена. Это последнее, в сущности захватывающее частную жизнь отдельных граждан и определяющее меру их свободной, не стесненной деятельности, составляет по-настоящему истинную, окончательную цель, первое же есть лишь необходимое средство для ее достижения.

Если тем не менее люди преследуют первую цель с наиболее напряженным вниманием, то они остаются в этом лишь верными обычному ходу своей деятельности. Стремиться к цели и достигать ее при развитии физической и нравственной силы есть основание счастья для здорового и сильного человека. Обладание, заставляющее действующую силу перейти в состояние покоя, увлекательно лишь в обманчивом воображении. Действительно, у человека, сила которого всегда напряжена к деятельности и которого окружающая природа всегда возбуждает к этой деятельности, покой и обладание, в этом смысле, существуют лишь в идее. Тем не менее для одностороннего человека успокоение есть прекращение одного из проявлений его внутреннего Я, а для необразованного человека отдельный предмет может служить материалом лишь для немногих проявлений. Поэтому то, что говорят о пресыщении вследствие обладания, преимущественно в сфере более тонких ощущений, вовсе не относится к тому идеалу человека, который может быть создан воображением; но совершенно верно относительно человека вполне необразованного и тем менее верно, чем более образование приближает человека к идеалу. Как, следовательно, на основании вышесказанного, завоеватель радуется победе более, чем обладанию завоеванной страной, а реформатор предпочитает полное опасение волнение реформы спокойному наслаждению ее плодами, так и человек вообще считает господство пленительнее свободы или по крайней мере заботу об охране этой свободы пленительнее, чем собственное наслаждение ею. Свобода представляет, в сущности, только возможность неопределенно разнообразной деятельности.

Господство, управление людьми вообще представляет хотя частную, однако действительную деятельность. Жажда свободы возникает поэтому слишком часто из сознания ее недостатка. Тем не менее несомненно, что исследование цели и пределов государственной деятельности имеет большое значение, быть может большее, чем какой-либо другой политической вопрос. Выше уже было замечено, что оно одно как бы обнимает конечную цель всей политики. Тем не менее оно допускает более легкое и широкое применение. Собственно, государственные перевороты, изменения в устройстве управления никогда не являются возможными без совпадения многих и весьма часто случайных обстоятельств и всегда ведут за собою разнообразные вредные последствия. Между тем расширять или ограничивать пределы своей деятельности тихо и незаметно может всякий правитель – будь это в аристократическом, монархическом или демократическом государстве; он достигает своей цели тем вернее, чем более избегает всякой выдающейся новизны. Наилучшие человеческие действия суть те, которые наиболее верным образом подражают деятельности природы. Таким образом зерно, которое земля тихо и незаметно воспринимает, дает более богатый и плодотворный результат, чем, по всей вероятности, необходимые, но всегда сопровождаемые бедствиями взрывы бушующих вулканов. Никакой другой способ преобразования, помимо вышесказанного, не приличествует столько нашему времени, ибо важное расследование пределов деятельности государства должно, как легко можно предвидеть, привести к большей свободе человеческой энергии и к большему разнообразию в положении людей. Но возможность высшей степени свободы необходимо требует как высшей степени образования и меньшей потребности отдельных людей действовать однообразными, скученными массами, так и большей силы и более разнообразного умственного и нравственного богатства отдельных действующих личностей. Если поэтому настоящее время действительно превосходит предыдущее в этом образовании, в этом богатстве и в этой силе, то надобно предоставить ему и ту свобо-

ду, которой оно с полным правом требует. Также и те средства, при помощи которых такое преобразование было бы возможно, должны соответствовать прогрессу в развитии, если мы признаем таковой. Если некогда вынуженный из ножен меч нации ограничивал физическую силу правителя, то здесь просвещение и культура побеждают его идеи и его волю, и преобразованное положение вещей является как бы более его делом, чем делом самой нации. Если народ, который в полном сознании своих человеческих и гражданских прав разбивает свои оковы, представляет прекрасное и возвышающее душу зрелище, то еще более прекрасное и еще более возвышающее зрелище представляет правитель, сам разбивающий эти оковы, дарующий свободу и делающий это не вследствие личной доброты, но почитающий это исполнением своего первейшего и неукоснительного долга; ибо то, что делается вследствие любви и уважения к закону, прекраснее и возвышеннее, нежели то, что вынуждено необходимостью и страданием. Между той свободой, к которой нация стремится, изменяя свои учреждения, и той, которую уже устроенное государство может дать, существует такое же соотношение, как между надеждой и наслаждением, между планом и его осуществлением.

Если бросить взгляд на историю государственных устройств, то было бы трудно с точностью указать хотя бы в отношении одного из них те пределы, которыми ограничивается его деятельность; законодатели, вырабатывавшие тот или другой государственный строй, нигде не следовали плану обдуманному или основанному на простых началах. Свободе граждан в них ограничивали исходя преимущественно из двух точек зрения: во-первых, ввиду необходимости либо создать государственный строй, либо обеспечить его существование, во-вторых, ввиду полезности заботы о физическом или нравственном состоянии нации. Смотри по тому, более или менее нуждался государственный строй (сам по себе обладающий могуществом) в посторонних поддержках, или смотря по тому, насколько широк был кругозор законодателей, они руководились преимущественно то первой, то вто-

рой из этих двух точек зрения. Часто обе они влияли вместе. В древнейших государствах почти все учреждения, имеющие отношение к частной жизни граждан, суть в собственном смысле учреждения политические. Государственное устройство мало обладало в низах настоящим могуществом; прочность его основывалась преимущественно на воле народа, и потому нужно было иметь в виду разнообразные средства для соглашения его характера с этой волей. Именно то же самое в настоящее время имеет место в небольших республиканских государствах, и поэтому вполне справедливо (смотря на предмет только с этой точки зрения), что свобода частной жизни всегда именно в той степени возрастает, в которой общественная понижается, между тем как безопасность всегда соответствует этой последней.

Но часто древние законодатели – а древние философы всегда – заботились также в существенном смысле и о человеке; а так как нравственное достоинство казалось им в человеке высшим благом, то поэтому «Республика» Платона, например, по чрезвычайно верному замечанию Руссо, есть сочинение не политическое, а скорее педагогическое. Если сравнить в этом отношении новейшие государства с древними, то при изучении многих законов и учреждений, придающих частной жизни нередко очень определенную форму, мы встретим несомненное намерение новейших законодателей позаботиться о самом гражданине и его благе. Большая внутренняя устойчивость строя наших государств, их большая независимость от известного настроения характера нации, далее просто сильнейшее влияние в государстве мыслителей, способных смотреть на вещи с более широких и высоких точек зрения, множество открытий, которыми научают лучше обрабатывать обыкновенные предметы деятельности нации или лучше пользоваться ими, наконец, главнейшим образом, известные религиозные понятия, заставляющие правителя как бы становиться ответственным за нравственное и будущее благо граждан, все это вместе содействовало появлению указанного изменения. Когда, однако, изучают историю отдельных полицейских законов и постановлений, то часто происхождение их находят то в дей-

ствительной, то в мнимой необходимости государства взимать подати с подданных; в этом отношении снова является сходство с древними государствами, потому что эти постановления также имеют целью охрану государственного строя. Что же касается тех ограничений которые имеют в виду не столько самое государство, сколько отдельные личности, его составляющие, то есть и остается громадное различие между древними и новейшими государствами. Древние заботились о силе и развитии человека; новейшие о его благосостоянии, имуществе и производительной способности. Древние стремились к добродетели – новейшие к счастью. Поэтому, с одной стороны, ограничения свободы в древнейших государствах более подавляли и были опаснее, так как они касались именно того, что составляет своеобразную сущность человека, его внутреннюю жизнь; и поэтому же все древние народы представляют односторонность, которая вообще являлась и поддерживалась почти всюду введенным общественным воспитанием и намеренно устроенными общежитиями граждан, не говоря уже о недостатке более тонкой культуры и более частых сообщений друг с другом. С другой стороны, все эти государственные учреждения у древних поддерживали и возвышали деятельную силу человека. Даже та точка зрения, которая никогда не терялась из виду, именно стремление образовать полных силы и умеренных граждан, одаряла дух и характер человека более высокими стремлениями. В противоположность этому у нас человек сам непосредственно менее ограничивается, скорее окружающее заключается в более узкие рамки, и поэтому кажется возможным начать борьбу против этих внешних оков при помощи внутренней силы. Но ограничения свободы в наших государствах имеют в виду гораздо более то, чем человек обладает, чем то, что он есть, и даже в этом случае они не приводят в действие хотя бы односторонним образом, как у древних, физическую, умственную и нравственную силу, но главным образом навязывают ей определенные мотивы в виде законов. Все это вместе подавляет энергию, которая есть одновременно источник всякой деятельной добродетели и необходимое условие высшего и более многостороннего развития. В то время как у

древних народов большая сила безвредно оставалась односторонней, у новейших вред меньшей силы еще увеличивается односторонностью. Вообще это различие между древними и новейшими везде несомненно. Если в течение последних столетий быстрота сделанных открытий, величие задуманных и исполненных предприятий более всего привлекают наше внимание, то в древности нас приковывает к себе более всего то величие, которое всегда прекращается с жизнью отдельного человека; цвет фантазии, глубина духа, сила воли, цельность всего существа, которые одни придают человеку настоящую его цену. Человек, его сила и его развитие вызывали всякого рода деятельность; у нас же слишком часто обращается преимущественное внимание на известное идеальное целое, в сравнении с которым отдельные личности кажутся почти забытыми или по крайней мере имеется в виду не их внутреннее существо, а их спокойствие, благосостояние и счастье. Древние искали своего счастья в добродетели – современное же человечество в противоположность им уже слишком давно старается развить добродетель, основывая ее на счастье¹; и даже тот² мыслитель, который видел и представил нравственность в ее высшей чистоте, думает при помощи весь-

---

¹ Это различие никогда не бывает поразительнее, чем тогда, когда новейшие философы судят о древних. Для примера я приведу отрывок из Тидемана, относящийся к одному из прекраснейших мест Платоновой «Республики»: «Но хотя справедливость приятна нам сама по себе, однако если бы следование ей не приносило никакой пользы, если бы справедливому должно было бы претерпевать все то, о чем упоминают братья [Главкон и Адимант], несправедливость должна была бы предпочитаться справедливости; ведь то, что больше всего служит к нашему счастью, без сомнения, должно предпочитаться. Так вот, я сомневаюсь, чтобы мучения тела, нужда во всем, голод, дурная слава и все прочее, о чем говорят братья, весьма сильно превосходило то наслаждение души, которое вытекает из справедливости, и чтобы несправедливость настолько должна бы была предпочитаться и тотчас же причисляться к добродетели». *Тидеман в заключении к диалогам Платона. Кн. 2 «Государства»* (пер. с лат. А.В.Матешук).

² Кант относительно высшего блага в «Начальных основах метафизики нравов» (точнее *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*. Riga 1785) и в «Критике практического разума».

Много раз уже спорили между собой авторитеты по государственному праву о том, что должно иметь в виду государство – одну ли безопасность граждан или вообще все физическое и нравственное благо нации? Те, которым особенно была дорога свобода частной жизни, преимущественно утверждали первое; тогда как те, которые придерживались естественной мысли, что государство может обеспечить более, нежели одну только безопасность, и что хотя злоупотребления в ограничении свободы граждан и возможны, но не необходимы, утверждали второе. Это последнее мнение, несомненно, и есть господствующее как в теории, так и на практике. Это указывается большинством систем государственного права, новейшими философскими законодательствами и историей установлений большей части государств. Земледелие, ремесла, промышленность всех родов, торговля, искусство и самые науки – все получает жизнь и направление от государства. В силу этих начал изучение государственных наук преобразилось, как доказывается, например, камеральными и полицейскими науками; на основании их возникли совершенно новые ветви государственного управления: камеральные, мануфактурные и финансовые коллегии. Но как ни общераспространен, однако, этот принцип, он без сомнения заслуживает, как мне кажется, еще ближайшего испытания, и это испытание должно взять исходной точкой отдельного человека и высшие конечные цели его.

II

Рассмотрение отдельного человека и высших, конечных целей его существования

Настоящая цель человека – та, которую ставят ему не переменчивые наклонности, а наиболее соразмерное развитие его сил в одно целое. Для этого развития свобода есть первое и необходимейшее условие. Однако помимо свободы развитие человеческих сил требует еще и другого условия, хотя и тесно связанного со свободой, т.е. разнообразия положений. Даже самые свободные и независимые люди, поставленные в однообразные положения, не вполне развиваются. Конечно, с одной стороны, это разнообразие всегда есть следствие свободы; с другой стороны, существует также род стеснения, которое вместо того, чтобы ограничивать человека, придает окружающей его обстановке заранее намеченную форму, так что оба положения до известной степени тождественны. Тем не менее для большей ясности удобнее отличать их одно от другого. Каждый человек может одновременно действовать только одной силой; или, скорее всего, его существо одновременно может быть настроено только к одной деятельности. Поэтому человек, по видимому, предназначен к односторонности, так как он ослабляет свою энергию лишь только распространяет ее на несколько предметов. Однако он избегает этой односторонности, когда стремится соединять отдельные силы, часто выработанные им порознь, когда заставляет совместно действовать в каждый период своей жизни, которая лишь возгорается, и когда, наконец, старается увеличить не число

предметов, на которые действует, а силы, которыми действует. То, что здесь происходит как бы от соединения прошедшего с будущим и с настоящим, то производится в обществе союзом с другими. Каждый отдельный человек достигает за все периоды своей жизни только одно из совершенств, составляющих в то же время как бы характер человеческого рода, взятого в целом. Поэтому каждый отдельный человек должен приобщать себе нравственное богатство других посредством союзов, истекающих из внутреннего существа. Пример такого образовательного для характера союза представляет, по опыту всех, даже самых грубых народов, союз обоих полов. Хотя в этом случае как различие между стремящимися сблизиться лицами, так и самое стремление к сближению в известном смысле сильнее, чем в других союзах, тем не менее различие свойств характера и стремление сблизиться могут встретиться в той же степени и у лиц одного и того же пола; но здесь это стремление будет только менее заметно, не имея никакого отношения к половому различию, действие же его вследствие этого самого будет еще могущественнее. Эти идеи, прослеженные дальше и точнее развитые, могли бы привести к более правильному объяснению стремления людей вступать друг с другом в союзы – явление, которым у древних, в особенности у греков, пользовались сами законодатели и которому часто недостаточно возвышенно дают имя обыкновенной любви и всегда неправильно называют простой дружбой. Образовательная польза таких союзов зависит от того, насколько в них сохраняются и поддерживаются как самобытность вступивших в союз лиц, так и искренность самого союза. Без искреннего сближения один не в состоянии понять другого, самобытность же необходима для того, чтобы, так сказать, усвоить понятое и приобщить его к своему существу. Но как первое, так и последнее требуют от лиц, вступающих в союз, не только силы, но также и различия – не слишком много, потому что нужно, чтобы один мог понять другого, не слишком и мало, так как необходимо, чтобы возникло некоторое восхищение тем, чем обладает

другой и желание также усвоить это себе. Эта сила и это многообразное различие соединяются в оригинальности; поэтому своеобразность силы и образование есть то, на чем в конце концов зиждется все величие человека, к чему отдельный человек вечно должен стремиться и чего тот, кто хочет влиять на людей, никогда не должен терять из виду. Эта своеобразность является следствием свободы действия и разносторонности действующего лица и в свою очередь приводит к ним же. Даже безжизненная природа, которая всегда равномерным шагом движется по вечно неизменным законам, представляется самобытно развитому человеку более своеобразной. Он переносит в нее как бы самого себя, и поэтому, в высшем смысле слова, верно то, что каждый именно в той степени видит полноту и красоту вне себя, в какой сам обладает ими. Насколько сильнее должно быть влияние этой причины там, где человек не просто чувствует и воспринимает внешние впечатления, но сам является действующим лицом.

Если попытаться точнее проверить эти мысли посредством ближайшего применения их к человеку, то мы увидим, что все сводится к форме и материи. Чистейшую форму в легкой оболочке мы называем идеей; материю, наименее обладающую формой, мы называем чувственным впечатлением. Из соединения материи происходит форма. Чем больше полнота и разнообразие материи, тем выше форма. Сын богов есть только плод бессмертных родителей. Форма в свою очередь становится как бы материей еще прекраснейшей формы. Таким образом, цветок делается плодом, а из семени плода вырастает новый богатый цветами ствол. Чем более увеличивается разнообразие одновременно с тонкостью материи, тем выше сила, ибо тем теснее связь. Форма как бы вылилась в материю и материя в форму, или, чтобы выразиться не при помощи образов, чем полнее идея и чувства человека и чем полнее чувством его идеи, тем недостижимее его величие. На этом вечном совокуплении формы и материи, разнообразного с единичным основано слияние двух соединенных в человеке сущностей, и на этом слиянии зиждется его величие. Но

сила оплодотворения зависит от силы оплодотворяющих. Высочайший момент в жизни человека есть этот момент расцвета³. Менее привлекательная простая форма плода сама как бы указывает на красоту цветка, который должен развиться из него. И все только стремится к цветку. То, что сначала произрастает из зерна, еще далеко от привлекательности цветка. Полный, толстый стебель, широкие обвислые листья требуют еще более совершенного развития. По мере того как глаз поднимается по стеблю, он замечает это постепенное усовершенствование: более нежные листья как бы стремятся соединиться друг с другом и смыкаются все теснее и теснее, пока чашечка наконец не удовлетворит этому стремлению⁴.

Однако судьба не благосклонна к породе растений. Цветок опадает, и плод производит опять одинаково грубый и одинаково утончающийся стебель. Когда в человеке увядает цвет, то на его место является прекраснейший, и волшебство самого прекрасного скрыто от наших глаз вечно непостижимой бесконечностью. То же, что человек воспринимает извне, есть только зерно, и как бы оно прекрасно ни было, энергическая деятельность человека должна еще сделать его для себя благотворным. Но тем более приносит оно ему блага, чем оно сильнее и самобытнее. Высшим идеалом совместной жизни людей было бы, по моему мнению, такое общество, где каждый человек развивался бы только из самого себя и ради самого себя. Физическая и нравственная природа, во всяком случае, вызвала бы столкновения людей между собою; битвы воинов почетнее, чем бои арены; битвы ожесточенных граждан более приносят славы, чем битвы гонимых в бой наемников, — точно так же борьба между этими самобытными и сильными людьми не только вызвала бы проявление высшей энергии, но в то же время и порождала бы ее.

И не в этом ли заключается причина не только сильного обаяния, которым обладают для нас времена греков и римлян, но и того влечения, которое люди каждого данного сто-

---

³ *Blutje, Reife*. Neues Deutsches Museum, 1791, Junius. 22,3.

⁴ *Гете И. В.* О метаморфозах растений.

летия испытывают по отношению к времени более отдаленному, уже исчезнувшему. Не привлекает ли нас то в особенности, что эти люди должны были сильнее бороться с судьбой и с другими людьми? Что большая первобытность силы и большая своеобразность встречались друг с другом и порождали новые чудные образы? Каждое последующее столетие (и в сколь сильнейшей степени должно отныне возрастать это отношение?) должно уступать предыдущему в разнообразии: в разнообразии природы – громадные леса вырублены, болота высушены и т.д.; в разнообразии людских характеров вследствие все большего распространения человеческих произведений и совместного исполнения людских начинаний, благодаря уничтожению тех препятствий, которые ставила человеку природа⁵. Это одна из главных причин, почему идея нового, необыкновенного, поразительного становится так редка – удивление, испуг считаются почти стыдом, а изобретение новых, еще неизвестных вспомогательных средств делает то, что быстрые, неподготовленные и неотложные решения становятся все менее необходимыми. Это происходит отчасти от того, что уменьшился натиск внешних обстоятельств на человека, который снабжен большим количеством орудий для борьбы с ними. Происходит это отчасти и от того, что невозможно более противостоять этим обстоятельствам при помощи одних только тех сил, которыми природа одаряет каждого человека и которыми ему возможно пользоваться без дальнейшего усилия к их приобретению. Отчасти, наконец, причиной этого является и то, что более обработанное знание делает изобретения менее необходимыми, а учение даже притупляет потребную для этого силу. В то же время несомненно, что хотя физическое разнообразие и уменьшилось, но его место заступила гораздо более богатая и удовлетворяющая умственная и нравственная разносторонность. Неоспоримо также и то, что градации и различия, воспринимаемые нашим более тонким умом, переносятся в практическую жизнь нашим если и не стольким сильным, то

---

⁵ Именно на это указывает Руссо в «Эмиле».

более способным к возбуждению и более культивированным характером – градации и различия, которые, может быть, остались бы незамеченными даже мудрецами древности и, во всяком случае, если бы были замечены, то только ими. Со всем человечеством произошло то же, что с отдельным человеком. Более грубое отпало – более тонкое осталось. И было бы без сомнения благотворно для человечества, если бы оно могло быть одним человеком, т.е. если бы сила одного столетия, точно так же, как его книги или изобретения, переходила бы на последующее. Однако это далеко не так... Конечно, и в нашей утонченности есть сила, которая, может быть, превосходит силу древности именно настолько, насколько она утонченнее ее; однако спрашивается, не должно ли первоначальное развитие общества всегда пройти через более грубую форму. Чувственность повсеместно является как первым зародышем, так и наиболее жизненным выражением всего духовного. Здесь, конечно, не место для дальнейшего развития рассматриваемого вопроса, однако из предыдущего, во всяком случае, вытекает, что следует самым тщательным образом оберегать хотя бы ту своеобразность и ту силу, которыми мы еще обладаем, а также и все то, что служит им поддержкой.

На основании предшествующего рассуждения я поэтому считаю доказанным, «что истинный разум не может желать для человека никакого другого состояния, кроме такого, в котором не только каждый отдельный человек пользовался бы самой неограниченной свободой развиваться из самого себя и вполне своеобразно, но в котором и физическая природа не принимала бы никакой другой формы от руки человека, кроме той, которую ей каждый отдельный человек сам и произвольно может дать по мере своих потребностей и наклонностей, ограничиваясь только пределами своей силы и своего права». От этого положения, по моему мнению, разум никогда не должен уступать более того, что необходимо для сохранения самого этого начала. На нем поэтому должна бы была всегда основываться всякая политика и в особенности ответ на те вопросы, о которых здесь идет речь.

**Переход к исследованию
в собственном смысле. Разделение его.
Забота государства о положительном,
в особенности о физическом
благе граждан**

Выражаясь вполне общей формулой, можно было бы назвать полным объемом деятельности государства все то, что оно могло бы сделать для блага общества без нарушения выведенного выше начала; и отсюда непосредственно вытекало бы дальнейшее положение, что должно быть отвергнуто всякое вмешательство государства в частные отношения граждан во всех тех случаях, когда нет прямого нарушения прав одного из граждан кем-либо другим из них. В то же время необходимо – ввиду полнейшего расследования предложенного вопроса – точно рассмотреть, в частности, различные отделы обычной или возможной деятельности государства.

Именно: цель государства может быть двойная – оно может желать способствовать счастью или только стараться предотвращать зло, причиняемое либо природой, либо самими людьми. Если оно ограничивается последним, то ищет только безопасности, и пусть мне будет позволено раз навсегда противопоставить эту безопасность всем остальным возможным целям государственной деятельности, обозначенным общим именем положительного блага граждан. Различие применяемых государством средств также изменяет объем его деятельности. Оно стремится достигнуть

своих целей либо непосредственно, употребляя в дело принуждение (положительные приказы, запретительные законы и наказания), либо же посредством поощрения и примера, либо теми и другими средствами вместе, ставя граждан в положения, благоприятные для его целей, и как бы не допуская их действовать иначе; наконец, тем, что старается согласовать даже наклонности граждан с вышеназванными целями, действуя на умы и сердца. В первом случае государство определяет только некоторые отдельные действия граждан, во втором – большую часть их деятельности и в третьем, наконец, даже характер их и способ мышления. Поэтому влияние ограничения в первом случае ощутительно менее всего, частью потому, что здесь государству приходится влиять на источники, из которых проистекают различные действия людей, частью и потому также, что самая возможность подобного влияния требует большего числа мероприятий. Как бы между тем различны ни казались отдельные отрасли государственной деятельности, однако едва ли существует хоть одно государственное учреждение, которое не принадлежало бы одновременно нескольким из них. Безопасность и благосостояние, например, тесно связаны друг с другом; забота же о безопасности, определяя хотя бы отдельные действия, влияет и на весь характер, когда частым повторением одного и того же вызывает привычку. Поэтому очень трудно найти здесь распределение целого, приличное ходу исследования. Лучше всего, по-видимому, начать с рассмотрения вопроса: должно ли государство иметь в виду положительное благо нации или только ее безопасность, – и затем перейти к его отдельным мероприятиям, обращая внимание преимущественно на то, что им, главным образом, служит целью и что будет их последствием; в то же время, рассматривая обе вышеназванные цели, необходимо исследовать и средства, которыми государство имеет право пользоваться.

Поэтому я и говорю здесь об общем стремлении государства поднять положительное благосостояние нации; о заботе его увеличить население страны и материально поддер-

жать жителей, частью прямо посредством благотворительных учреждений, частью косвенно посредством содействия земледелию, промышленности и торговле; обо всех финансовых и монетных операциях, запретительных ввозных и вывозных тарифах и т.д. и т.п., поскольку они имеют выше-названную цель; наконец, о всех учреждениях для предупреждения или исправления вреда, произошедшего от причин, стоящих в зависимости от природы, одним словом, о каждом государственном учреждении, имеющем целью поддержать или содействовать физическому благу нации. Нравственному благу содействуют чаще всего не ради него самого, а больше ввиду посторонней цели, именно ввиду безопасности, поэтому я и перейду к этой стороне вопроса только впоследствии.

Я пришел к заключению, что все названные учреждения имеют вредные последствия и не соответствуют истинной политике, исходящей из высших, но всегда человеческих точек зрения.

1. Дух правительства всегда господствует в каждом из подобных учреждений; но как бы ни был мудр и благотворен этот дух, он тем не менее приводит к однообразию и навязывает нации чуждый ей способ действия. Люди приобретают в этом случае богатства в ущерб своим силам, вместо того чтобы соединяться в общества для развития этих сил, хотя бы при этом и терялось исключительное обладание имуществом и пользование им. Разнообразие, происходящее от союза многих, есть величайшее благо, даваемое обществом, и это разнообразие несомненно теряется по мере государственного вмешательства. В этом случае уже нет сочленов одной нации, живущих вместе одной жизнью, а есть только отдельные подданные, находящиеся в известном соотношении с государством, т.е. с тем духом, который господствует в его правительстве, — в таком соотношении, при котором подавляющая власть государства препятствует свободному проявлению сил. Одинаковые причины одинаково влияют. Чем больше государство содействует достижению известных целей, тем однообразнее становится не

только деятельность, но и результат ее. Но это-то и составляет прямую цель государства. Оно желает благосостояния и спокойствия. Но как то, так и другое достигается тем легче, чем менее столкновений между отдельными единицами.

Между тем человек имеет целью и должен иметь целью нечто совершенно иное – именно разнообразие и деятельность. Только таким образом достигается развитие многосторонних и сильных характеров; несомненно и то, что еще ни один человек не пал настолько низко, чтобы предпочесть благосостояние и счастье величию. Кто же так рассуждает за других, того можно с полным правом подозревать в том, что он не знает человечества и хочет превратить людей в машины.

2. Второе вредное последствие заключается в том, что подобные государственные учреждения ослабляют силы нации. Посредством формы, исходящей из самодействующей материи, сама материя приобретает более полноты и красоты, ибо она есть не что иное, как союз того, что раньше находилось в борьбе. Союз, для которого необходимо постоянное нахождение новых точек соприкосновения – следовательно, как бы множество новых открытий, – союз, который постоянно укрепляется соответственно большему предшествующему различию. Но, с другой стороны, форма, даваемая материи извне, уничтожает ее. Потому что ничто (форма) подавляет тут нечто (содержание). Все в человеке есть не что иное, как организация. То, что должно в нем преуспевать, должно быть в нем посеяно. Всякая сила предполагает энтузиазм, и весьма мало влияний могут поддерживать этот энтузиазм сильнее, чем сознание, что предмет его составляет настоящую или будущую собственность человека. Но собственностью своей человек почитает не столько то, чем он обладает, сколько то, что он делает, – и рабочий, обрабатывающий сад, есть в более истинном смысле его собственник, чем праздный богач, которому сад принадлежит. Может быть, покажется, что это рассуждение слишком обще, чтобы возможно было применить его к действительности. Может даже показаться, что умственные силы, а через их посредство культура и характер вообще возвышаются благодаря разви-

тию многих наук, которыми мы преимущественно обязаны этим и подобным учреждениям государства, которое одно имеет возможность предпринимать опыты в больших размерах. Однако не каждое обогащение ума помощью знания ведет за собой непосредственно облагораживание хотя бы даже одной умственной силы. Но если это в действительности и случается, то подобное влияние не распространяется на всю нацию, а ограничивается преимущественно тою частью ее, в руках которой находится правление. Вообще же нужно признать, что разум человека, как каждая другая из его сил, развивается только благодаря собственной деятельности, собственной изобретательности или собственному пользованию чужими изобретениями. Государственные мероприятия всегда более или менее сопряжены с принуждением, но и в том случае даже, когда его нет, они слишком приучают человека более ожидать чужого поучения, чужого руководства, чужой помощи, нежели самому искать для себя исхода. Почти единственный способ, которым государство в состоянии поучать граждан, заключается в следующем: оно может объявить что-нибудь лучшим и как бы результатом своих изысканий и заставить граждан принять это либо непосредственно – с помощью закона, либо опосредованно – с помощью какого-нибудь связывающего постановления; далее, оно может поддерживать это лучшее своим авторитетом и привлечь нацию к принятию его посредством наград или других поощрений; наконец, оно может рекомендовать это лучшее на основании разных доводов. Но по какому бы из этих путей ни шло государство, оно тем не менее удаляется от лучшего способа истинного научения; этот же последний заключается, бесспорно, в предложении всевозможных решений задачи, для того чтобы человек мог самостоятельно избрать то решение, которое наиболее прилично для данного случая, или – еще лучше – дошел бы до этого решения единственно при помощи надлежащего изложения всех препятствий.

Этому методу государство может следовать по отношению к взрослым гражданам только отрицательно, т.е. предо-

ставляя им свободу, которая одновременно создает препятствия и вместе с тем порождает силу и умение устранять их. Положительный же метод применим лишь к подрастающему поколению при помощи настоящего национального воспитания. Мы впоследствии пространнее рассмотрим возражение, которое здесь легко может быть сделано, именно, что при исполнении тех задач, о которых здесь идет речь, гораздо важнее, чтобы дело вообще было сделано, чем чтобы тот, кто его исполняет, извлекал из него для себя поучение, — т.е. важнее, например, чтобы поле было хорошо обработано, чем чтобы земледелец был самым умелым хозяином.

Но еще более страдают от слишком усиленной заботливости государства энергия действия вообще и нравственный характер. Это едва ли нуждается в дальнейших доказательствах. Кем часто и много руководят, тот легко доходит до того, что как бы добровольно жертвует остатком своей самостоятельности.

Он считает себя освобожденным от той заботы, которую видит переданной в чужие руки, и думает, что для него достаточно ожидать извне руководства и следовать ему. Через это нарушается правильность его представления о заслуге и вине. Идея первой не одушевляет его, и мучительное чувство последней охватывает его все реже и реже, так как он гораздо легче сваливает ее на свое положение и на того, кто создал это положение. Если при этом случится, что он не будет почитать цели государства за вполне чистые, а будет думать, что оно имеет в виду не одну его пользу, но в то же время и какую-нибудь чуждую, побочную цель, то пострадает не только его сила, но и достоинство его нравственной воли. Он будет считать себя свободным от всякой обязанности, которую бы государство не прямо и ясно наложило на него, и от всякого необходимого улучшения своего собственного положения; причем он иногда даже может бояться подобного улучшения как нового случая, которым государство могло бы воспользоваться. Даже законы государства он будет стараться насколько возможно обойти и будет считать себя в выигрыше каждый

раз, когда ему это удастся. Если мы вспомним, что у немалой части нации законы и постановления государства определяют как бы весь объем ее нравственности, то не произведет ли подавляющего впечатления тот факт, что одни и те же уста предписывают иногда священнейшие обязанности и высказывают самые произвольные распоряжения, обеспечивая исполнение и тех и других весьма часто одинаковыми наказаниями. Не менее очевидным образом отражается вышеназванное вредное влияние на отношениях граждан между собой. Насколько каждый уповает для самого себя на заботливую помощь государства, настолько и, еще гораздо более, предоставляет он ей судьбу своих сограждан. Это же ослабляет взаимное участие граждан, ослабляет и желание их помогать друг другу. Общественная помощь всего сильнее там, где наиболее живо чувство, что все зависит от нее одной: опыт показывает, что именно угнетенные, как бы заброшенные правительством части народа всегда наиболее тесно связаны между собой. Там же, где граждане равнодушны друг к другу, там и супруг холоднее к супругу и отец семейства к семье.

Предоставленные сами себе во всех своих действиях и предприятиях, лишенные всякой посторонней помощи, которой они не сами бы достигли, люди, конечно, часто по своей вине или безвинно впадали бы в несчастье или в затруднения. Но счастье, предопределенное человеку, не может быть иным, чем то, которого он достигает при помощи собственной силы; а вышеназванные положения именно и изошряют разум и образуют характер. Там, где государство устраняет самостоятельность слишком значительным вмешательством, — там разве не встречается подобных зол? Они возникают и там и предоставляют человека, уже привыкшего полагаться на чужую силу, гораздо более безнадёжной судьбе. Насколько борьба и деятельный труд облегчают несчастье, настолько же и даже в большей степени делает его тяжелым безнадёжное и, быть может, обманчивое ожидание. Даже в самом счастливом случае государства, о которых я здесь говорю, слишком часто похожи на врачей,

поддерживающих болезненное состояние и отдаляющих смерть. До того времени, пока появились врачи, люди знали только здоровье или смерть.

3. Все, чем занимается человек, будь оно назначено хоть только для посредственного или непосредственного удовлетворения физических потребностей или вообще для достижения внешних целей, теснейшим образом связано с внутренним чувством. Часто рядом с внешней целью есть еще и внутренняя, и весьма нередко эта последняя, в сущности, главным образом и имеется в виду, между тем как первая только по необходимости или случайно связана с ней. Чем большей цельностью обладает человек, тем свободнее исходит внешнее занятие, избранное им, из его внутреннего существа; и тем чаще и теснее связывается это внешнее занятие с внутренней его жизнью там, где выбор его был обставлен затруднениями. Поэтому цельный, полный внутреннего содержания человек во всех положениях остается цельным и содержательным; поэтому же и развитие его достигает высокой степени совершенства при образе жизни, согласном с его характером.

Так, может быть, из всех крестьян и ремесленников могли бы выработаться «художники», т.е. люди, которые любили бы свое занятие ради него самого, улучшали бы его помощью самостоятельно направленной силы и самостоятельной изобретательности и воспитывали бы этим свои интеллектуальные силы, облагораживали бы свой характер и увеличивали бы свои наслаждения. Таким образом, человечество облагораживалось бы именно теми вещами, которые теперь – как ни прекрасны они сами по себе – так часто, однако, служат к его унижению. Чем больше человек привык жить среди идей и нравственных впечатлений, чем значительнее и тоньше его умственная и нравственная сила, тем более стремится он избирать только такие внешние положения, которые удовлетворяли бы внутреннюю сущность человека, или же, по крайней мере, старается извлечь такое удовлетворение из тех положений, в которые ставит его судьба. Неизмерима выгода, которую человек по-

лучает в смысле величия и красоты, когда он непрестанно стремится к тому, чтобы его внутреннее существо занимало всегда первое место, чтобы оно было первым источником и последней целью всякой деятельности, а все телесное и внешнее служило бы им только оболочкой и орудием.

Не замечателен ли, например, в истории характер, который развивает в народе спокойное занятие земледелием. Труд, посвящаемый им земле, и жатва, которой земля вознаграждает его, сладко приковывают земледельца к его полю и очагу; участие в благословенном труде и общее потребление добытого связывают каждую семью узами любви, из которых не вполне выключен даже работающий вместе вол. Зерно, которое должно быть посеяно и собрано, ежегодно возвращается, и жатва редко обманывает надежду земледельца; это делает его терпеливым, полным доверия и бережливости; дары, получаемые непосредственно от природы, постоянно возникающее чувство, что хотя рука человека и должна рассеивать зерно, но не от нее рост и урожай, вечная зависимость от благоприятной и неблагоприятной погоды поселяют в душе то полное боязни, то радостное сознание высших сил, порождает попеременно то страх, то надежду и ведет к молитве и благодарности; живая картина простейшего величия, ненарушимого порядка и благотворной щедрости возвышает душу, смягчает ее и внушает ей радостную покорность нравственности и закону. Всегда привычный к производительному труду, а не к разрушению, земледелец миролюбив, далек от желания наносить обиды или мстить, но исполнен сознания оказанной ему несправедливости в случае ничем не вызванного нападения и одушевлен непоколебимым мужеством в борьбе с нарушителем мирного спокойствия его жизни.

Несомненно, однако, что свобода есть необходимое условие, без которого даже такое занятие, куда человек вкладывал бы всю свою душу, не в состоянии оказать подобного благодетельного влияния. Что избрано не самим человеком, в чем он даже только стеснен или руководим, то не переходит в его существо, но вечно остается ему чуждым и совер-

шается им в действительности не с помощью человеческой силы, а лишь посредством механической ловкости.

Древние, преимущественно греки, почитали вредным и бесчестящим всякое занятие, которое, развивая лишь телесную силу, имело целью не внутреннее развитие, а приобретение внешних благ. Самые человеческие философы их одобряли поэтому рабство как бы ради того, чтобы этим несправедливым и варварским средством обеспечить за одной частью человечества высшую силу и красоту, принося ей в жертву другую часть того же человечества. Но заблуждение, лежащее в основе всего этого рассуждения, легко указывается разумом и опытом. Каждое занятие в состоянии облагородить человека, дать ему определенный и достойный его образ. Все дело в том, как совершается данный труд. Можно принять за общее правило, что каждое занятие имеет благотворное влияние, пока оно само и употребляемая на него энергия, главным образом, одушевляют человека; оно становится менее благотворным и, напротив, часто даже вредным, если больше обращено внимания на результат, к которому оно ведет, а на самую деятельность смотрят лишь как на средство. Все, что привлекательно само по себе, возбуждает уважение и любовь, между тем как то, что служит лишь средством для достижения каких-нибудь выгод, вызывает только жажду приобретения; но человек, питая к чему либо чувства уважения и любви, облагораживается в такой же мере, в какой жажда приобретения подвергает его опасности унизиться. Когда государство высказывает ту положительную заботу, о которой здесь идет речь, то оно может иметь в виду только результаты; ради этих последних оно и вырабатывает правила, выполнение которых наиболее обеспечивает усовершенствование названных результатов.

Эта ограниченная точка зрения приносит наибольший вред там, где истинная цель человека, касаясь лишь нравственных или умственных сторон, имеет в виду самое дело, а не его последствия, и где эти последствия только по необходимости или случайно связаны с делом. Все сказанное справедливо относительно научных исследований, религиозных

мнений, всех людских союзов, и в особенности относительно брака как самого естественного из них и самого важного сколько для отдельного человека, столько и для государства.

Союз лиц обоего пола, основанный именно на половом различии (такое определение брака может быть всего правильное), легко представить себе настолько же разнообразным, насколько разнообразны взгляды на это различие и на проистекающие из него наклонности сердца и цели разума; для каждого человека весь его нравственный облик и преимущественно сила и характер его ощущений скажутся в этих взглядах. Преследует ли человек более внешние цели или старается более о развитии своего внутреннего существа? Деятельнее ли его ум или его чувство? Живо ли он увлекается и быстро охладевает или медленно привязывается и остается верным? Будут ли узы, которые он заключает, слабее или теснее? Сохраняет ли он более или менее самостоятельности и в теснейшем союзе?.. Все эти условия и бесконечное множество других изменяют так или иначе его отношения в супружеской жизни. Как бы, однако, ни складывалась эта последняя, но влияние ее на сущность человека и его счастье неоспоримо: высшее совершенствование или ослабление его нравственного существа зависит большей частью от того, удастся ему или нет попытка найти или создать действительность согласно его внутреннему настроению. Особенно сильно это влияние на самых ценных, впечатлительных и отзывчивых людей, отличающихся нежностью, глубиной и прочностью чувства. К числу подобных людей можно с полным правом отнести вообще скорее женщин, нежели мужчин, и поэтому характер первых зависит по преимуществу от рода семейных отношений в данной нации. Женщина, при настоящих условиях жизни почти совершенно свободная от всякой внешней деятельности, занятая почти исключительно таким образом, что ее внутреннее я остается предоставленным самому себе, более сильная тем, чем она может быть, чем тем, что может совершить, способная выразить большее внутренним чувством, чем высказанной мыслью, при более нежном телосложении, более

оживленном взгляде, более трогательном голосе, богаче одаренная способностью самого непосредственного ощущения и наиболее сдержанного его выражения, предназначенная более ожидать и воспринимать, чем действовать по собственной инициативе, сама по себе более слабая и сильнее привязывающаяся, но не вследствие этой слабости, а из уважения к чужому величию и силе, в союзе непрестанно стремящаяся вместе с тем существом, к которому привязалась, воспринимать, развивать в себе самой воспринятое впечатление и возвращать его таким образом преобразованное, в то же время более одушевленная тем мужеством, которое дается чувством любви, и сознанием такой силы, которая не столько велика в непосредственном сопротивлении, сколько в умении переносить страдание, – женщина, говорю я, в сущности ближе к идеалу человека, нежели мужчина; и если верно, что она реже достигает этого идеала, чем мужчина, то это происходит, может быть, только потому, что везде труднее идти по прямой и крутой дороге, чем окольным путем. Нужно ли упоминать о том, насколько страдает от несоответственных внешних условий внутреннее я существа, столь чувствительного и столь цельного, поддающегося, следовательно, каждому влиянию, причем это влияние охватывает не одну какую-нибудь его часть, но все целое. И, однако, от правильного развития женского характера зависит в обществе так бесконечно много.

Если верно, что каждый род совершенства выражается одной известной категорией существ, то можно сказать, что женский характер хранит в себе всю сокровищницу нравственности. *«Мужчина стремится к свободе – женщина к нравственным устоям»*⁶.

И если по этому глубоко и искренно прочувствованному выражению поэта мужчина старается расширить внешние пределы, которые задерживают его духовный рост, то заботливая рука женщины воздвигает благотворные внутренние границы, без которых силы человека не могли бы достиг-

---

⁶ Гете И. В. Торквато Тассо. II. 1.

нута высшего совершенства; она в этом случае действует тоньше, нежели мужчина, потому что сильнее и глубже его живет внутренней жизнью, яснее понимает разнообразные человеческие отношения, одарена большей интенсивностью чувств и избавлена от необходимости умничанья, которое так часто затемняет истину.

Если бы оказалось необходимым, то в истории легко было бы найти подтверждение вышеизложенного положения и того взгляда, что нравственная сила народов везде находится в теснейшей связи с уважением к женщине.

Из всего предыдущего следует, что влияние брака так же разнообразно, как и характер отдельных личностей; поэтому крайне вредно, когда государство старается определить путем закона характер союза, столь тесно связанного в каждом данном случае с личными особенностями, или же когда оно с помощью распоряжений ставит этот союз в зависимость от чего бы то ни было, помимо чувства привязанности. Это тем более верно, что все государственные определения подобного рода имеют преимущественно в виду одни только последствия брака, как то: увеличение народонаселения, воспитание детей и т.д. Однако можно доказать, что те же результаты достигаются при высшей заботе о лучшей внутренней жизни. Тщательно произведенные наблюдения доказали, что неразлучный, продолжительный союз одного мужчины с одной женщиной наиболее благоприятен для умножения народонаселения, и нужно признать, что никакой другой союз не может возникнуть при истинной, естественной и неизменной любви. Подобный союз мужчины с женщиной не создает никаких других отношений, кроме тех, которые вытекают из наших понятий о нравственности и предписываются законом, как то: рождение детей, воспитание их, совместная жизнь и частью общность имущества, ведение внешних дел отцом семейства, управление домашним хозяйством женщиной. Ошибка, по-моему, заключается в том, что закон обязывает к подобным отношениям, между тем как они могут возникать только вследствие склонности, но не внешних распоряжений; поэтому там, где

принуждение или руководство противоречит склонности, эта последняя еще менее идет по правильному пути. Я надеюсь, что мне будет позволено решить данный вопрос лишь на основании вышеприведенных доводов, хотя я говорю здесь не о браке вообще, а упоминаю о нем лишь для указания одного из частных вредных последствий, проистекающих от ограничительной деятельности государства. Я думаю, что государство должно не только сделать брачные узы свободнее и шире, но что деятельность его должна быть совершенно отстранена от брака. Этот род союза должен быть вполне предоставлен свободной воле личностей и поставлен в зависимость лишь от заключаемых ими разнообразных договоров как вообще, так и в их видоизменениях. Боязнь, что через это нарушатся все семейные отношения или даже вообще явится препятствие к их возникновению (как бы ни основательна она была при тех или других местных условиях), не остановила бы меня, так как я имею в виду природу человека и свойства государства в общем. Опыт нередко доказывает, что там, где закон освобождает, нравственное чувство связывает. Идея внешнего принуждения вполне противна такому союзу, который, как брак, основан исключительно на взаимной склонности и чувстве внутреннего долга; и последствия принудительных мер в этом случае отнюдь не соответствуют намерению.

4. Забота государства о положительном благе граждан вредна еще и потому, что направлена на смешанную массу и вследствие этого вредит отдельной личности своими мероприятиями, которые применимы к каждому отдельному лицу только со значительными погрешностями.

5. Она препятствует развитию индивидуальности и своеобразности человека... в нравственной и вообще практической жизни в том случае, когда он следует тем началам, которые одни составляют главную основу права, т.е. постоянно стремится к высшему и своеобразнейшему развитию самого себя и других, везде руководствуется этой чистой целью и подчиняет ей всякий другой интерес без примеси каких бы то ни было чувственных побуждений.

Но все стороны, которые может развивать в себе человек, находятся в удивительно тесной связи; и если уже в умственном мире эта связь хотя не теснее, но, во всяком случае, яснее и заметнее, чем в физическом, то она еще гораздо более заметна в мире нравственном. Поэтому люди должны вступать в союзы друг с другом не для того, чтобы терять своеобразие, но чтобы избегать обособленности и исключительности; союз должен не превращать одно существо в другое, а как бы давать одному доступ к внутреннему миру другого; то, что каждый сам по себе имеет, он должен сравнивать с тем, что получает от других, и сообразно с этим изменять свое, не позволяя ему, однако, подавляться чужим. Как в умственной сфере никогда истина не борется против истины, так и в сфере нравственности никогда не происходит борьбы между чувствами, действительно достойными человека; тесные и в то же время разнообразные союзы самобытных характеров поэтому также необходимы для уничтожения того, что не может существовать совместно и само по себе не ведет к великому и прекрасному; необходимы подобные союзы и для того, чтобы сохранять, воспитывать и возбуждать к новому и более прекрасному развитию те внутренние стороны человека, существование которых остается не нарушенным. Поэтому мне кажется, что непрестанные стремления постичь внутреннюю своеобразие другого, пользоваться ею и воздействовать на нее, испытывая при этом глубокое и искреннее уважение к ней как особенности свободного существа должны лечь в основу общественных отношений. При этом уважение к чужой личности может допустить только одно, именно, чтобы каждый искренне высказывался перед другим, создавая этим возможность сравнения между собою и им. К сожалению, к общественным сношениям люди относятся весьма легко и даже с пренебрежением. Это пренебрежение можно извинить тем, что неделовые встречи с людьми должны быть отдохновением, а не полным труда занятием и что, к сожалению, от множества людей невозможно заимствоваться хотя бы одной какой-нибудь поучительной или за-

мечательной особенностью. Тем не менее каждый человек должен был бы иметь достаточно самоуважения, чтобы не искать другого отдохновения, кроме того, которое представляется заменой одного интересного занятия другим и именно таким, которое не оставляет его благороднейших сил в бездействии. Каждый должен бы был иметь в то же время достаточно уважения к человечеству, чтобы не считать ни одного из его членов вполне неспособным принести пользу другому или самому измениться к лучшему под влиянием другого. Менее всего, однако, должен это упускать из виду тот, кто избрал предметом своей деятельности управление людьми. Следовательно, так как государство при положительной заботе хотя бы только о внешнем и физическом благе, всегда тесно связанном с внутренним существом человека, не может не сделаться помехой для развития индивидуальности, то это составляет новую причину никогда не допускать подобной заботы, за исключением случаев крайней необходимости.

Таковы приблизительно вреднейшие последствия заботы государства о положительном благе граждан, последствия, которые связаны преимущественно с известным видом проявления этой заботы, но которые и вообще, по моему мнению, отделить от нее нельзя. Я хотел в настоящее время говорить только о заботе государства по отношению к физическому благу: мне кажется, что я везде исходил из этой точки зрения и строго отделял все, что относится только к одному нравственному благу. Однако я упоминал уже в начале, что рассматриваемый предмет сам по себе не допускает точного обособления различных своих сторон, — пусть это и послужит мне извинением в том случае, если многое из вышеприведенного рассуждения окажется относящимся вообще ко всей положительной заботе государства о благе граждан. Я, однако, до сих пор принимал, что государственные учреждения, о которых я здесь говорю, уже действительно установлены; поэтому я должен еще упомянуть о некоторых препятствиях, преимущественно являющихся при самом установлении их.

6. Очевидно, что при этом установлении всего необходимого взвесить предполагаемые выгоды и сравнить их с неудобствами, и в особенности с ограничением свободы, всегда имеющим место в этом случае. Однако такое сравнение всегда затруднительно, и если бы хотели привести его полным и точным образом, то оно, может статься, оказалось бы совершенно невозможным. Всякое ограничительное учреждение приходит в столкновение со свободным и естественным проявлением сил и вызывает множество новых отношений и последствий, количество которых невозможно и предвидеть, даже принимая в расчет только самый нормальный ход явлений и оставляя в стороне все какие бы только ни были важные и непредвиденные случайности, в которых, однако, никогда нет недостатка.

Каждый, кто имел случай заняться высшей правительственной деятельностью, знает из опыта, как невелико число мер, в сущности зависящих от непосредственной, абсолютной необходимости, и сколькие из этих мер необходимы только относительно, посредственно, находясь в зависимости от других, предшествовавших им мер. При этом становится необходимым гораздо большее число мероприятий, и именно таких, которые должны бы были служить для достижения главной цели. И такое государство не только нуждается в больших доходах, но требует более искусственных учреждений для поддержания самой его политической безопасности, так как части его сами по себе менее тесно связаны и забота государства должна быть поэтому более деятельна. Отсюда проистекает равно затруднительный и, к сожалению, часто упускаемый из виду вопрос: достаточны ли естественные силы государства для доставления ему всех необходимых средств? Если этот вопрос разрешается неправильно, то является полная неурядица и силы чрезмерно напрягаются вследствие новых искусственных мероприятий – от этого зла страдают многие из современных государств, хотя и не исключительно по одной вышеуказанной причине.

Здесь в особенности не следует упускать из виду одно вредное явление, близко касающееся человека и его развития, именно: что самое ведение государственных дел усложняется и что для избежания путаницы необходимо большее число частных учреждений и множество лиц, посвященных этого рода деятельности. Но большинству этих последних приходится иметь дело только со знаками и формулами. Вследствие этого не только много умных людей лишаются возможности мыслить и многие руки, которые могли бы, при других условиях, заняться производительным образом, отрываются от настоящей работы, но даже самые умственные силы людей страдают от этих частью пустых, частью односторонних занятий. Таким образом, нарождается и разрастается новый способ заработка – ведение государственных дел; и этот заработок ставит государственных слуг в гораздо большую зависимость от государства, платящего им жалованье, чем собственно от нации. Опыт неопровержимым образом доказывает, каковы дальнейшие вредные последствия, проистекающие из этого постоянного ожидания государственной помощи, именно: отсутствие самостоятельности, ложная гордость, бездеятельность и даже нищета. То же зло, из которого проистекают все эти вредные влияния, в свою очередь вызывается ими. Лица, которые начали уже управлять таким образом государственными делами, все более и более отвлекаются от самой сущности вещей и обращают внимание лишь на форму; они делают, может быть, иногда и существенные улучшения, но такие, однако, при которых сущность дела не принимается во внимание – причем эти улучшения часто идут даже во вред делу; вследствие этого возникают новые формы, новые осложнения, часто новые ограничительные установления, отчего в свою очередь происходит, и очень естественно, увеличение числа слуг государства. Поэтому в большинстве государств с каждым десятилетием увеличиваются персонал государственных слуг и объем ведомств, а свобода подданных уменьшается. При таком управлении все, конечно, сводится к тщательнейшему надзору и к точнейшему и честнейшему

исполнению обязанностей, так как возможность нарушать то и другое становится все большей и большей. Поэтому и стараются (и не без основания) проводить все через наивозможно большее число рук и удалить даже возможность ошибок или злоупотреблений. Но вследствие этого ведение дел становится почти совершенно механическим, а люди превращаются в машины; и настоящее умение и честность все уменьшаются по мере уменьшения доверия. Наконец, вследствие этого же вообще теряется способность правильно судить о том, что важно и что не важно, что достойно уважения и что презренно, что заслуживает быть главнейшей и что является второстепенной целью. Это и не может быть иначе, так как занятия, о которых здесь идет речь, получают большое значение – и если государство хочет быть последовательным, должны получать таковое. И так как необходимость занятий этого рода в свою очередь выкупает все неудобства многими бросающимися в глаза благотворными последствиями, то я не останавливаюсь на этом вопросе и перехожу к последнему предмету, который мне остается рассмотреть и для которого все вышеприведенное могло служить лишь необходимым подготовлением, т.е. к изменению точки зрения вообще, вызванному положительной заботой государства о гражданах.

7. Чтобы заключить эту часть исследования обобщением, основанным на важнейших соображениях, я прибавлю, что ради вещей пренебрегают людьми, ради результатов – силами. Следуя этой системе, государство становится похожим на скученную массу безжизненных и живых орудий деятельности и наслаждений, а не на совокупность действующих и наслаждающихся сил. При пренебрежении самостоятельностью действующих существ, по-видимому, имелось в виду счастье и наслаждение. О счастье и наслаждении справедливо судит только ощущение наслаждающегося; если поэтому вышеуказанный расчет и был бы верен, то он, во всяком случае, был бы противен человеческому достоинству. Но как иначе объяснить то, что эта система, име-

ющая в виду только спокойствие, по собственной воле отказывается от высшего человеческого наслаждения как бы из опасения подвергнуться страданию. Человек наслаждается всего более в те моменты, когда чувствует в себе высшее развитие своей силы и цельности. Конечно, в эти же самые моменты он ближе всего к величайшему страданию. Ибо за моментом напряжения может следовать только равное напряжение – к наслаждению же или к лишениям направляет нас рука непобедимой судьбы. И хотя только чувство «высшего» одно заслуживает в человеке название счастья, тем не менее и горе, и страдание могут видоизменяться. Внутренняя сущность человека является вместилищем счастья или несчастья, а она не изменяется с течением событий, которые захватывают человека. Но упомянутая система ведет, по моему мнению, только к бесплодному стремлению избежать страдания. Тот, кто поистине понимает наслаждение, переносит и страдание, которое настигает и того, кто стремится его избежать; он непрестанно радуется спокойному ходу судьбы; он восторгается величием, где бы ни созерцал его – будь это при возникновении чего-либо нового или при разрушении старого. Таким образом, он может прийти даже до того, что будет почитать наслаждением те ощущения, которые человек испытывает в момент собственного уничтожения; подобные настроения являются, однако, у немечтателей лишь в редкие минуты.

Может быть, меня обвинят в том, что я преувеличил перечисленные здесь вредные последствия; но я должен был выставить полное действие вмешательства государства, о котором здесь идет речь; само собою разумеется, что эти вредные последствия весьма различны, смотря по степени и роду самого вмешательства. Вообще я позволю себе выразить желание, чтобы читатель не сравнивал с действительностью встречающиеся в этом сочинении обобщения. В действительности явление редко представляется во всей своей чистоте; но даже когда это и случается, то невозможно проследить быстроту этого хода. Между тем, даже допуская, что вред, о котором я говорю, был бы и не столь важен,

я думаю, однако, что предлагаемая мной теория тем не менее могла бы принести громадную пользу, если бы ее применение было вполне возможно, в чем, однако, многое заставляет сомневаться. Ибо вечно деятельная, никогда не покоящаяся, присущая вещам сила борется со всем, что ей враждебно, и содействует всему, что ей полезно; поэтому в высшем смысле слова верно, что даже самое ревностное старание принести вред никогда не в состоянии сделать столько зла, сколько всегда и везде само по себе возникает добра.

Я бы мог здесь представить прекрасную противоположную картину народа, пользующегося высшей и неограниченной свободой и полнейшим разнообразием окружающих его условий. Я мог бы показать, как здесь должны появляться еще более прекрасные, высокие и чудные формы разнообразия и оригинальности, чем даже в несказанно привлекательной древности, где своеобразность менее цивилизованного народа представлялась всегда более грубою, где с утонченностью всегда возникала сила и даже богатство характера и где при почти безграничном союзе всех наций и частей света даже самые элементы были, так сказать, многочисленнее. Я мог бы показать, насколько энергичней сделался бы человек, если бы каждый по отдельности развивался самостоятельно; если бы, вечно окруженный прекрасными образами, он с неограниченной самодеятельностью, постоянно возбуждаемой свободой, претворял бы в себя эти образы. Внутренняя сущность человека могла бы тогда развиваться до высшей утонченности и нежности; это сделалось бы его настоятельнейшей заботой, все физическое и внешнее перешло бы во внутреннее, нравственное и умственное; связь, соединяющая обе эти природы в человеке, сделалась бы прочнее, так как ничто более не служило бы помехою свободному воздействию всех человеческих занятий на дух его и характер. Ни одного человека не приносили бы тогда никому и ничему в жертву. Каждый сохранял бы для себя всю данную ему природой силу, и каждого именно вследствие этого воодушевляла бы прекрасная готовность дать этой силе направление, полезное для других.

Каждый шел бы вперед в своей своеобразности, проявляя более разнообразные и тонкие оттенки прекрасного человеческого характера; односторонность сделалась бы все более и более редкою, так как вообще и всегда она есть следствие слабости и духовной бедности. Каждый был бы вынужден перерабатывать себя, сообразуясь с другими, вследствие необходимости поддерживать связь с ними, так как ничто не заставляло бы теперь этих других становиться подобными ему. В таком народе, о котором я говорю, все силы и все руки без исключения трудились бы для возвеличения человеческого существования и для усугубления человеческого счастья. Я мог бы, наконец, показать, что вследствие всего этого все человеческие воззрения были бы направлены в одну сторону и отвлечены от всякой другой ложной или по крайней мере менее достойной человечества конечной цели. В заключение я обратил бы внимание на то, что все эти благодетельные последствия указанного мной государственного устройства, будучи распространены в народе, каков бы он ни был, уменьшили бы в значительной степени даже ужасы тяжелых постигающих человечество бедствий, которых, конечно, никогда нельзя будет уничтожить вполне, — я подразумеваю опустошения природы, вред, вытекающий из враждебных людских наклонностей, и довольствуюсь тем, что начертал противоположную картину; я нахожу достаточным набрасывать идеи, предоставляя их проверку более зрелому разуму.

Если я попытаюсь вынести конечные результаты из предыдущего, то основным началом этой части настоящего рассуждения должно быть следующее.

Государство должно воздержаться от всякой заботы о положительном благе граждан; оно не должно делать ни одного шага далее, чем необходимо для их безопасности друг от друга и от внешних врагов; ни для какой другой цели не должно оно стеснять их свободы.

Я теперь должен был бы перейти к средствам, при помощи которых деятельно выражается подобная забота; однако так как эти средства далеко не соответствуют моим личным

убеждениям, то я считаю себя вправе умолчать о них. Я удовольствуюсь только общим замечанием, что существует множество различных средств для ограничения свободы во имя общего блага. Эти средства могут быть прямые и косвенные, к числу прямых принадлежат: законы, поощрения, награды. К косвенным относится то, например, что правитель, будучи сам значительнейшим собственником в стране, предоставляет отдельным гражданам привилегии, монополии и т.п. Я прибавлю далее, что все эти средства ведут за собой вредные последствия, хотя бы и весьма различные по степени и характеру. Если бы здесь не было сделано возражения против того и другого, то тем не менее может показаться странным желание воспретить правительству делать то, что дозволено каждому отдельному гражданину; именно: назначать награды и помогать гражданам в приобретении собственности. Если бы было возможно, чтобы государство было и в действительности тем двойственным лицом, которым оно представляется в отвлеченности, то здесь ничего нельзя было бы возразить. Это было бы совершенно равносильно тому, как если бы частное лицо приобрело значительное влияние. Однако, не беря даже в расчет разницу между теорией и практикой, обратим внимание на то, что влияние частного лица может прекратиться вследствие конкуренции, раздробления имущества и даже самой смерти — т.е. явлений, не могущих встретиться по отношению к государству. Следовательно, основное начало, что государство не должно вмешиваться ни во что такое, что не касается исключительно безопасности граждан, остается в прежней силе; тем более что это начало подтверждается отнюдь не теми только доказательствами, которые истекают из самой сущности принуждения. Побуждения, на основании которых действует частное лицо, также отличаются от побуждений государства. Когда, например, частное лицо назначает премии, которые я принимаю за равносильные по своему влиянию с государственными (хотя этого и нет в действительности), то оно делает это ввиду собственной выгоды. Но вследствие постоянных сношений его со всеми ос-

тальными гражданами и одинаковости их положений его выгоды находятся в тесном соотношении с их выгодами или невыгодами и, следовательно, со всем их положением. Цель, которой он хочет достигнуть, подготовлена уже до известной степени в настоящем и вследствие этого действует благодетельно. Мотивы государства, напротив, состоят из идей и принципов, при которых часто обманывает самый точный расчет; и если мотивы эти проистекают еще из частного положения данного государства, то не следует забывать, что самое это положение может грозить благосостоянию и безопасности граждан и никогда не находится в точном соответствии с их положением. Если бы этого зла не существовало, то, собственно говоря, действующим лицом являлось бы уже не государство и самая сущность настоящего рассуждения не допускала бы его применения.

Но вышесказанное, так же как и все предыдущее рассуждение, исходило лишь из таких точек зрения, которые имели в виду силу человека как человека и его внутреннее развитие. Меня по справедливости можно было бы обвинить в односторонности, если бы я вполне пренебрег результатами, которые так необходимы для того, чтобы эта сила могла вообще действовать. Поэтому здесь является вопрос: может ли все то, от чего мы хотим отстранить заботы государства, преуспевать без него и само по себе. Здесь было бы уместно рассмотреть отдельные роды промыслов – земледелие, ремесла, торговлю и все остальное, о чем я здесь говорю вообще. Нужно было бы со знанием дела разобрать и указать, какие вредные или полезные результаты проистекают для этих промыслов из свободы и самостоятельности. Недостаток фактического знания препятствует мне, однако, взяться за подобное исследование. Я, впрочем, не считаю этого даже необходимым для сущности дела. Тем не менее в хорошем и преимущественно историческом изложении подобное исследование представило бы ту значительную выгоду, что распространило бы эти идеи и дало бы возможность обсудить, осуществимы ли они; конечно, при этом пришлось бы во многом видоизменить их, так как уже существующее,

действительное положение вещей едва ли допустило бы их полное и точное применение. Я довольствуюсь несколькими общими замечаниями. Каждое занятие, какого бы оно роду ни было, всегда лучше исполняется, если ему предаются ради него самого, а не ради его последствий. Это до того присуще природе человека, что обыкновенно то, что сначала избрано ввиду пользы, впоследствии становится привлекательным. Это происходит лишь вследствие того, что для человека деятельность дороже обладания – деятельность в смысле самодеятельности. Несомненно, что самый сильный и деятельный человек более всего и предпочел бы праздность вынужденному труду. Идея собственности также усиливается с идеей свободы; в то же время несомненно, что наиболее энергической деятельностью мы обязаны чувству собственности. Вообще достижение высоких целей требует единства организации. Это неоспоримо. То же самое необходимо, когда имеются в виду предупреждение и отвращение больших бедствий, голода, наводнений и т.д. Но это единство достигается также и народными учреждениями, не только учреждениями государственными. Отдельным частям народа и народу в целости должна быть только предоставлена свобода соединиться при помощи вольных договоров. Всегда будет существовать неоспоримое и существенное различие между народным и государственным учреждением. Первое обладает только посредственной властью, а второе прямой. При первом существует больше свободы в заключении, расторжении и вообще видоизменении союза. Весьма вероятно, что вначале все государственные союзы были не чем иным, как подобными народными союзами. Но опыт указывает нам здесь, как вредно, когда к заботе о безопасности присоединяется стремление достигнуть еще каких-либо иных целей. Руководящий подобного рода делами должен ради безопасности обладать неограниченной властью. Но власть эта распространяется им и на все остальное; и чем более учреждение удаляется от своего начала, тем более растет власть и тем более теряется память о том, что составляло сущность основного союза; частное же

учреждение в общем государственном строе сохраняет силу лишь постольку, поскольку оно высоко ценит эту сущность и старается поддержать уважение к ней. Казалось бы, что уже и этого довода достаточно. Однако даже в том случае, если бы строго держались основного договора и государственный союз был бы в теснейшем смысле народным союзом, то и тогда воля отдельных личностей могла бы высказываться лишь через выборных представителей; но представитель многих не может быть вполне верным выразителем мнений каждого отдельного лица, которое он представляет. А между тем все вышеприведенные доводы доказывают необходимость согласия каждого отдельного лица. Но это исключает решение по большинству голосов; между тем нельзя себе представить иного решения общественных дел в таком государственном союзе, который был бы заключен ради обеспечения положительного блага граждан. Несогласным ничего другого не оставалось бы, как выделиться из общества, избегая таким образом подсудности ему, и отказаться от подчинения решению, принятому большинством голосов. Но подобный выход затруднен до невозможности, если выходить из этого общества значит выделяться и из самого государственного строя. Далее, лучше, если ради частной, совершенно определенной необходимости будет каждый раз заключаться отдельный союз, чем если будут заключаться союзы более общие ввиду неопределенных будущих случаев. Наконец, союзы свободных людей образуются среди нации с большими затруднениями. Это, конечно, вредит достижению имеющихся в виду целей. В то же время несомненно, что более обширные союзы приносят менее пользы; однако не следует забывать, что вообще то, что возникает труднее, имеет также большую прочность, ибо здесь долго испытанные силы как бы теснее связываются между собою. Чем человек самостоятельнее, тем он сильнее развивается. В многочисленном союзе он слишком легко становится орудием. Недостаток подобных союзов заключается еще и в том, что часто форма заменяет в них сущность дела, что всегда вредно для развития. Мертвый

иероглиф не в состоянии воодушевить, как воодушевляет живая природа. Вместо примера я напому здесь только об учреждениях для бедных. Что более них убивает всякое истинное сострадание, всякую полную надежды, но скромную просьбу, всякое доверие человека к человеку? Не презирал ли бы всякий такого бедняка, который согласился бы просуществовать спокойно и удобно в течение года в больнице и не предпочел бы, перенеся всякие бедствия, встретить не небрежно бросающую милостыню руку, а полное участия сердце. Итак, я допускаю, что мы не сделали бы тех быстрых успехов, которые совершены в течение последних столетий, если бы человечество не трудились совместно и, так сказать, огромными массами; но при этом я подразумеваю лишь быстрые успехи. Тем не менее плод хотя и медленнее, но созрел бы. И разве он не был бы прекраснее? Я думаю поэтому отстранить это возражение. Еще два других остается рассмотреть впоследствии, именно: возможно ли сохранение безопасности при отсутствии государственной заботы и не должно ли добывание средств, необходимых государству для его деятельности, повести к вмешательству государственных установлений в частные отношения отдельных граждан.

**Забота государства
об отрицательном благе граждан.
Об их безопасности**

Никакие государственные союзы не были бы нужны, если бы зло, проистекающее из стремления людей переступить законные границы и заходить в область чужого права⁷, что ведет за собой раздоры, было сходно с физическим злом природы и со злом нравственным (в этом случае равнозначим), проистекающим от избытка наслаждений или лишений либо от нарушения других необходимых условий существования, ведущих к саморазрушению. С первым боролся бы ум и предусмотрительность людей – с последним мудрость, наученная опытом; и как бы то ни было, в каждом из обоих случаев с уничтожением зла была бы покончено и борьба. Поэтому вовсе нет необходимости в высшей, не терпящей противоречия власти, которая и представляет сущность понятия о государстве. Совершенно иначе обстоит дело по отношению к раздорам между людьми; здесь, во всяком случае, требуется власть, подобная указанной выше. При раздорах одна борьба

---

⁷ Для того, что я здесь выражаю распространено, у греков было одно слово: *Pleonexia* (плеонексия), для которого я, однако, ни в каком другом языке не нахожу вполне равнозначного выражения. Между тем можно было бы по-немецки сказать: *Begierde nach mehr* (а по-русски «жажда большего»); но эти слова не передают в то же время мысли о «нарушении права», которая заключается в греческом выражении если и не в самом смысле слова, то, во всяком случае, насколько мне кажется, в смысле постоянного употребления его авторами. Можно было бы передать эту мысль лучше – во всяком случае, в отношении языка, хотя и не с равным объемом понятия, словом *Übervorteilung*.

ведет за собой другую. Оскорбление требует мести, а месть есть новое оскорбление. Поэтому тут необходимо найти такую месть, которая не допускала бы новой мести – и таковой именно является государственная кара; или же нужно такое решение, которое заставляло бы спорящие стороны успокоиться – именно решение судебное. Далее, никогда не представляется такой надобности в настоятельном поведении и неограниченном повиновении, как когда дело идет о предприятиях человека против человека, будь это в смысле противодействия внешнему врагу или для сохранения безопасности в самом государстве. При отсутствии безопасности человек не может ни развивать своих сил, ни пользоваться их плодами, потому что в отсутствии безопасности нет свободы. Но именно этого отдельный человек и не может достигнуть; затронутые, хотя и не вполне развитые нами доводы и опыт современных государств доказывают это. Государства эти связаны между собой многоразличными договорами и союзами, и страх могущего последовать наказания препятствует посягательствам их на взаимную безопасность, причем они находятся, конечно, в несомненно более благоприятных условиях, чем те, среди которых живут отдельные люди в естественном состоянии; тем не менее государства эти не пользуются даже той скромной долей безопасности, которая составляет достояние самого ничтожного подданного при весьма посредственных правительственных учреждениях. Если поэтому в предыдущих строках я старался исключить из круга государственной деятельности заботу о весьма многом, на том основании, что сами граждане могут удовлетворить имеющиеся в виду при этом потребности столь же хорошо и не опасаясь тех вредных последствий, которые ведет за собой государственная забота, то на том же основании я должен обратить теперь внимание на безопасность отдельных граждан как на единственное⁸, чего человек не может достигнуть исключительно посредством своих личных сил. Я ду-

---

⁸ Безопасность и личная свобода суть единственные вещи, которые изолированное существо не может само себе обеспечить (*Mirabeau*. L'éducation publique. P. 119).

маю поэтому, что имею право выставить здесь первое положительное основное начало, которое будет впоследствии точнее определено и ограничено.

Сохранение безопасности как от внешних врагов, так и от внутренних междоусобий составляет исключительную цель государства и единственный предмет его деятельности.

До настоящего времени я ограничивался отрицательным определением, что государство не должно простираť своей деятельности далее этих пределов.

Сказанное выше вполне подтверждается историей, так как у древних народов государи были не чем иным, как предводителями на войне или судьями в мирное время. Я говорю «государи». Я позволю себе здесь отступление: как бы это ни казалось странным, но именно в то время, когда люди обладали лишь весьма немногим, знали и ценили только личную силу и считали высшим благом неограниченное пользование ею; когда чувство свободы ставилось выше всего, история указывает нам лишь государей и монархические правления. Таковыми были все государства Азии, древнейшей Греции и наиболее свободолюбивых племен Германии⁹.

Додумываясь до причины этого явления, поневоле поражаешься истиной, что избрание именно монархической формы представляется доказательством высшей свободы избирающих. Сознание необходимости повелителя является, как сказано выше, только когда чувствуется необходимость в предводителе или судье. Наиболее целесообразным в этом случае будет один единичный предводитель или один судья. Забота о том, что этот единичный предводитель или судья может сделаться властителем, недоступна свободному человеку. Свободный человек даже не предчувствует возможности чего-либо подобного; он не

---

⁹ Reges (nam in terris nomen imperii id primum fuit) cet, sallusitus in Catilina. C. 2. Kata'rehas hapasa polis Hellas ebasileueto Dion. Halicarr. Antiquit Rom. 1. 5. (Сначала всеми греческими городами управляли государи и т.д.)

_____

¹⁰ Кого из богами рожденных государей почтить дочери великого Зевса, на кого их взор обратится при его рождении, тому окропляют они язык сладостной росой, и из его уст текут медовые речи. Для того царствуют разумные государи, чтобы спокойными словами без труда направлять к миру народ, когда в собраниях его появляются раздоры.

Забота государства о безопасности от внешних врагов

Мне едва ли нужно было бы упоминать о безопасности против внешних врагов, если бы ясность основной идеи не увеличивалась от ее последовательного приложения ко всем частным случаям. Это приложение будет здесь тем полезнее, что я ограничусь рассмотрением того влияния, которое войны имеют на характер нации, следовательно, той точкой зрения, которая господствует во всем моем исследовании. Исходя из этой точки зрения война представляется мне одним из явлений, в высшей степени благотворно действующих на развитие человечества, и мне прискорбно, что она все более и более отступает на задний план. Война есть, конечно, ужасная крайность, при помощи которой деятельная нравственная сила закаляется против опасности, труда и страданий; сила, которая затем в человеческой жизни проявляется и видоизменяется, придавая ей значение и разнообразие, без которых живость и восприимчивость становятся слабостью, а цельность теряет свой смысл.

Мне ответят, что наряду с войной существуют другие средства подобного же рода: физические опасности при многих занятиях и опасности нравственные, которые может встретить как твердый, непоколебимый государственный человек в своем кабинете, так и свободный мыслитель в своей рабочей келье. Но я не могу освободиться от мысли, что, как все духовное, это есть только более тонкий цвет телесного. Ствол, на котором этот цвет может распуститься, принадле-

жит прошлому; но воспоминание о прошлом отступает все более назад, и число тех, на кого оно влияет, постоянно уменьшается в нации, и даже на них действие становится все слабее и слабее. С другими родами деятельности, представляющими столько же опасности, как то: мореплаванием, горным делом и т.д., связаны идеи величия и славы, столь присущие понятию о войне. И эти идеи в действительности нельзя назвать химерами. Они основаны на представлении о перевозмогающей силе. Действия стихий стараются избежать, против них есть лишь одно средство – выносливость:

*– с богами
да не борется
ни один человек¹¹.*

Спасение не есть победа; то, что судьба благотельно дарует и чем человеческое мужество или человеческая восприимчивость только пользуются, не есть плод или доказательство могущества. Во время войны каждый думает также, что право на его стороне, что он мстит за оскорбление. Но вообще человек, как в естественном состоянии, так и при высшей цивилизации, ставит охранение своей чести выше накопления материальных средств жизни.

Едва ли кто-нибудь подумает, что я ставлю смерть воина, павшего в битве, выше смерти мужественного Плиния или – чтобы назвать людей недостаточно оцененных – выше смерти Роберта и Пилатра дю Розье. Однако эти примеры редки, и кто знает, существуют ли какие-либо подобные помимо них. По отношению к войне я также не выбрал особенного благоприятного примера. Но возьмем спартанцев при Фермопилах. Я спрашиваю каждого, как подобный пример должен действовать на нацию? Конечно, я знаю, что именно это мужество, это самоотвержение могут высказаться в каждом положении жизни и действительно высказываются. Но можно ли осуждать обыкновенного человека, если самое живое

---

¹¹ Гете в стихотворении: Grenzen der Menschheit. (Пределы человечества). II. S. 69. (Изд. 1840).

проявление этих сил наиболее увлекает его; и можно ли отрицать, что проявления подобного рода действуют на огромное большинство людей. И при всем том, что ни говорили мне о зле худшем, нежели смерть, я не видел ни одного человека, который вполне бы пользовался благами жизни и который, не будучи мечтателем, презирал бы смерть. Менее всего подобные люди встречались в древности, где сущность ставилась выше имени, настоящее выше будущего. То, что я здесь говорю о воинах, относится только к таким, которые не развиты подобно воинам Платоновой республики¹²; эти последние принимают жизнь и смерть за то, что они представляют в действительности; я же говорил о людях, которые, имея высшее благо в виду, рискуют этим высшим благом. Все положения, где сталкиваются крайности, имеют наибольший интерес и воспитательное значение. Но где же это встречается чаще, нежели на войне, здесь наклонности и обязанности человека и гражданина, находятся в постоянной борьбе, однако – в тех случаях, когда правое дело вооружало руку воина, – все эти столкновения вполне разрешаются.

Самые основания, по которым я почитаю войну благотворной и необходимой, уже указывают, как, по моему мнению, государство может пользоваться ею. Дух, вызываемый войной, должен иметь возможность распространяться на всех членов нации. Уже одно это говорит против постоянных армий. Сверх того, подобные армии и вообще новейшие способы вести войну, конечно, весьма далеки от идеала, который был бы полезнейшим для развития человека. Если вообще воину приходится, жертвуя своей свободой, как бы превратиться в машину, то он становится ею еще в гораздо большей мере при нашем способе ведения войны, при котором сила, мужество и ловкость отдельного лица имеют столь малое значение. Как же вредно должно быть, когда значительные части нации живут в мирное время этой жизнью машин, ввиду возможности войны, не только годы, но часто и в продолжение всей своей жизни?

---

¹² Эти воины были до того развиты, что смерть казалась им чем-то не страшным, а, напротив, привлекательным. («Республика». III. Init.)

Может быть, здесь более, нежели где-либо, имеет место то, что имеется с усовершенствованием теории человеческих предприятий, польза их уменьшается именно для тех, кто принимает в них наиболее близкое участие. Нельзя отрицать, что военное искусство сделало невероятные успехи в новейшее время, но тем не менее столь же мало можно отрицать, что возвышенность характера воина сделалась реже, его высшая красота существует только в истории древности; во всяком случае – если бы вышесказанное показалось преувеличением – воинственный дух у нас имел для нации часто одни вредные последствия, между тем как в древности мы чаще всего наблюдаем последствия столь благотворные. Одни наши постоянные армии вносят, если можно так выразиться, войну в лоно мира. Военное мужество почтенно только в связи с мирными добродетелями; военная выправка только в связи с высшей любовью к свободе. Если отделить одно от другого – и как часто встречается подобное разделение у воина вооруженного в мирное время, – то выправка вырождается в рабство, а мужество в зверство и необузданность.

При этом порицании постоянных армий я позволю себе напомнить, что говорю здесь о них не более, чем того требует моя настоящая точка зрения. Я далек от отрицания их великой и неоспоримой пользы, уравнивающей присущие им, как всему земному, недостатки, которые иначе неудержимо повлекли бы их к гибели. Они суть часть целого, образовавшегося не на основании суетных планов человеческого разума, но созданного могучей рукой судьбы. Как они связаны со всеми остальными особенностями нашего времени, как они вместе с ним разделяют заслугу и вину добра и зла, которыми мы отличаемся, должна была бы выразить картина, на которой смелая рука, изобразив нас верно и разносторонне, осмелилась бы поставить нас рядом с древностью.

Мне очень не посчастливилось бы в изложении моих идей, если бы я возбудил в читателе мысль, что, по моему мнению, государство должно от времени до времени затевать войну. Пусть оно дает свободу и пусть соседнее государство пользуется подобной же свободой. Люди всегда ос-

таются людьми и никогда не теряют своих прирожденных, коренных страстей. Война возникнет сама собой; а если не возникнет, то, по крайней мере, достоверно будет то, что мир не вынужден насилием и не вызван искусственным ослаблением; и тогда мир будет для народов настолько же более благодетельным даром, насколько мирный пахарь представляет более прекрасный образ, чем кровожадный воин. И если представить себе прогресс всего человечества из поколения в поколение, то достоверно, что последующие времена будут все более мирными и мирными. Но тогда мир будет проистекать из внутренних сил существ, и люди сделаются более мирными, потому что станут свободными людьми. Любым годом европейской истории можно доказать, что в настоящее время мы пользуемся плодами мира, но не миролюбия. Человеческие силы, безостановочно и непрерывно стремящиеся к деятельности, вступают либо в союз, либо в борьбу, когда встречаются одни с другими. Главным образом, от нравственной утонченности их зависит, примет ли борьба образ войны или соревнования; вообще тут может существовать множество оттенков.

Ввиду моей конечной цели я могу теперь извлечь из вышеизложенного рассуждения следующее положение.

Государство никоим образом не должно способствовать войне; если же она необходима, то оно также не должно ей и насильно препятствовать; оно должно предоставить полнейшую свободу влиянию войны на дух и характер всей нации; главным же образом государство обязано воздержаться от всяких положительных мероприятий, имеющих целью воспитать нацию для войны. Если некоторые из подобных мер бесспорно необходимы, как, например, военные упражнения граждан, то государство должно давать им такое направление, при котором в людях вырабатывались бы не только храбрость, ловкость и повиновение солдата, но и дух истинного воина или, лучше сказать, дух благородного гражданина, всегда готового броситься в битву для защиты отечества.

**Забота государства о безопасности
граждан друг от друга. Средства
для достижения этой цели.
Установления, направленные
и переработке духа и характера граждан.
Общественное воспитание**

Забота государства о внутренней безопасности граждан требует более глубокого и всестороннего изучения — к нему я и перехожу теперь. Мне не кажется достаточным возложить в общем на обязанность государства заботу о поддержании безопасности; я, главным образом, считаю необходимым определить особенные границы этой заботы, и если бы это вообще оказалось невозможным, то по крайней мере разъяснить причины этой невозможности и указать те признаки, по которым возможно было бы определить эти границы в каждом данном случае. Уже самый небольшой опыт доказывает нам, что эта забота государства может для достижения своей цели охватывать большие или меньшие области. Она может ограничиваться исправлением и наказанием совершившихся беспорядков. Она может стремиться предотвратить их совершение и ввиду этого стремиться придать такое направление духу и характеру граждан, которое вело бы к той же цели. Самый объем средств, употребляемых государством, может быть различен. Можно просто разыскивать и карать посягательства на права граждан и на непосредственные права государства; далее, рассматривая гражданина как существо, обязанное отдавать свои силы государству и поэтому вследствие уничтожения или ослабления этих сил, так сказать, лишшающее государство как бы его собственности, можно также зорко следить за такими дейст-

виями, последствия которых простираются только на само действующее лицо. Я все это соединяю здесь в одно целое и говорю поэтому вообще о всех государственных учреждениях, установленных с целью достичь общественной безопасности. В то же время здесь выяснятся сами собой и те мероприятия, которые если и не везде имеют целью безопасность или направлены не к ней одной, однако тем не менее касаются нравственного блага граждан; выше я упоминал о том, что самая сущность предмета не допускает точного разделения, все же названные установления во всяком случае имеют целью главным образом безопасность и спокойствие государства. Я при этом останусь верен тому пути, по которому шел и до настоящего времени. Именно: я прежде всего начинал с рассмотрения наибольшей возможной деятельности государства и затем мало-помалу исследовал, что может быть от нее отброшено. Теперь мне осталось только рассмотреть заботу о безопасности. При этом я буду опять действовать по тому же методу и поэтому рассмотрю ее сначала в самом обширном применении и затем при помощи постепенных ограничений дойду до тех начал, которые мне кажутся верными. Этот путь, может быть, покажется слишком медленным и пространным, и я охотно допускаю, что догматическое изложение потребовало бы метода совершенно противоположного. Но при методе только исследующем, каков настоящий, можно по, крайней мере, быть уверенным, что предмет был охвачен во всем своем объеме, что ничего не было упущено и что положения развиты именно в той последовательности, в которой они в действительности вытекают друг из друга. За последнее время настаивали особенно сильно на предупреждении противозаконных действий и на применении нравственных средств в государстве. Я же, когда слышу такие или сходные с этим требования, признаюсь, радуюсь, что подобное ограничение свободы у нас встречается все реже и реже и при настоящем положении почти всех государств становится все более и более невозможным.

Ссылаются на Грецию и Рим, но более точное знание их государственного устройства скоро показало бы, как невер-

ны подобные сравнения. И Рим, и Греция были республиками: у них учреждения, подобные выше указанным, служили опорой свободного государственного строя, наполнявшего граждан энтузиазмом, который, с одной стороны, заставлял менее чувствовать вредное стеснение частной свободы, с другой – не позволял энергии характера становиться вредной. Далее, граждане этих государств вообще пользовались большей свободой, нежели мы, и если они жертвовали какой либо ее частью, то делали это ввиду другой деятельности, именно ввиду участия в управлении государством. В наших, большей частью монархических, государствах все это совершенно иначе. Все нравственные средства, которые могли вообще применяться в древности: общественное воспитание, религия, нравственные законы – все это у нас действовало бы слабее и приносило бы больший вред. Далее, многое, что теперь приписывается влиянию ума законодателя, было действительно уже существующим народным обычаем, иногда, может быть, еще шатким и потому нуждающимся в санкции закона. Совпадение законов, установленных Ликургом, с образом жизни большей части некультурных народов уже мастерски указано Фергюсоном¹³, и так как высшая культура утончала понятия, то в нации удержалась не более, так сказать, как тень этих учреждений. Наконец, мне кажется, что человечество стоит в настоящее время на такой степени культуры, что может подняться выше только вследствие развития отдельных личностей; поэтому все учреждения, служащие помехой этому развитию и сгущающие людей в массы, теперь более вредны, нежели когда-либо.

Я начну с рассмотрения того нравственного средства, которое наиболее глубоко захватывает жизнь общества. Уже на основании немногих вышеизложенных замечаний оказывается, что воспитание, установленное и руководимое

---

¹³ *Фергюсон А.* Опыт истории гражданского общества. М.: РОССПЭН, 2000. С. 138-155 (Раздел II. «О первобытных народах в период, предшествующий появлению собственности»).

государством, может быть во многих отношениях опасно. В силу предыдущего рассуждения все сводится, главным образом, к возможно более разностороннему развитию человека; общественное же воспитание, даже если бы оно желало избежать ошибок и просто ограничилось бы назначением и содержанием преподавателей, всегда будет благоприятствовать определенной форме или шаблону. Здесь встречаются именно все те вредные последствия, которые более подробно выставлены в первой части настоящего исследования; мне остается лишь прибавить, что всякое ограничение становится вреднее, когда относится к духовным сторонам человека; между тем ничто не требует более сильной индивидуализации, как воздействие на личность при воспитании, имеющем целью всестороннее развитие каждого отдельного человека. Нельзя отрицать полезных последствий оттого, что человек, выработанный выпавшим на его долю положением и обстоятельствами, становится сам деятельным в государстве; полезна далее и борьба, возникающая между тем положением, которое государство отводит гражданину, и тем, которое он избирает для себя сам; борьба эта, с одной стороны, видоизменяет его, с другой – вызывает изменения в самом государственном устройстве; подобные изменения, иногда с первого взгляда почти незаметные, совершаются почти во всех государствах сообразно изменениям народного характера. Но по мере того как гражданин уже с детства вырабатывается в гражданина, подобное явление становится слабее. Конечно, благотворно, если отношения человека и гражданина, поскольку возможно, совпадают друг с другом, но действительная польза от этого существует лишь там, где от гражданина не требуется, чтобы он приносил в жертву какие-либо из существенных человеческих свойств, где он может остаться человеком вполне. Доказать это составляет цель, к которой единственно стремятся все мысли, развиваемые мной в этом исследовании.

Но всякое благотворное влияние прекращается там, где человек приносится в жертву гражданину, ибо хотя тогда и

исчезают вредные последствия борьбы между обязанностями человека и гражданина, но в то же время человек теряет именно то, чего он желал достичь, вступая в государственный союз. По моему мнению, за человеком должно быть прежде всего обеспечено самое свободное образование, по возможности не имеющее никакого отношения к вопросам, касающимся положения гражданина. Только уже развитой таким образом человек должен был бы вступать в государство, и отношение его к учреждениям этого последнего могло бы, так сказать, служить для них пробным камнем. Только при такой борьбе я с уверенностью ожидал бы улучшения государственного строя при помощи нации и не боялся бы вредного влияния гражданских учреждений на человека. Потому что, если бы последние были даже очень дурны, энергия человека не только ничего не потеряла бы, но могла бы только выиграть, противодействуя их ограничительному влиянию. Но это имело бы место только в том случае, если бы эта энергия раньше развилась свободно. Ибо, какова же должна быть степень энергии, способной сохраниться или увеличиться там, где ограничительные пути давили бы человека с самой юности. Но всякое общественное воспитание, каково бы оно ни было, видоизменяет человека известным образом, так как в подобном воспитании всегда преобладает и господствует правительственный дух и направление.

Там, где форма, по образцу которой стремятся выработать человеческий характер, уже определена и сама по себе если и односторонняя, то тем не менее прекрасна, как это мы видим в древних государствах и, может быть, в настоящее время во многих республиках, — там не только выполнение легче, но и результат его менее вреден. В наших монархических государствах такая определенная форма вовсе не существует — к немалому счастью для развития человека. К числу их преимуществ, хотя и связанных со многими вредными последствиями, принадлежит, очевидно, следующее: именно то, что не приходится тратить для поддержания государственного союза столько человеческих сил, как в республиках, ибо в монархическом государстве этот союз дол-

жен рассматриваться только как средство. Только бы подданный слушался законов, наслаждался со своей семьей благосостоянием и занимался безвредной деятельностью — и государству нет дальнейшего дела до рода его жизни. Здесь общественное воспитание, которое всегда, хотя бы и неприметно, имеет в виду гражданина или подданного, а не человека (как частное воспитание), стремится не к тому, чтобы выработать определенные добродетели или известный образ жизни, оно ищет как бы равновесия всех, так как ничто более этого не порождает и не поддерживает спокойствия, которого именно эти государства более всего и стремятся достигнуть. Подобное стремление, как я уже пытался указать в другом случае, либо приводит к остановке прогресса, либо ведет к ослаблению энергии, между тем как выработка отдельных сторон, составляющая принадлежность частного воспитания, ставя воспитывающееся лицо в различные жизненные условия и положения, вызывает это равновесие вернее, не жертвуя в то же время энергией.

Если же хотят воспретить общественному воспитанию всякое положительное покровительство развитию тех или других сторон человеческого характера, если хотят обязать его способствовать лишь развитию сил в общем, то это само по себе уже невыполнимо; ибо то, что обладает единством организации, всегда вызывает известные односторонние последствия; и далее, даже при вышеупомянутом предположении, нельзя усмотреть пользы общественного воспитания. Если при нем имеется в виду помешать тому, чтобы дети оставались совершенно без всякого воспитания, то легче и менее вредно назначать опекунов нерадивым родителям или материально помогать неимущим. Далее, общественное воспитание не достигает даже имеющейся в виду цели, именно выработки нравов по тому образцу, который государство считает наилучшим. Как бы важно ни было влияние воспитания и как бы ни влияло оно на всю жизнь человека, еще важнее обстоятельства, сопровождающие человека в течение его жизни. Но где не встречается полной гармонии во всем, там одного воспитания недоста-

точно. Если воспитание вообще должно вырабатывать только человека, не принимая в расчет определенных гражданских форм, то оно не нуждается в помощи государства. У свободных людей все ремесла идут лучше, все искусства более процветают, все науки быстрее развиваются. У них также все семейные узы теснее, родители горячее заботятся о детях и при высшем благосостоянии могут легче удовлетворять в этом своим желаниям. У свободных людей появляется соревнование, и лучшие воспитатели вырабатываются там, где их судьба зависит от успеха их трудов, а не от покровительства, которого им приходится ожидать от государства. Поэтому не будет недостатка ни в тщательном семейном воспитании, ни в заведениях столь полезного и необходимого совместного воспитания детей¹⁴. Если государственное общественное воспитание и придало бы человеческому характеру известную форму, то тем не менее все еще ничего не было бы сделано для избежания преступлений и для укрепления безопасности. Добродетель и порок не зависят от той или иной формы действий человека, не связаны необходимо с той или другой стороной характера; они по преимуществу стоят в связи с гармонией или дисгармонией различных черт характера, с отношением силы к сумме наклонностей и т.д. Каждому определенному роду характера свойственны поэтому собственные ошибки, в сторону которых он и может вырождаться. Если поэтому целая нация получила исключительно и преимущественно одну известную форму характера, то ей недостает противодействующей силы – и вместе с тем равновесия. Может быть, в этом заключается причина частых изменений государственного строя древних государств. Каждая форма государственного устройства весьма сильно влияла на народный характер, который – будучи

---

¹⁴ В хорошо устроенном обществе все направляет человека к выработке его природных способностей: без всякого вмешательства воспитание будет удовлетворительно; оно будет тем прекраснее, чем будет предоставлено больше простора инициативе учителей и соревнованию учеников. (*Mirabeau. L'éducation publique. P. 12.*)

_____

¹⁵ Итак, вопрос состоит, может быть, именно в том, не должны ли французские законодатели ограничиться в деле народного воспитания лишь покровительством его успехам; и в том, не будет ли единственное воспитание, которого народ должен ожидать от них, заключаться в конституции, наиболее благоприятной для развития «человеческого я», и в законах, наиболее способных поставить каждого на его место (*Mirabeau. L'éducation publique. P. 11*). На основании этого строгие принципы, по-видимому, требовали бы от Национального Собрания, чтобы оно по отношению к воспитанию ограничилось изъятием из его ведения властей или учреждений, которые могли бы извратить его направление (*Ibid. P. 19*).

VII

Религия

Помимо собственного воспитания юношества существует еще другое средство для действия на характер и нравы нации, с помощью которого государство как бы воспитывает взрослого, зрелого человека, следит в течение всей его жизни за его способом действия и его воззрениями и придает им то или другое направление или по крайней мере пытается удержать его от того или другого заблуждения – именно религия. Все государства, указывает нам история, пользовались этим средством, хотя и в весьма различных размерах. У древних религия была теснейшим образом связана с государственным строем, вернее, она была политической опорой и двигателем этого последнего, и поэтому сюда применимо все то, что я раньше говорил о подобных установлениях древних. Когда христианская игра научила человечество почитать одну из самых опасных преград, отделивших различные племена человеческого рода друг от друга; вместе с тем она положила настоящие основы истинной человеческой добродетели, развития и единения, без которых просвещение и знание и самые науки еще гораздо дольше, если не навсегда, остались бы редким достоянием немногих отдельных личностей, в это же время и связь между государственным строем и религией сделалась слабее. Но когда потом нашествие варваров изгнало просвещение, а непонимание именно этой религии создало слепой и нетерпимый

прозелитизм, политическая же форма государства в то же время так изменилась, что вместо граждан мы находим только подданных, подчиненных не столько государству, сколько правителю, — тогда забота о поддержании и распространении религии стала в зависимость от личной совести государей, которые считали, что она поручена им самим Богом. В новейшее время этот предрассудок встречается менее часто, однако ввиду внутренней безопасности и нравственности — как ее крепчайшего оплота — покровительство религии при помощи законов и государственных установлений не менее горячо рекомендуется.

Я думаю, что указал здесь приблизительно все главные эпохи религиозной истории государств, хотя в то же время и не хочу отрицать, что оба упомянутых воззрения, и в особенности последнее, везде могли содействовать, причем всегда, конечно, преобладало какое-нибудь одно из них.

При стремлении действовать с помощью религиозных идей на нравы нужно вообще различать покровительство какой-нибудь определенной религии от покровительства религиозности вообще. Первое бесспорно действует более подавляющим и вредным образом, нежели последнее. Но вообще последнее едва ли возможно без первого. Если государство смотрит на религиозность и нравственность как на вещи неразрывно связанные и почитает законным и позволительным действовать при помощи названного средства, то при различной степени согласия различных религиозных мнений с нравственными взглядами, основанными на истинных или условно принятых началах, едва ли возможно, чтобы государство не приняло одну какую-нибудь религию под свое покровительство преимущественно перед другими. Даже если оно этого совершенно избежит и явится как бы покровителем и защитником всех религиозных партий вообще, то, так как ему возможно составлять суждения только на основании внешних действий, оно тем не менее должно будет покровительствовать взглядам этих партий, подавляя не согласующиеся с ними мнения отдельных лиц. Во всяком случае, государство может интересоваться каким-либо одним взглядом

лишь ввиду того, что стремится сделать вообще господствующей веру в единое Божество, столь сильно влияющую на человеческую жизнь. К этому еще нужно прибавить, что при двусмысленности всех выражений вообще, при массе идей, которые можно выразить одним и тем же словом, само государство должно бы было придать выражению «религиозность» определенное значение, если бы хотело вообще воспользоваться ею как путеводной нитью. Поэтому, на мой взгляд, отнюдь невозможно никакое вмешательство государства в религиозные вопросы без большего или меньшего покровительства известным определенным взглядам. Но при этом получили бы силу все те возражения, которые можно сделать против подобного вмешательства. Я не допускаю также возможности подобного вмешательства без того, чтобы оно до известной степени не вело за собой руководства отдельными личностями или стеснения их свободы. Как бы сами по себе ни разнились в своем влиянии принуждение в собственном смысле, простой совет и наконец только доставление легчайшей возможности заняться религиозными вопросами, тем не менее даже в последнем случае, как я и раньше старался подробнее указать при рассмотрении сходных мероприятий, всегда будет существовать некоторый перевес взглядов, принятых государством, что не может не стеснять свободы. Я считал необходимым предпослать эти замечания ради могущего встретиться при дальнейшем исследовании возражения, что настоящее сочинение касается не заботы о религии вообще, а только некоторых отдельных видов этой заботы, и ради того также, чтобы не нарушить цельности и связности моего исследования слишком мелочным рассмотрением могущих встретиться отдельных случаев.

Всякая религия основана на потребности души; я говорю здесь о религии, поскольку она имеет отношение к нравственности и ощущению душевного довольства, т.е. когда она перешла в чувство, — но не постольку, поскольку разум действительно признает какую-либо религиозную истину или стремится признать ее, так как ясное понимание истины независимо от какого бы то ни было влияния воли или жела-

ния; я не беру здесь также во внимание, подтверждает ли откровение какую-нибудь религиозную истину, так как и историческое верование не должно подчиняться подобным влияниям. Мы надеемся, мы предчувствуем, потому что желаем. Там, где отсутствует всякий след духовной культуры, религиозные стремления только чувственны. Страх и надежда, вызываемые явлениями природы, которых воображение превращает в самостоятельные существа, составляют содержание всей религии. Там, где духовная культура начинается, этого уже недостаточно. Душа стремится тогда к созерцанию совершенной сущности, искра которой тлеет в ней самой, но которую она в гораздо большей мере чувствует вне себя. Это созерцание переходит в восторг, и когда наконец человек представляет себя в соотношении с тем совершенным существом, то рождается любовь, из которой вытекает стремление сделаться похожим на него, слиться с ним. Это встречается также и у тех народов, которые стоят на низших ступенях развития. На этом же основано то, что даже у самых диких народов предводители наций воображают, что происходят от богов и со временем вернутся к ним. Представление о божестве различно только сообразно различию представления о совершенстве, которое господствует в данном столетии и данной нации. Боги древнейших греков и римлян и боги наших отдаленнейших предков были идеалом телесной силы и мощи. Когда идея чувственно-прекрасного возникла и утончилась, то олицетворенную чувственную красоту вознесли на престол божества, и таким образом возникла религия, которую можно бы назвать религией искусства. Когда возвысились от чувственного к чисто духовному, от красоты к добру и истине, тогда понятие о высшем умственном и нравственном совершенстве сделалось предметом обожания, а религия достоянием философии. Может быть, высказанное могло бы служить мерилom сравнительной ценности различных религий, если бы религия разнилась по нациям или партиям, а не по отдельным личностям. Но религия вполне субъективна и зависит только от особенностей мировоззрения каждого отдельного человека.

Когда идея о божестве есть плод истинного духовного развития, то она действует прекрасно и благотворительно на внутреннее совершенство. Все является нам в другом виде, когда создано по плану намеренному в противоположность тому, что создано неразумным случаем. Идеи разума, порядка, преднамеренности, которые нам так необходимы, чтобы действовать или даже для возвышения наших умственных сил, укореняются крепче в нашей душе, когда мы их везде открываем. Конечное становится как бы бесконечным, преходящее – прочным, изменчивое – постоянным, запутанное – простым, когда мы представляем себе одно рождающее порядок начало во главе вещей и вечность духовного мира. Наша жажда к познанию истины, наше стремление к совершенствованию приобретают более силы и прочности, когда мы веруем, что есть существо, которое представляет источник всякой истины, совокупность всякого совершенства. Бедствия менее чувствительны нашей душе, так как с ними связаны вера и надежда. Чувство, что все, чем мы обладаем, мы получаем из рук любящего существа, увеличивают в одно и то же время счастье и нравственную добродетель. Полная благодарности за испытанную радость и исполненная доверчивой надежды получить радость и в будущем, душа как бы освобождается от тяжелых пут и не отдается более постоянным мучительным и глубоко затаенным размышлениям о своих собственных ощущениях, планах, заботах, надеждах. Если она лишена возвышающего чувства быть во всем обязанной самой себе, зато ощущает сладостное сознание, что живет в любви другого существа, – чувство, где собственное совершенство соединяется с совершенством этого существа. Она сочувственно настраивается к другим, она не хочет, чтобы другие все извлекали из себя самих, хотя она сама ничего не получает от других. Я здесь коснулся только главных моментов этого исследования. Разбирать этот предмет подробнее после мастерского изложения Гарвея было бы излишне и неуместно.

Но как, с одной стороны, следует признать, что религиозные идеи значительно содействуют нравственному со-

вершенствованию, так, с другой, нельзя не сказать, что они вовсе не неразрывно связаны с ним. Простая идея духовного совершенствования достаточно возвышенна, полна и возвышающа, чтобы не требовать другой оболочки или формы. И тем не менее в основе каждой религии лежит идея олицетворения, род материализации, антропоморфизма в большей или меньшей степени. Идея совершенства будет непрестанно носиться и перед тем, кто не привык соединять всю сумму нравственного добра в одном идеале и представлять себя в соотношении с этой сущностью, и его она будет побуждать ко всякой деятельности и ему доставлять полное душевное удовлетворение. Твердо убежденный опытом, что его духу возможно развиваться в смысле достижения высшей нравственной силы, он, полный мужественного рвения, будет стремиться к избранной им цели. Мысль о возможности уничтожения его бытия перестанет страшить его, как скоро он, не поддаваясь более обманчивому воображению, перестанет чувствовать небытие в небытии. Роковая зависимость от внешних судеб не подавляет его; более равнодушный к материальным наслаждениям и лишениям, он стремится лишь к чисто умственному и нравственному, и никакая судьба не может оказать более никакого влияния на внутреннюю жизнь его души. Его дух чувствует себя независимым, вследствие того что довольствуется сам собою, и благодаря полноте своих идей и сознанию своей внутренней силы он чувствует себя выше переменчивости вещей. Если он наконец заглядывает в прошлое и шаг за шагом следит, как он воспользовался так или иначе тем или другим случаем, как мало-помалу сделался тем, что есть, – когда он таким образом увидит соединенными в себе: причину и действие, цель и средство, и тогда, полный самой благородной гордости, какую конечное существо способно испытывать, воскликнет:

*Не все ли ты самостоятельно совершило,
Сердце, горящее святым огнем?*¹⁶

---

¹⁶ Гете И. В. Прометей. II. С. 69.

Тогда не должны ли исчезнуть в нем все идеи одиночества, бессилия, недостатка защиты, утешения и помощи, которые всегда предполагаются там, где отсутствует олицетворенная, порождающая порядок разумная причина всего конечного. Это чувство внутренней самостоятельности, это существование в себе и через себя не сделают его жестким и нечувствительным по отношению к другим существам, не лишит его сердца полной участия любви и доброжелательных наклонностей. Именно эта идея совершенства, которая не есть просто холодное представление разума, но может быть теплым чувством сердца, привлекает всю его деятельность — и она же заставляет его находить наслаждение в жизни для других. Он признает, что эти другие обладают той же способностью совершенствоваться и что он может вызвать в них эту способность или увеличить ее. Он еще не проникнут высшим идеалом нравственности, пока может рассматривать себя или других в отдельности, пока все духовные существа не слились в его представлении в сумму совершенства, рассеянного в каждом из них. Может быть, его слияние с остальными подобными ему существами еще теснее, его участие в их судьбе еще теплее, когда их и его судьба зависит в его представлении только от него и от них.

Если бы мне сделали, и не без основания, возражение, что для осуществления начертанного мной образа потребовалась бы необыкновенная, выходящая из ряда вон сила духа и характера, то не следует также забывать, что все сказанное имеет место и там, где религиозные чувства вызывают образ жизни поистине прекрасный и одинаково далекий как от холодности, так и от мечтательности. Вообще это возражение было бы уместно только в том случае, если бы я предлагал способствовать или покровительствовать только что описанному мною настроению. Но мое намерение состоит главным образом в том, чтобы указать, что для самого последовательного человека нравственность вовсе не стоит в зависимости от религии или вообще не необходимо связана с нею. Я желаю со своей стороны помочь уничтожению малейшей тени нетерпимости и развитию того уважения,

которое человек должен чувствовать к чувствам и образу мыслей других людей. Чтобы еще более оправдать мой взгляд, я бы мог, с другой стороны, выставить вредное влияние, которое способно иметь наиболее религиозное настроение, так же как и настроение наименее религиозное. Но, однако, тяжело останавливаться на таких неприятных картинах, и сама история уже представляет их нам в достаточном количестве. Может быть, беглый взгляд, брошенный на сущность самой нравственности и на тесную связь не только религиозности, но и религиозных систем человека с его способом чувствования приведет нас к еще более доказательному результату.

Ни обязанности, предписываемые нравственностью, ни то, что как бы освящает ее законы и делает их желательными, не зависит от религиозных идей. Я уже не говорю о том, что подобная зависимость повредила бы чистоте нравственного стремления воли. Может быть, этому началу откажут в достаточной основательности в рассуждении, подобном настоящему и которое почерпнуто из опыта и применимо только на опыте. Однако свойства какого-либо действия, которые превращают его в обязанность, вытекают отчасти из сущности человеческой души и отчасти из ближайшего применения этого действия к взаимным отношениям людей. И если эти свойства несомненно предписываются в особенности религиозным чувством, то это средство далеко не единственное и не ко всем характерам применимое. Гораздо справедливее можно сказать, что сила влияния религии основана главным образом на индивидуальных свойствах человека и в строжайшем смысле субъективна. Холодный, просто рассудительный человек, в котором познание вещей никогда не переходит в ощущение, в чувство, для которого достаточно увидеть соотношение вещей и действий для того, чтобы сообразно этому настроить свою волю, не нуждается ни в каком религиозном начале для того, чтобы поступать добродетельно и быть добродетельным, поскольку это ему, по его характеру, возможно. Совершенно иначе обстоит дело там, где способность чувствовать очень сильна и где каждая

мысль легко превращается в чувство. Однако и здесь оттенки бесконечно различны. Там, где душа чувствует сильное стремление, как бы выходит из самой себя и переходит в других, соединяется с другими, там религиозные идеи будут весьма действительно влиять на образ действий. В то же время есть характеры, у которых господствует такая тесная последовательность в идеях и ощущениях, что из этого протекает настолько значительная сила и самостоятельность, что они и не требуют и не допускают отдачи своего существа другому или беззаветного доверия к чужой силе, в чем преимущественно и выражается влияние религии. Даже положения, потребные для того, чтобы привести человека к религиозным идеям, различны по различным характерам. У одного для этого достаточен всякий сильный аффект – радость или горе, у другого только радостное чувство, протекающее из благодарности за испытанное наслаждение.

Последнего рода характеры, может быть, не следует ценить менее других. Они, с одной стороны, достаточно сильны, чтобы не искать чужой помощи в несчастье, с другой – слишком ценят и понимают наслаждение быть любимым, чтобы не связывать с идеей счастья и наслаждения представления о любвеобильном существе, дарующем их. Часто также стремление к религиозным идеям имеет еще более благородный, более чистый, если я смею так выразиться, более интеллектуальный источник. Человек может познавать то, что его окружает, только при помощи своих органов; нигде не открывается перед ним непосредственно чистая сущность вещей; именно то, что сильнее всего возбуждает его любовь, что охватывает все его внутреннее я с непреодолимой силой, скрыто от него самой непроницаемой завесой; в течение всей его жизни его деятельность сводится к стремлению проникнуть сквозь эту завесу; все его наслаждения заключаются в предчувствии истины, начертанной загадочными знаками; в надежде непосредственно созерцать эту истину в дальнейшие периоды его существования. Там, где в чудной и прекрасной гармонии дух безустанно стремится к непосредственному созерцанию истинного бытия и где

сердце страстно этого желает, там, где глубина мыслительной силы не удовлетворяется бедностью понятий, а теплота чувства призрачными наслаждениями, даруемыми чувственностью или фантазией, там вера неудержимо следует свойственному разуму стремлению расширить, уничтожая все границы, каждое понятие до идеала и сильно прилепляется к одной сущности, которая заключает все другие сущности в себе и сама чисто и непосредственно существует, созерцает и создает. Но часто довольная малым скромность ограничивает веру областью опыта, часто чувство хотя и наслаждается свойственным разуму идеалом, однако находит еще более наслаждения, ограничиваясь земным строем, который ему дано познавать, теснее связывать одну с другой чувственную и нечувственную природу, придавать таинственным знакам более богатый смысл и истине более понятное, более богатое идеями выражение; и часто, когда человек, не опьяняясь воодушевлением полного надежды ожидания, не допускает взор свой уноситься в бесконечную даль — часто, говорю я, он вознагражден за это постоянно сопровождающим его сознанием осуществления его стремлений. Он идет вперед менее смело, но вернее; начала разума, которых он придерживается, менее богаты, но зато яснее; чувственное восприятие, хотя бы менее согласное с истиной, более применимо к опыту. Человеческий дух ни от чего не приходит в больший восторг, ничто больше не удовлетворяет его чувства, как премудрый порядок в бесконечной массе разнообразных, даже, может быть, находящихся в борьбе друг с другом неделимых.

Между тем эта способность восторгаться свойственна иным людям в высшей степени; они-то всего охотнее и схватываются за мысль, что одно существо создало и привело в порядок мир и поддерживает этот порядок с заботливой мудростью. Для других сила отдельного существа кажется священнее; она привлекает их к себе сильнее, нежели общее распределение вещей; они поэтому естественным образом и чаще избирают противоположный путь, тот именно, на котором внутренняя сущность человека, развиваясь сама из себя

и видоизменяясь под взаимным влиянием людей друг на друга, самостоятельно настраивается к той гармонии, в которой одной как дух, так и сердце человека могут успокоиться. Я далек от мысли, что в этих коротких словах исчерпал разнообразие предмета, богатство которого не поддается никакой классификации. Я хотел только на примере показать, что истинная религиозность, так же как и всякая истинная религиозная система, в высшем смысле вытекает из внутренней сущности способа ощущения человека. Независимо от ощущений и различия характеров есть чисто интеллектуальная сторона религиозных идей, именно понятия о преднамеренности, порядке, целесообразности, совершенстве. Но здесь речь идет не столько о сущности этих понятий, сколько о их влиянии на человека, а последнее бесспорно не обладает подобной независимостью; и далее эти идеи не принадлежат исключительно одной религии. Идея совершенства черпается прежде всего из живой природы, потом переносится на безжизненную и наконец мало-помалу освобождается от всяких границ и возвышается до наисовершенного. Но как живая, так и безжизненная природа остаются все теми же, и разве возможно, сделав первые шаги, остановиться перед последним? Если всякая религиозность так всецело зависит от разнообразных видоизменений характера и преимущественно чувства, то и влияние ее на нравственность должно зависеть вовсе не от вещественного содержания принятых начал, но от формы восприятия, от убеждения, от веры. Это положение, которое мне будет впоследствии очень полезно, было, надеюсь, достаточно доказано всем предшествующим. Я могу здесь бояться только одного упрека, именно, что во всем, что я говорю, я имею в виду человека, весьма богато одаренного природой и находящегося в благоприятных обстоятельствах, — человека, заслуживающего особенного внимания и потому редкого. Но дальнейшее, надеюсь, покажет, что я вовсе не теряю из виду и всю более обыкновенную людскую толпу, к тому же мне казалось бы постыдным не исходить из высших точек зрения там, где предметом исследования является сам человек.

После этого беглого общего взгляда, брошенного на религию и ее влияние на жизнь, я вернусь к вопросу, имеет ли государство право или нет влиять при помощи религии на нравы граждан. Из вышесказанного очевидно, что средства, применяемые законодателем для достижения нравственного развития, всегда лишь постольку полезны и целесообразны, поскольку они способствуют внутреннему развитию способностей и склонностей. Всякое развитие имеет свой источник во внутренней сущности души, и внешними средствами мы можем только вызвать его, но никогда не создать. Нельзя отрицать, что религия, основанная на идеях, ощущениях и внутреннем убеждении, представляет пригодное для этого средство. Мы образуем художника, упражняя его глаз при помощи мастерских произведений искусства, питая его воображение прекрасными произведениями древности. Точно так же нравственный человек должен быть развит созерцанием высокого нравственного совершенства, в жизни — сношениями с людьми и целесообразным изучением истории, наконец, созерцанием высшего идеального совершенства в образе божества. Но не все очи способны к подобному созерцанию или, чтобы не употреблять риторических фигур, такой образ мыслей свойствен не каждому характеру. Но если бы и все люди были способны на это, то названный образ мыслей оказывал бы действительное влияние лишь там, где проистекал бы из совокупности всех идей и ощущений, где рождался бы сам собой из внутренней сущности души и не был бы извне вложен в нее. Удаление препятствий, мешающих предаваться религиозным идеям, поощрение свободного духа исследования суть поэтому единственные средства, которыми законодатель имеет право пользоваться. Если он идет далее, если прямо поощряет религиозность или руководит ею, или даже покровительствует известным идеям, или требует вместо искреннего убеждения веры, основанной на авторитете, то препятствует парению духа и развитию душевных сил; может быть, настраивая воображение определенным образом или же кратковременно возбуждая чувство, он и вызывает согласные с

законами действия со стороны своих граждан, но он никогда не насаждает этим истинной добродетели. Истинная добродетель независима ни от какой религии и несовместима с религией по приказу, с верой по авторитету.

Но если известные религиозные начала вызывают хотя бы только законные поступки, то недостаточно ли этого, чтобы дать государству право распространять религию даже в ущерб общей свободе мышления. Цель государства достигнута, когда законам его строго следуют и законодатель вполне удовлетворительно исполнил свой долг, когда издал мудрые законы и сумел обеспечить послушание им со стороны граждан. Далее, выставленные нами понятия добродетели пригодны лишь для немногих классов граждан в государстве; для тех именно, внешнее положение которых позволяет им посвятить значительную часть своего времени и сил своему внутреннему развитию. Забота государства должна простирается на большое множество, которое, однако, не способно доходить до этой высшей ступени нравственности.

В начале этого сочинения я уже достаточно развил некоторые положения, которые в сущности опровергают основы выставленных возражений; я говорил именно, что государственное устройство само по себе не есть цель, а только средство для развития человека и что поэтому для законодателя недостаточно дать авторитетность своим решениям, если в то же время средства, обеспечивающие эту авторитетность, не будут хороши или, во всяком случае, безвредны. Но в то же время неверно и то, что для государства важны только действия его граждан и их законность. Государство есть такая сложная и запутанная машина, что законы, которые всегда должны быть просты, общи и немногочисленны, не могут быть для него достаточны. Главное остается исполнить при помощи свободных и согласных усилий самих граждан. Чтобы убедиться в справедливости сказанного, достаточно сравнить благосостояние культурных и просвещенных народов с бедностью грубых и неразвитых. Поэтому старание всех людей, зани-

мавшихся государственным устройством, стремилось к тому, чтобы благо государства совпадало с интересами самих граждан; они старались превратить государство в машину, которая оставалась бы на ходу силой своих внутренних пружин и не нуждалась бы непрестанно во внешних влияниях.

Если новые государства могут похвалиться каким-либо преимуществом перед древними, то именно тем, что они более осуществили это начало. Даже то, что они пользуются религией как образовательным средством, представляет доказательство этого. Но и религия – поскольку именно известные определенные начала ее должны вызывать только хорошие действия или поскольку положительное руководство вообще должно действовать на нравы – есть чуждое, извне действующее средство. Поэтому высшей целью законодателя, достижимой только при даровании наибольшей свободы (чему его скоро научит истинное значение человеческой природы), должно быть следующее: именно до такой степени возвысить развитие граждан, что все стремления их, содействующие государственным целям, будут основываться только на идее пользы, которую приносит членам нации для достижения их индивидуальных намерений государственное устройство. Но для того чтобы дойти до такого взгляда, необходимо умственное развитие и просвещение, которые не могут возникнуть и проявиться там, где дух свободного исследования ограничивается законами.

Только убеждение в том, что без определенных, принятых на веру религиозных начал или по меньшей мере без наблюдения со стороны государства за религией граждан невозможны внешнее спокойствие и нравственность; что без этих религиозных начал гражданской власти невозможно поддерживать уважение к законам, заставляет не принимать во внимание высказанный выше взгляд. И однако, влияние, которое должны иметь религиозные начала, воспринятые таким образом, и вообще всякая религиозность, поддерживаемая государственными учреждениями, требовало бы сначала более строгого и точного исследования. Для грубой, неразвитой части нации из всех религиозных

истин считают наиболее пригодной идею будущего награждения или наказания. Но эта идея не уничтожает стремления к безнравственным поступкам, не способствует стремлению к добру, не возвышает поэтому характера – она действует только на воображение и поэтому имеет как образы, вызываемые фантазией, вообще влияние только на самые поступки; но и это влияние умалется и уничтожается всем тем, что ослабляет живость воображения. Если же принять во внимание, что это ожидание так отдаленно и поэтому даже в представлении наиболее верующих людей так неопределенно и шатко, что идеи последующего раскаяния, будущего исправления, ожидаемого прощения столь сильно поддерживаются некоторыми религиозными положениями и в свою очередь уничтожают действительность идеи возмездия, то становится непонятно, почему эта идея должна иметь более сильное влияние, чем представление о гражданских наказаниях, которые близки (понятно, при хороших полицейских учреждениях) и неотвратимы ни раскаянием, ни последующим исправлением – в особенности, если с детства знакомить граждан как с теми, так и с другими последствиями нравственных и безнравственных поступков. Нельзя отрицать, конечно, что и менее возвышенные религиозные понятия действуют у большей части нации более благородным образом. Мысль быть предметом заботливости премудрого и совершенного существа придает людям более достоинства; уверенность в вечном существовании приводит их к более высоким точкам зрения, вносит более преднамеренности в их действия; чувство уверенности в доброте и благоволении к ним божества настраивает подобным же образом и их душу – короче, религия внушает им понимание красоты добродетели. Но там, где религия должна иметь подобное влияние, там она должна совершенно перейти во взгляды и чувство, что едва ли возможно, если дух свободного исследования стеснен и все сведено к одной вере; там должно уже существовать умение ценить более возвышенные чувства; там религия проистекает из еще неразвитого стремления к нравственности, на которое она потом

опять и воздействует. Никто, конечно, не захочет безусловно отрицать влияние религии на нравственность; но при этом всегда возникает вопрос – зависит ли это влияние именно от некоторых определенных религиозных начал? И далее: настолько ли это влияние сильно, чтобы нравственность и религия вследствие этого неразрывно связывались одна с другой? Я думаю, что на оба эти вопроса следует отвечать отрицательно. Добродетель настолько согласна с основными природными наклонностями человека – чувства любви, уживчивости и справедливости имеют нечто столь сладкое, чувство неэгоистической деятельности, жертвования собой для других нечто столь возвышающее, отношения, проистекающие отсюда в домашней и общественной жизни, вообще дают столько счастья, что не столько необходимо отыскивать новые побуждения для нравственных поступков, сколько предоставить тем, которые уже сами по себе существуют в душе, более свободную и лишенную помехи деятельность.

Но если хотят идти дальше, если хотят прибавить новые побудительные средства, то, чтобы избежать односторонности, следует взвесить как пользу, так и вред их. Нет более нужды распространяться о том, насколько велик и разнообразен вред, приносимый ограничением свободы мышления; это было уже много раз сказано и повторено; начало этого сочинения содержит также уже все то, что я считаю необходимым сказать о вреде всякого положительного покровительства религиозности со стороны государства. Если бы этот вред простирался только на результаты исследований, если бы он вносил собой только неполноту и неточность в наши научные познания, то могло бы казаться, что мы имеем право противопоставить ему пользу, ожидаемую от положительного покровительства религии. Но можем ли мы ожидать ее? В действительности вред гораздо значительнее. Польза свободного исследования простирается на весь наш способ не только мышления, но и действия. Человек, который привык обсуждать истину и заблуждение без отношения к внешним условиям и высказывать свои суждения

другим, выслушивая то же самое от них, такой человек поступает на основании начал более продуманных, последовательных и истекающих из более высоких воззрений, чем тот, исследования которого постоянно руководятся обстоятельствами, зависящими не от самого исследования. Исследование и убеждения, проистекающие из исследования, представляют самодеятельность; вера же есть не что иное, как доверие к чужой силе, чужому умственному и нравственному совершенству. Поэтому в исследующем мыслителе развивается более самостоятельности и силы; вверяющем, верующем человеке более слабости и бездеятельности. Правда, что вера, где она вполне господствует, уничтожая всякое сомнение, вызывает еще более непобедимое мужество, еще более полную выдержки силу: история всех мечтателей показывает нам это. Но эта сила лишь там желательна, где дело идет о внешнем, определенном результате, для которого потребна лишь, так сказать, механическая деятельность — не там, где нужны самостоятельные решения, продуманная, основанная на началах разума деятельность или даже внутреннее совершенство. Эта сила сама основана на подавлении всякой самостоятельной деятельности разума. Сомнения мучат лишь того, кто руководится собственным исследованием; потому что для последнего результаты гораздо менее важны, нежели для первого. Во время своего исследования он сознает деятельность, силу своей души; он чувствует, что его истинное совершенство, его счастье основаны, в сущности, на этой силе; сомнения в началах, которые он доселе считал за истину, не подавляют его: он, напротив, радуется, что его мыслительные силы настолько окрепли, что он видит ошибки, которые раньше были от него скрыты. Вера, напротив, может находить интерес лишь в самом результате, потому что познанная истина не заключает для нее ничего более. Сомнения, вызываемые разумом, мучат верующего: потому что для него они не представляют новых средств достижения истины как для самостоятельно мыслящего; они просто отнимают у него уверенность, не указывая ему средства снова достигнуть ее другим образом.

Это рассуждение, развитое далее, приводит к замечанию, что вообще нехорошо приписывать отдельным результатам такую большую важность – думать, что от них зависит множество других истин или значительное число внешних и внутренних полезных последствий. Этим слишком легко подавляется дух исследования, и в таком смысле действуют часто самые свободные и просвещенные взгляды, когда им придается характер незыблемого положения, что прямо противоречит началам, без которых они сами никогда не могли бы развиваться. Настолько важна свобода мышления, настолько вредно всякое ее ограничение! С другой стороны, напротив, у государства нет недостатка в средствах поддерживать уважение к законам и предупреждать преступления. Пусть, насколько возможно, будут уничтожены те источники безнравственных поступков, которые существуют в самом государственном устройстве, пусть наблюдение полиции тщательнее направится на совершенные преступления, пусть наказания сделаются целесообразны – и цель будет достигнута. Не следует забывать, что свобода мышления и просвещение, преуспевающее лишь под ее защитой, суть самые действительные средства для поддержания безопасности. Тогда как все остальные средства только предупреждают совершение преступлений, свобода мысли и просвещение действуют на склонности и настроения; если те вызывают только соответствие внешних поступков, то свобода мысли и просвещение обуславливают внутреннюю гармонию воли и стремлений. Когда же, наконец, перестанут предпочитать внешние последствия поступков внутреннему духовному настроению, из которого они проистекают. Когда же, наконец, появится человек, который будет для законодательства тем, чем Руссо был для воспитания, и который, бросив точку зрения внешних физических результатов, возьмет, наконец, во внимание внутреннее развитие человека.

Не следует также думать, что свобода мысли и просвещение полезны лишь для немногих в народе, что для большей его части, деятельность которой исчерпывается

ее заботой о физических потребностях, она остается ненужной или становится даже вредной, — что на эту часть народа можно действовать только посредством распространения в ней известных определенных начал и ограничения свободы мысли. Уже в самой мысли лишить какого-нибудь человека права быть человеком заключается нечто унижительное для человечества. Ни один человек не стоит на столь низкой ступени культуры, чтобы он не был способен достичь высшей; и если бы высшие религиозные и философские идеи не могли непосредственно распространяться среди большей части граждан, если бы, чтобы быть понятым этим классом людей, нужно было сообщать ему истину в иной форме, если бы было необходимо обращаться более к воображению и сердцу, чем к холодному разуму, то тем не менее не следует забывать, что расширение научных познаний, стоящее в зависимости от свободы и просвещения, распространяется и в их среде, что благотельные последствия свободного и неограниченного исследования влияют на дух и характер целой нации, отражаясь даже на самых ее незначительных членах.

Чтобы более обобщить это рассуждение, которое главным образом относится к тому случаю, когда государство стремится распространить известные религиозные начала, я должен напомнить о ранее развитом положении, что влияние религии на нравственность зависит (всего более, если не вполне) от формы, в которой как бы существует религия в человеке, а не от содержания положений, которые она для него освящает. Но всякое государственное постановление, как я также уже пытался показать в предыдущем, действует более или менее на это содержание, между тем как доступ к самой форме, если я смею далее пользоваться этим выражением, почти вполне возбранен ему. Как религия самобытно зарождается в человеке? Как он ее воспринимает? Это совершенно зависит от того, что он есть, от его способа мышления и чувствования. Даже если допустить, что государство было бы в состоянии преобразовать все внутреннее я человека согласно своим целям (невозможность чего, одна-

ко, неоспорима), то я очень неудачно доказывал бы свои взгляды во всем предыдущем, если бы здесь должен был повторить еще раз все те основания, которые везде воспрещают государству пользоваться самовластно человеком для своих намерений, не беря во внимание его индивидуальных целей. Что и здесь не существует абсолютной необходимости, которая одна могла бы, может быть, оправдать исключение, доказывается независимостью нравственности от религии. Я уже пытался указать на это и постараюсь еще сильнее подтвердить это теми основаниями, при помощи которых я думаю убедить читателя, что сохранение внутренней безопасности в государстве вовсе не требует, чтобы правам было дано особенное, определенное направление. Но если что-либо в состоянии подготовить в душах граждан плодотворную почву для религии, если что заставляет твердо воспринятую и перешедшую как в мысль, так и в чувство религию благотельно воздействовать на нравственность, то это свобода, которая всегда (как бы мало это ни было) страдает от положительной заботы государства. Чем разнообразнее и своеобразнее развивается человек, чем выше парит его чувство, тем легче отвращается его взгляд от узкого, изменяющегося круга вещей, в котором вращается его жизнь; взоры его переносятся к бесконечности и единству, содержащих в себе причину видимых ему пределов и изменчивости – причем он может желать или нет олицетворения этой бесконечности и единства в одном существе. Далее, чем свободнее человек, тем он лично становится самостоятельнее, тем делается благосклоннее к другим. Но ничто не порождает идеи божества столь сильно, как доброжелательная благосклонная любовь, и ничто не делает отсутствие этой идеи столь безвредным для нравственности, как самостоятельность, сила, довольствующаяся и ограничивающаяся сама собой. Чем, наконец, выше чувство силы в человеке, чем менее стеснено всякое выражение ее, тем охотнее отыскивает он внутреннее начало, которое руководило бы им, и поэтому он остается нравственным, из чего бы ни слагалось это начало – из любви ли и благоговения перед

Божеством или из внутреннего чувства самоудовлетворения, служащего ему наградой. Разница поэтому заключается, по моему мнению, в следующем: предоставленный самому себе в вопросах религии гражданин будет или не будет, согласно своему индивидуальному характеру, питать в душе своей религиозные чувства, но во всяком случае его мышление сделается последовательнее, его чувство глубже, во всем его существе будет более цельности и он будет нравственнее и послушнее законам. Тот, напротив, который стеснен религиозными постановлениями, будет, несмотря на них, точно так же воспринимать или не воспринимать религиозные идеи, но, во всяком случае, он будет обладать меньшей последовательностью идей, меньшей глубиной и силой чувства, меньшим единством существа и, таким образом, будет придавать меньшую цену нравственности и чаще постарается обходить законы.

Я думаю поэтому, что, не прибавляя дальнейших доказательств, имею право выставить само по себе уже не новое положение: все, что касается религии, лежит вне границ деятельности государства, и священнослужители, как и вообще все священнодействия, должны быть поставлены в зависимость от общества и не допускают никакого особенного наблюдения со стороны государства.

Последнее средство, которым обыкновенно пользуются государства для достижения переработки нравов, ведущей к их главной цели, именно к обеспечению безопасности, суть отдельные законы и постановления. Но так как подобным способом невозможно непосредственно насадить нравственность и добродетель, то отдельные постановления, долженствующие действовать в этом направлении, естественным образом ограничиваются запрещением или определением известных действий граждан, которые сами по себе, не нарушая чужих прав, безнравственны или легко ведут к безнравственности.

Сюда принадлежат все законы, ограничивающие роскошь. Ибо ничто бесспорно не представляет столь богатого и обыкновенного источника безнравственных, даже противозаконных действий, как слишком большой перевес чувственности в душе или несоответствие наклонностей и стремлений вообще с возможностью удовлетворения их, предоставляемой внешним положением. Когда поддержание и умеренность делают людей довольными их положением, то они не стремятся выйти из него в ущерб чужим правам или по меньшей мере их собственному довольству и счастью. Поэтому деятельность, соответствующая истинному намерению государства, должна была бы состоять в том, чтобы удерживать чувственность в надлежащих границах,

так как из чувственности проистекают все столкновения между людьми, тогда как там, где преобладают духовные интересы, все гармонично; легчайшим средством для достижения подобного результата будет, конечно, подавление чувственности, насколько это возможно.

Если я захочу остаться верен основным положениям, которые я до сих пор высказывал, т.е. тому, что почитал интересы самого человека пробным камнем для средств, которыми государство имеет право пользоваться, то я должен по необходимости точнее исследовать влияние чувственности на жизнь, образование, деятельность и счастье человека, насколько это пригодно для настоящей цели; исследование это, пытаясь изобразить действующего и наслаждающегося человека вообще в его внутренней жизни, в то же время нагляднее представит, насколько вредны или полезны вообще ограничения свободы. Лишь когда это будет сделано, можно будет в высшем обобщении произнести суждение о праве государства положительно влиять на нравы граждан и этим заключить эту часть разрешения предложенного вопроса.

Чувственные ощущения, наклонности и страсти раньше всего проявляются в человеке и выражаются самым бурным образом. Там, где они умолкают раньше, чем культура их утончает или дает энергии души другое направление, там погибла всякая сила, ничего не созреет там доброго и великого. Ничто вначале помимо них, так сказать, не согревает душу живительной теплотой, не вызывает ее к самобытной деятельности. Они вносят в нее жизнь и энергию; будучи не удовлетворены, они возбуждают человека к деятельности, внушают ему находчивость в замыслении предприятий и мужество в исполнении их; будучи удовлетворены, они помогают свободному течению мысли. Вообще они дают всем представлениям большее и разнообразнейшее движение, наводят на новые точки зрения, указывают новые, ранее не замеченные стороны. Мы не берем в расчет того, как различные способы их удовлетворения действуют на тело и организацию и это в свою очередь действует на душу, причем последнее приметно для нас только в своих результатах.

Между тем их влияние различно как по силе, так и по способу действия. Это зависит частью от их силы или слабости, частью также – если я смею так выразиться – от их родственности с нечувственным; от большей или меньшей легкости, с которой их можно возвысить, т.е. животные наслаждения довести до степени человеческих радостей. Так зрение дарует нам понятие формы, столь богатое идеями, а слух помогает постичь гармонию правильно следующих друг за другом тонов. О различной природе этих ощущений и способе их действия можно было бы сказать много прекрасного и кое-что новое; но для этого здесь не место. Прибавлю только одно замечание о различной пользе, приносимой ими развитию души.

Глаз, если можно так выразиться, дает разуму более подготовленную материю. Внутренняя жизнь человека определяется для нас в известные определенные моменты как в собственном образе человека, так и в образе всего остального, окружающего его и имеющего в нашем воображении всегда известное к нему отношение. Слух, рассматриваемый только как орган чувства и поскольку он воспринимает не слова, а звуки, обладает далеко меньшей определенностью. Поэтому Кант и дает пластическим искусствам преимущество перед музыкой¹⁷. Однако он замечает очень справедливо, что, произнося в этом случае суждение, должно принять во внимание культуру, которую дарует духу искусство, а я хотел бы прибавить: которую оно дарует ему непосредственно.

Спрашивается между тем, есть ли это верное мерило. По моему мнению, энергия есть первая и единственная добродетель человека. То, что возвышает его энергию, имеет более цены, чем то, что дает ему только материал для этой энергии. Но так как человек одновременно воспринимает только одно впечатление, то на него и действует всего сильнее то, что представляется в данный момент единично и цельно, а также и то, в чем отдельные части находятся в соотношении, сходном с рядом последующих впечатлений,

---

¹⁷ Кант И. Критика способности суждения. 2-е изд. Берлин, 1793. С. 220 и сл.

где каждое зависит от всех предыдущих и действует на все последующие. Все это имеет место в музыке. Далее, в музыке существует только эта последовательность во времени; только это в ней и определено. Но представляемая ею гармоническая последовательность не производит определенного впечатления. Это есть как бы тема, допускающая бесконечное множество текстов. То, что действительно вкладывает в музыку душа слушающего (поскольку он вообще находится в настроении, сходном с главным характером всего музыкального творения), вытекает вполне свободно из ее собственной полноты – она воспринимает это теплее, чем то, что дается извне и что часто требует большего усилия для того, чтобы быть воспринятым, чем для того, чтобы быть прочувствованным. Я не касаюсь других особенностей и преимуществ музыки; например, того, что она, извлекая звуки из естественных предметов, вернее природе, чем живопись, пластика и стихотворство, так как вовсе не стремлюсь изучать ее по существу, но привожу ее здесь как пример, при помощи которого могу яснее обрисовать различные свойства чувственных впечатлений.

Но подобное действие на человека имеет не одна музыка. Кант¹⁸ замечает, что оно может быть свойственно изменяющимся цветовым ощущениям; но в еще высшей степени это встречается при том, что мы ощущаем посредством осязания. Его нельзя не признать даже при вкусе. Даже во вкусе существует повышение наслаждения, которое как бы желает удовлетворения, получает его и затем исчезает мало-помалу в более слабых колебаниях. Всего незначительнее это при обонянии. А так как в человеке ход ощущений, их повышение и понижение, их, если смею так выразиться, чистая и полная гармония, по существу, представляют самое привлекательное и даже гораздо привлекательнее самого объекта – ибо при этом забывается, что сущность объекта преимущественно определяет степени и еще более гармонию этого хода; и так как ощущающий человек (сходный в этом с расцве-

---

¹⁸ Кант. Критика способности суждения. С. 211 и сл.

тающей весной) представляет именно самое интересное зрелище, то мы поэтому во всех искусствах как бы стараемся найти олицетворение наших ощущений более, нежели что-либо другое. Это составляет отличительную черту живописи и даже скульптуры. Глаза Мадонны Гвидо Рени как бы остаются в границах одного быстролетного мгновения. Напряженный мускул Боргезского бойца заставляет предвидеть удар, который он намеревается нанести. И еще в высшей степени пользуется этим поэзия. Не вдаваясь здесь в сущность рассмотрения того, какое место должны по отношению друг к другу занимать изящные искусства, я должен для пояснения моей мысли присовокупить еще следующее. Изящные искусства производят два рода влияния, которые всегда соединены в каждом из них, хотя в весьма различных соотношениях; они либо непосредственно порождают идеи, либо возбуждают чувство, настраивая тон души; или, если выражение не покажется слишком искусственным, обогащают или возвышают ее силу. Чем, однако, одно влияние более прибегает к помощи другого, тем более ослабляет оно свое собственное действие. Поэзия соединяет в себе оба влияния полнее и шире других искусств, и поэтому она, с одной стороны, самое совершенное из них и, с другой, самое слабое. Воспроизводя предмет с меньшей жизненностью, нежели живопись или скульптура, она в то же время и менее влияет на чувство, нежели пение или музыка. Но во всяком случае, этот недостаток легко забывается (не принимая в расчет еще и вышеуказанную многосторонность ее), так как она более всех других искусств проникает в душу истинного человека и облекает как мысль, так и чувство наилегчайшим покрывалом.

Энергически действующие чувственные впечатления – потому что я здесь говорю об искусствах только для того, чтобы выяснить эти ощущения, – опять-таки действуют различно, частью смотря по тому, насколько их ход действительно гармонически уравновешен, частью по тому, насколько составные части их или, так сказать, их материя, сильнее охватывают душу. Так, прекрасный и верный чело-

веческий голос действует сильнее безжизненного инструмента. Но ничего вы не чувствуете сильнее собственного телесного ощущения. Где поэтому примешано подобное ощущение, там действие всего сильнее. Но как несоразмерно большая сила материи здесь как бы подавляет нежную форму, так случается часто и здесь; и поэтому между обеими должно существовать правильное соотношение. При неправильном соотношении сил равновесие может быть восстановлено повышением одной или ослаблением другой. Между тем прибегать к ослаблению всегда будет ошибочно, или же нужно признать, что сила была не естественная, а искусственная. Но там, где она не такова, там никогда не следует ее ограничивать. Лучше пусть она сама себя погубит, чем будет медленно умирать. Но, однако, довольно об этом. Я надеюсь, что достаточно разъяснил свою мысль, хотя охотно сознаюсь в затруднении, в котором нахожусь, занимаясь настоящим исследованием; ибо, с одной стороны, интерес предмета и невозможность извлекать только нужные результаты из других сочинений (так как я не знаю ни одного, которое исходило бы именно из настоящей моей точки зрения) заставили меня быть более пространным, нежели я желал бы, с другой — мысль, что высказанные мною идеи принадлежат сюда не по своей сущности, а только как леммы, всегда принуждала меня возвратиться в надлежащие границы. Я должен просить читателя не упустить этого из виду и по отношению к тому, что я буду говорить ниже.

До сих пор я говорил — хотя полное разделение никогда не возможно — о чувственном впечатлении только как о таковом. Но чувственное и нечувственное соединены таинственной связью, и если нашему взору не дано видеть эту связь, то наше чувство тем не менее даст нам знать о ней. Этой двоякой природе видимого и невидимого мира, рожденному стремлению к этому последнему и чувству как бы сладкой необходимости первого обязаны мы всеми поистине из сущности человека проистекшими логическими философскими системами; отсюда же произошли и самые бессмысленные мечтания. Постоянное стремление соединить

чувственное с духовным таким образом, чтобы одно как можно менее отнимало у другого, казалось мне всегда истинной целью каждого мудреца. Неоспоримо, что во всем человечестве распространено то эстетическое чувство, на основании которого чувственное является для нас оболочкой духовного и духовное оживотворяющим началом чувственного мира. Вечное изучение этой «физиогномики» природы образует настоящего человека. Ничто не имеет столь сильного и разностороннего влияния на характер, как выражение духовного в чувственном, высокого, простого, прекрасного во всех творениях природы и произведениях искусства, которые нас окружают. И здесь как бы опять высказывается различие между энергически действующими и остальными чувственными впечатлениями. Если наивысшее стремление всей нашей наиболее человека достойной деятельности направлено только к открытию, питанию и воссозданию в нас самих и в других того, что единственно поистине существует, хотя оно в своей чистейшей первобытной форме вечно для нас невидимо, если только предчувствие этого в каждом из его символов делает их нам столь дорогими и святыми, то мы приближаемся к нему, когда созерцаем картину его вечно живой и деятельной энергии. Мы как бы говорим с ним на языке трудном и часто непонятном, но однако столь же часто поражающем нас вернейшим предчувствием истины, между тем как форма (если опять могу так выразиться), образ этой энергии более отдален от истины.

На этой почве, по преимуществу, расцветает прекрасное и еще чаще возвышенное, которое как бы приближает человека к Божеству. Необходимость чистого, далекого от всяких житейских целей безотчетного восторга предметом, о котором он не имеет понятия, как бы обеспечивает его происхождение от невидимого и его сродство с ним; и чувство его несоизмеримости с бесконечностью предмета связывает самым человечески-божественным образом бесконечное величие с жертвенным смирением. Без прекрасного человеку недоставало бы любви к вещам ради них самих; без возвышенного — послушания, которое презирает всякую награду

и не знает никакого страха. Изучение прекрасного порождает вкус; изучение возвышенного (если для этого существует изучение и если чувство и выражение возвышенного не представляют единственно плод гения) создает правильно уравновешенное величие. И только вкус, в основании которого всегда должно лежать величие, потому что только великое нуждается в мере и только сильное в сдержанности, соединяет все тона богато одаренного существа в восхитительную гармонию. Он вносит во все наши даже просто духовные ощущения и склонности нечто уравновешенное, сдержанное, цельное. Где его недостает, там чувственные желания грубы и распушенны; там и научные исследования, обладая, может быть, даже остроумием и глубокомыслием, лишены утонченности и плодотворности в своем применении к жизни. Вообще без него глубины духа, как и сокровища знания, мертвы и бесплодны; без него благородство и сила нравственной воли грубы и лишены благодатного согревающего влияния.

Познавать и создавать – около этого вращается и к этому имеет отношение, будь это посредственно или непосредственно, вся деятельность человека. Если он, познавая, стремится открыть основы вещей или дойти до крайних пределов разума, то для этого необходимо помимо глубины многостороннее богатство и искреннее, так сказать, согревание духа и напряжение совокупных человеческих сил. Философ, занимающийся исключительно анализом, может быть, и достигнет своих целей простой деятельностью не только спокойного, но и холодного рассудка. Но для того чтобы открыть связь, соединяющую синтетические положения, необходима особенная глубина духа и равная сила выработки всех его сторон. Так, Канта, глубину мысли которого никогда поистине никто не превзошел, часто еще будут обвинять в мечтательности в вопросах нравственности и эстетики; но если и мне самому некоторые, хотя и редкие места у него (привожу здесь в виде примера толкование цветов радуги в «Критике разума»¹⁹) показались мечтательными, то в этом случае я обвиняю только недостаток

глубины моих собственных умственных сил. Если бы мне было возможно далее развивать здесь эти идеи, то я дошел бы до, конечно, в высшей степени трудного, но в то же время столь же интересного вопроса: какое различие в сущности между духовным развитием метафизика и поэта? И если бы новейшая полная проверка не опровергла результатов прежних размышлений моих об этом предмете, то я ограничил бы это различие следующим: именно, что философ имеет дело только с чувственными впечатлениями (перцепциями), поэт же, напротив, с ощущениями (сенсациями), но что оба вообще нуждаются в одинаковом количестве и в одинаковом развитии своих духовных сил. Однако это слишком отдалило бы меня от главной цели, которую я здесь имею в виду, и я надеюсь, что уже немногими вышеприведенными основаниями достаточно убедил читателя, что для создания даже самого спокойного мыслителя необходимо, чтобы наслаждение чувств и фантазии согревало его душу. Но когда мы переходим от трансцендентального исследования к психологическому, когда человек в том виде, в каком мы его знаем, делается предметом нашего изучения, то не будет ли тот глубже всего изучать столь разнообразное человеческое племя, не представит ли его тот всего правдивее и живее, в собственном представлении которого будет существовать наибольшее количество живых человеческих образов.

Поэтому развитой таким образом человек является в своей высшей красоте, когда вступает в практическую жизнь, когда воспроизводит в новых созданиях то, что было воспринято им извне. Аналогии между законами пластической природы и законами духовного творчества уже наблю-

---

¹⁹ *Кант*. Критика способности суждения. С. 172. Кант называет изменения света, дающие цвета, языком, которым природа дает нам знать о себе и который имеет более глубокое значение. «Таким образом, по-видимому, белый цвет лилии вызывает в душе представление о невинности, а семь цветов, по порядку от красного до фиолетового, настраивают ее на следующие идеи: 1) величия, 2) мужества, 3) искренности, 4) ласковости, 5) скромности, 6) стойкости и 7) нежности».

дались истинно гениальным взором и были доказаны весьма меткими замечаниями²⁰. Но может быть, было бы возможно исполнить тот же труд еще более привлекательным образом, вместо того чтобы исследовать неизъяснимые законы образования зачатка. Психология, может быть, достигла бы большей поучительности, если бы духовное творчество рассматривалось ею как прекраснейшее создание телесной производительной способности.

Но обратимся теперь к тому, что в нравственной жизни по преимуществу кажется простым делом холодного разума; идея возвышенного одна делает возможным повиновение безусловно повелевающему закону – во всяком случае, конечно, через посредство чувства, – повиноваться по-человечески и, однако, самым божественно бескорыстным образом, не беря при этом вовсе во внимание вытекающее отсюда счастье или несчастье. Чувство несоразмерности человеческих сил с нравственным законом, глубокое сознание, что всего добродетельнее лишь тот, кто глубже и искреннее всего чувствует, как недостижим для него этот закон, порождает уважение – чувство, по-видимому, окруженное телесной оболочкой лишь настолько, чтобы смертные очи не были ослеплены его чистым и ярким сиянием. Если же нравственный закон принуждает почитать каждого человека самого по себе как цель, то к нему присоединяется чувство прекрасного, которое охотно вдыхает в себя жизнь каждой пылинки, чтобы радоваться и ней как самостоятельному существованию; чувство прекрасного, которое тем полнее и прекраснее воспринимается человеком и охватывает его, чем независимее оно от идеи и чем менее ограничивается признаками, которые дано понять только идее, и то отдельно, а не в связи с целым.

Примесь чувства прекрасного, по-видимому, вредит чистоте нравственной воли; она, без сомнения, могла бы быть вредна, если бы собственно это чувство служило человеку побуждением к нравственности. Но это не так: чувство прекрас-

---

²⁰ Дальберг фон. О созидании и открытии.

ного должно только как бы находить более многочисленные и разнообразные применения для нравственного закона, который ускользнул бы от холодного и вследствие этого менее утонченного разума; оно должно доставлять самые сладостные чувства человеку, которому возбранено несчастье, столь тесно связанное с добродетелью, а стремление быть добродетельным лишь ввиду этого счастья. Но чем я вообще более размышляю по этому поводу, тем менее кажется мне только что указанное различие слишком тонким или, может быть, мечтательным. Как ни стремится человек к наслаждению, как ни представляет он себе добродетель и счастье вечно связанными друг с другом даже при самых неблагоприятных обстоятельствах, но в то же время душа его восприимчива к величю нравственного закона. Она не может противостоять властному понуждению, с которым это величие заставляет ее поступать известным образом, и, проникнутая только этим чувством, она действует уже потому без расчета на наслаждение, что никогда не теряет полного сознания, что мысль о каком бы то ни было несчастье не заставит ее поступать иначе.

Но эту силу душа приобретает только путем, сходным с тем, о котором я только что говорил: только через могущественное внутреннее стремление и разностороннюю внешнюю борьбу. Всякая сила – подобно материи – происходит от чувственности, и как бы она ни отдалилась от своей исходной точки, тем не менее она находится в зависимости от нее. Тот же, кто непрестанно стремится увеличить свои силы и возродить частым их применением, кто, упражняя силу своего характера, старается доказать свою независимость от чувственности, кто пытается соединить эту независимость с высшей отзывчивостью, чей прямой и глубокий ум неустанно изучает истину, чье правильное и тонкое чувство красоты не оставляет незамеченным ни одного прекрасного образа, кто стремится глубоко воспринять прочувствованное и воссоздать его в новых произведениях, кто хочет воспринять в душу всякую красоту и, отдавая ей все свое существо, создать новую красоту, тот может с полным удовлетворением сознавать, что он стоит на правильном пу-

ти приближения к высшему идеалу, какой только способна начертать для человечества самая смелая фантазия.

Я стремился показать при помощи этой картины, в сущности довольно чуждой политического исследования, однако необходимой в избранном мной последовательном ходе идей, как чувственность с ее полезными последствиями переплетена со всей жизнью и занятиями человека. Моей целью было приобрести для нее свободу и уважение. Между тем я не имею права забывать, что именно та же чувственность представляет источник большого количества физических и нравственных зол. Будучи полезна в смысле нравственности лишь тогда, когда стоит в правильном соотношении с выработкой и деятельностью духовных сил, она весьма легко, однако, приобретает и вредный перевес. Тогда человеческие радости становятся животными наслаждениями, вкус исчезает или получает неестественное направление. При этом последнем выражении я считаю нужным заметить, в особенности ввиду известных односторонних воззрений, что неестественным должно почитаться не то, что не прямо исполняет ту или другую цель природы, но то, что делает тщетной общую конечную цель, для которой природа создала человека. Эта же цель состоит в том, чтобы человек стремился к высшему совершенству, а для этого по преимуществу нужно, чтобы его мыслительные и чувствующие силы неразрывно соединялись одни с другими соразмерно энергии каждой из них. Но далее может встретиться несоответствие между развитием и деятельностью человеческих сил и средствами для деятельности и наслаждения, даруемыми ему его положением; и это несоответствие может явиться новым источником зол. Но на основании вышеприведенных начал государство не имеет права видоизменять положение граждан ради положительных целей. Это положение поэтому не может получать насильственно определенной формы; и его большая свобода, именно то, что оно, благодаря этой свободе, получает свое направление в основном от способа мышления и действия самих граждан, уже уменьшает упомянутое несоответствие. Тем не менее все еще остается поистине немалая опасность, и она-то может

возбудить мысль о необходимости противодействовать порче нравов при помощи закона и государственных учреждений.

Если бы, однако, подобные законы и учреждения были в состоянии иметь действительное влияние, то со степенью их действительности возрастал бы и вред их. Государство, в котором граждане были бы принуждены или побуждены следовать даже наилучшим законам, могло бы быть государством спокойным, миролюбивым и богатым; тем не менее, однако, оно казалось бы мне кучкой откармливаемых рабов, а не союзом свободных людей, связанных лишь в том смысле, что им не дозволяется переступить границ чужого права. Конечно, есть множество средств для того, чтобы вызвать только известного рода действия или помыслы. Но ни одно из них не ведет к истинному нравственному совершенству. Чувственные побуждения к совершению известных действий или необходимость воздержаться от них вызывают привычку; вследствие привычки удовольствие, связанное вначале только с этим побуждением, переносится на самое действие, или склонность, умолкавшая только перед необходимостью, вполне уничтожается; так человек направляется к добродетельным действиям и до известной степени к добродетельным мыслям. Однако сила его души от этого не возвышается, идеи его о собственном назначении и достоинстве не проясняются; его воля не приобретает более силы для того, чтобы побороть господствующую склонность, следовательно, он не приобретает ничего в смысле истинного, настоящего совершенства. Поэтому тот, кто хочет развивать людей, а не только делать их пригодными для внешних целей, тот никогда не воспользуется подобными средствами. Не говоря уже о том, что принуждение и руководство никогда не ведут за собой добродетели, они еще и ослабляют силу. Но что же такое нравы без нравственной силы и добродетели? И как бы велико ни было зло, приносимое порчей нравов, оно в то же время не лишено и благодетельных последствий. Проходя через крайности, люди достигают среднего пути мудрости и добродетели. Крайности должны действовать подобно большим раскаленным массам, светящим на далекое расстояние. Чтобы кровь

достигла тончайших сосудов тела, она должна быть в значительном количестве в больших сосудах. Пытаться служить здесь помехой естественному порядку природы – значит создавать нравственное зло для предотвращения физического.

По моему мнению, также несправедливо и то, что опасность порчи нравов так велика и настоятельна, и хотя уже ранее сказано многое, служащее подтверждением этого взгляда, но пускай последующие замечания послужат для того, чтобы доказать это еще подробнее.

1. Человек в сущности более склонен к человеколюбивым, чем к себялюбивым, действиям. На это указывает даже история дикарей. Семейные добродетели столь симпатичны, общественные добродетели гражданина имеют нечто столь высокое и увлекательное, что просто неиспорченный человек редко противостоит их прелести.

2. Свобода увеличивает силу и вызывает, как это всегда делает большая сила, настроение либеральное и человеческое. Принуждение уничтожает силу и ведет ко всевозможным эгоистичным желаниям и ко всем низким уловкам слабости. Принуждение, может быть, предотвращает многие проступки, но отнимает даже у законных поступков часть их достоинства. Свобода вызывает, может быть, многие проступки, но придает даже пороку несколько менее неблагоприятную форму.

3. Предоставленный самому себе человек, может быть, труднее доходит до истинных принципов, однако они неизгладимо запечатлеваются на его образе действия. Человек, намеренно руководимый, воспринимает их легче, но тем не менее ослабленная энергия его не дает ему возможности придерживаться их.

4. Все государственные установления вызывают всевозможные столкновения, ибо имеют целью привести к единству весьма разнообразные и различные интересы. Из столкновения проистекают несоответствия между желаниями человека и возможностью их удовлетворения – а от этого в свою очередь зависят проступки. Чем празднее государство – если можно так выразиться, – тем меньше число проступков.

Если бы было возможно (преимущественно по отношению к известным случаям) точно привести число зол, которые вызываются полицейскими учреждениями, и тех, которые предотвращаются ими, то первых всегда оказалось бы больше.

5. Чего может достигнуть строгий розыск действительно совершенных преступлений, справедливое и точно размеренное, но неотвратимое наказание и, следовательно, редкая безнаказанность – практически еще никогда не было в достаточной мере испытано.

Я думаю теперь, что достаточно для моего намерения доказать, как опасно всякое старание государства бороться с какой-либо порчей нравов (в том случае, если она не прямо нарушает чужое право) или даже предотвращать ее; как мало, в частности, можно ожидать от этого благодетельных последствий для самой нравственности и как подобное влияние на характер нации мало необходимо даже для поддержания безопасности. Если прибавить к этому те основания, которые развиты в начале настоящего сочинения и осуждают всякую деятельность государства, направленную к положительным целям, и которые здесь тем более имеют значение, что именно нравственный человек сильнее всего чувствует всякое стеснение; и если вспомнить, что именно развитие нравственности и характера обязано свободе своей высшей красотой, то нельзя более сомневаться в справедливости следующего начала, именно:

что государство должно вполне воздерживаться от всякого стремления прямо или косвенно влиять на нравы или характер нации, за исключением тех случаев, где подобное влияние естественным и неотвратимым образом вытекает из его остальной необходимой деятельности, и что все то, что может способствовать подобному влиянию, именно всякое особенное наблюдение за воспитанием, религиозными учреждениями, всякие законы по отношению к роскоши и т.д., лежит вне границ государственной деятельности.

**Ближайшее положительное определение
заботы государства о безопасности.
Развитие понятия «безопасность»**

Покончив в настоящее время с важнейшими и труднейшими частями настоящего исследования и приближаясь к полному решению подлежащего вопроса, я считаю необходимым снова бросить взгляд на развитое доселе целое. Прежде всего государству отказано в праве заботиться о том, что не связано с безопасностью граждан, как внешней, так и внутренней. Затем эта забота выставлена настоящим предметом деятельности государства и, наконец, установлено начало, что государство, заботясь о поддержании этой безопасности, не должно пытаться действовать на нравы и характер самой нации или стремиться придать или отнять у этого последнего какое-либо направление. Поэтому казалось бы, что вопрос, в каких пределах должно государство удерживать свою деятельность, до известной степени уже исчерпан, ибо нами решено, что деятельность государства состоит в охранении безопасности; что же касается потребных для этого средств, то они еще точнее ограничены в том смысле, что допускаются лишь те, которые не стремятся видоизменить или воспитать нацию согласно государственным целям. И хотя это определение носит лишь чисто отрицательный характер, тем не менее то, что остается по выделении вышесказанного, само по себе достаточно ясно. Деятельность государства именно будет распространяться лишь на те действия, которые непосредственно и прямо

представляют посягательство на чужое право, оно будет разрешать спорные правовые вопросы, восстанавливать нарушенное право и наказывать нарушителя. Однако понятие «безопасность», для определения которого до сих пор ничего не сказано, помимо того, что тут речь идет о безопасности от внешних врагов и об ущербе, наносимом друг другу самими согражданами, понятие это, говоря я, настолько обширно и сложно, что требует ближайшего рассмотрения. Ибо насколько различны, с одной стороны, оттенки постороннего влияния, начиная с совета, имеющего в виду просто убедить, до настоятельной рекомендации и от этого последнего до понуждения и насилия, настолько точно так же различны и разнообразны степени несправедливости и безопасности поступков, совершенных в границах собственного права, но могущих быть вредными для другого, и таких действий, которые, также не выходя из границ права, легко или всегда служат другому помехой пользоваться его собственным правом до действительного посягательства на чужое право. Насколько, повторяю, разнообразно и различно все это, настолько обширен и разнообразен объем понятия «безопасность», так как под ним можно разуметь безопасность от такой или другой степени насилия или от действия, более или менее нарушающего право. Но именно определение этого объема и имеет наибольшую важность: если он слишком обширен или слишком тесно ограничен, то под другими именами опять перепутаны все пределы. Поэтому без точного определения этого объема нельзя думать и о правильном установлении этих пределов. Далее, и средства, которыми государство имеет или имеет права пользоваться, должны быть рассмотрены и испытаны гораздо точнее. Потому что если, на основании предыдущего, стремление государства, направленное на действительную переработку нравов, и отрицается, то тем не менее деятельности его предоставлен еще слишком неопределенный простор, и еще слишком мало, например, выяснен вопрос, насколько ограничительные законы государства удаляются от действия, непосредственно нарушающего права других, и

насколько государство имеет право предотвращать действительные преступления через уничтожение их источников не в характере граждан, а в поводах для их совершения. Как далеко здесь можно зайти и какой принести вред – это ясно уже из того, что именно забота о свободе привела многих умных людей к мысли сделать государство ответственным за благо граждан, так как они думали, что эта более общая точка зрения будет способствовать беспрепятственному проявлению деятельности человеческих сил. Вышесказанное заставляет меня сознаться, что я до сих пор был занят скорее рассмотрением таких общих сторон занимающего меня вопроса, которые довольно очевидно лежат вне границ деятельности государства, чем точным определением этих границ именно там, где они могли показаться сомнительными или спорными. Теперь мне остается сделать это, и если бы мне это даже не вполне удалось, то я думаю, что должен по крайней мере попытаться, насколько возможно, выяснить причины этой неудачи. Я при этом надеюсь быть кратким, так как все основные положения, нужные мне для моей работы, уже рассмотрены и доказаны в предыдущем, во всяком случае, настолько, насколько это позволили мои силы.

Я считаю граждан безопасными в государстве, когда чужие посягательства не служат им помехой в пользовании присвоенными им правами – будут ли эти права касаться их личности или имущества; безопасность, следовательно, если это выражение не слишком коротко и не покажется вследствие этого неясным, состоит в «уверенности в закономерной свободе». Но эта безопасность нарушается не всеми теми действиями, которые служат человеку помехой в проявлении его сил или в пользовании его имуществом, но только такими, которые делают это в противность праву. Это определение, как и предыдущее, прибавлены или избраны мной не произвольно. Оба вытекают непосредственно из развитого выше рассуждения, которое может быть уместно лишь в том случае, когда выражению «безопасность» придается именно такой смысл. Потому что только действительные нарушения права требуют вмешательства другой власти поми-

мо той, какой обладает каждый отдельный человек; только то, что служит этим нарушениям помехой, приносит чистую выгоду истинному человеческому развитию; между тем как всякое другое вмешательство государства как бы создает препятствия на его пути; наконец, только это вытекает из безошибочного начала (принципа) необходимости, так как все остальное построено лишь на неверной почве утилитарности, рассчитанной на основании обманчивых вероятий.

Безопасность должна быть обеспечена, с одной стороны, всем гражданам одинаково, с другой – самому государству. Безопасность самого государства имеет объект большего или меньшего размера, согласно тому, насколько распространяют или ограничивают его права, и поэтому определение его зависит здесь от цели, с которой даются ему эти права. Но согласно моей попытке этого определения, государство не должно было бы иметь права требовать безопасности ни для чего другого, как для власти, которая ему дана, и для собственности, которая за ним признана. Напротив, оно не могло бы ввиду этой безопасности ограничивать действия, которыми гражданин освобождает себя или свое имущество от государственной опеки, не нарушая права в собственном смысле, причем вперед предполагается, что этот гражданин не находится с государством в особенном личном или временном отношении, как, например, во время войны; ибо государственный союз есть только подчиненное средство, которому нельзя жертвовать истинной целью, именно человеком, за исключением того могущего встретиться случая, когда масса считала бы себя вправе ввиду интересов большинства пожертвовать отдельным лицом, хотя бы в сущности и не обязанным жертвовать собой. Да и помимо этого, согласно развитым выше началам, государство не имеет права заботиться о благе граждан: и для того чтобы обеспечить их безопасность, не может быть необходимо то, что именно уничтожает свободу и вместе с ней также и безопасность.

Безопасность нарушается либо такими действиями, которые по своему существу представляют посягательство на чужое право, либо такими, от последствий которых может про-

изойти нарушение этого права. Государство должно запретить или постараться предупредить оба разряда действий с различиями, которые ниже будут предметом исследования; оно должно также стремиться сделать их безвредными, помощью законного вознаграждения понесенного ущерба – и попытаться наказаниями уменьшить повторяемость их в будущем, если они раз уже совершились. Отсюда – чтобы сохранить общеупотребительные выражения – проистекают полицейские, гражданские и уголовные законы. Но сюда относится еще другой предмет, который вследствие своего своеобразного характера заслуживает совершенно отдельной обработки. Существует именно целый класс граждан, к которым развитые выше начала, везде имевшие в виду человека, обладающего обыкновенными нормальными силами, применяются только с различными изменениями. Я говорю о тех гражданах, которые еще недостаточно зрелого возраста или которых безумие или слабоумие лишило употребления их человеческих сил и способностей. О безопасности их государство также должно заботиться, и их положение может, как уже наперед видно, легко потребовать совершенно особенного отношения. Поэтому в заключение должно быть рассмотрено то отношение, в которое государство, как вообще выражаются, становится ко всем неправоеспособным гражданам, делаясь как бы их верховным опекуном. Таким образом, я думаю, что начертал внешние границы всех тех сторон, на которые государство должно обратить свое внимание; что же касается безопасности от внешних врагов, то мне нечего прибавлять к тому, что по этому поводу уже сказано было выше. Я далек от желания сколько-нибудь глубоко вникать во все названные здесь пространные и трудные материи, и ограничусь при каждой из них лишь тем, что насколько возможно коротко разовью главные основные начала их, поскольку они касаются настоящего исследования. Лишь когда это будет сделано, можно будет сказать, что закончена попытка вполне исчерпать рассматриваемый вопрос и начертать надлежащие границы государственной деятельности.

**Забота государства
о безопасности, состоящая в определении
таких действий граждан, которые
относятся непосредственно и прямо
только к самому действующему лицу
(полицейские законы)**

Для того чтобы проследить человека во всех разнообразных жизненных отношениях, будет удобно начать прежде всего с наипростейшего, с того случая именно, где человек, живя хотя бы и в связи с другими, остается тем не менее вполне в границах своего достоинства и не предпринимает ничего такого, что относилось бы непосредственно и прямо к другим. Об этом случае трактует большая часть так называемых полицейских законов. И как ни шатко это выражение, тем не менее важнейшее и наиболее общее его значение состоит в том, что эти законы, сами не касаясь действий, которыми чужое право нарушается непосредственно, гласят только о средствах предотвратить подобные нарушения; причем они могут ограничивать либо такие действия, самые последствия которых могли бы легко сделаться вредными для чужого права, либо такие, которые обыкновенно ведут к нарушению закона; или же они, наконец, могут определять то, что необходимо для поддержания или применения к делу самой государственной власти. Я здесь не касаюсь тех предписаний, которые имеют целью не безопасность, но благо граждан и носят по преимуществу вышеупомянутое название. Согласно вышеустановленным началам государство при этом простейшем случае не имеет права ничего больше запрещать, кроме того, что основательно заставляет бояться нарушения государственных прав или прав гражд-

дан. И в то же время по отношению к правам государства здесь должно быть применимо то, что вообще было упомянуто о смысле этого выражения. Следовательно, государство не должно устанавливать ни ограничительных, ни запретительных законов в тех случаях, где польза или вред касаются лишь самого собственника. Однако для оправдания подобных ограничений недостаточно того, чтобы какое-нибудь действие просто принесло кому-либо другому ущерб; оно должно при этом также сузить, уменьшить его права. Это второе определение требует в свою очередь дальнейшего пояснения. Стеснение права встречается лишь там, где у кого-либо без его согласия или против его воли отнимается часть его достояния или часть его личной свободы. Там же, напротив, где не встречается подобного отнятия, где один, так сказать, не вторгается в круг прав другого, там нет стеснений права, как бы велик ни был причиненный этому другому вред. Точно так же нет подобного стеснения и там, где самый вред проявляется лишь тогда, когда тот, который терпит от него, сам со своей стороны становится деятельным, так сказать, воспринимает действие или по крайней мере не противодействует его влиянию, насколько мог бы.

Применение этих определений ясно само по себе; я напомним здесь лишь о нескольких замечательных примерах. Именно, согласно этим началам, нужно исключить по преимуществу все то, что говорится о действиях, возбуждающих соблазн по отношению к религии и нравам. Тот, кто высказывает вещи или совершает действия, оскорбляющие совесть или нравственность другого, может быть, конечно, и действует безнравственно; однако пока он не позволяет себе назойливости, то не нарушает никакого права. Ничто не возбраняет другому удалиться от него, или если положение делает это невозможным, то этому другому приходится выносить неизбежные неудобства связи с характером, который отличается от собственного. При этом он не должен забывать, что, может быть, тому первому человеку неприятно видеть стороны, которые свойственны второму, ибо вопрос, на чьей стороне право, всегда только там важен, где сущест-

вует право решения его. Даже в том, конечно, гораздо худшем случае, когда зрелище того или другого поступка, слушание того или другого рассуждения вводит в соблазн добродетель или нравственность или колеблет здравый смысл другого, даже здесь невозможно допустить никакого стеснения свободы. Тот, кто так поступает или говорит, не посягает ни на чье право, и другой силой воли или началами разума свободен противодействовать дурному впечатлению, произведенному на него. Отсюда следует также, что как бы велико часто ни было вытекающее отсюда зло, с другой стороны, никогда не отсутствуют и хорошие последствия: в одном случае испытывается и выигрывает сила характера, в другом – терпимость и многосторонность взгляда. Мне здесь нечего, конечно, напоминать, кроме того, что я в настоящее время занят лишь вопросом, нарушают ли выше-названные действия безопасность граждан. Я уже раньше пытался рассмотреть, с одной стороны, отношение их к нравственности нации и с другой – определить, что государству может по этому поводу быть позволено или нет.

Но так как есть много вещей, обсуждение которых требует положительных знаний, не всякому присущих, и так как вследствие этого безопасность может быть нарушена, когда кто-либо намеренно или необдуманно воспользуется незнанием других в ущерб им и в свою пользу, то граждане в этом случае должны обладать свободой обращаться к государству как бы за советом. Особенно поразительные примеры этого представляют (частью вследствие общераспространенной необходимости, частью вследствие трудности обсуждения и, наконец, вследствие важности могущего грозить вреда) врачи и затем ученые юристы, назначенные приходить на помощь тяжущимся сторонам. Для того чтобы в этом случае удовлетворить желанию нации, не только полезно, но даже необходимо, чтобы государство подвергало испытанию тех, кто посвящает себя подобным занятиям (поскольку они захотят подвергнуться ему), и если испытание окажется удовлетворительным, давало бы им в этом свидетельство и объявляло гражда-

нам, что они могут безопасно одарить своим доверием лишь тех, кто был подобным способом испытан. Государство никогда не должно идти далее; оно не должно запрещать заниматься своим делом ни тем, которые отказались подвергнуться испытанию, ни тем, которые не выдержали его; точно так же оно не должно мешать нации пользоваться их услугами. Далее, оно не должно было бы распространять подобных распоряжений ни на какие занятия, кроме тех, где влияние производится не на внутреннее я человека, а только на его внешность; где, следовательно, он сам не содействует, а только играет, так сказать, страдательную роль, где, следовательно, дело только в верности или фальшивости результатов и где обсуждение предмета предполагает знания, которые представляют совершенно отдельную область и не приобретаются упражнением разума и практического рассудка, причем редкость этих знаний затрудняет даже обращение за советом. Если государство действует вопреки высказанному нами определению, то оно впадает в опасность сделать нацию ленивой, бездельной, всегда надеющейся на чужие знания и чужую волю, ибо именно недостаток верной, определенной помощи не только заставляет граждан стремиться увеличить запас собственных знаний и опыта, но и сближает их друг с другом теснее и с большего числа сторон, ставя одного в зависимость от совета другого. Если государство не остается верно первому определению, то рядом с только что упомянутым вредом возникают все разнообразные вредные последствия, более подробно рассмотренные в начале этого сочинения. Опять избираю замечательный пример и прихожу к заключению, что не должно существовать подобных установлений по отношению к учителям религии. И действительно, в чем могло бы их испытывать государство? В знании определенных догматов – но от них, как подробнее указано выше, религия не зависит. В обладании известным количеством интеллектуальных сил вообще? Но у духовного учителя, который предназначен поучать вешам, находящимся в столь тесной связи с

индивидуальностью слушателей, дело сводится почти единственно к соотношению его разума с разумом слушателей, и уже благодаря этому самое определение объема необходимых ему сил и знаний становится невозможным. Испытывать его честность и характер – но для этого не существует другого испытания, кроме такого, для которого государство стоит в весьма неудобном положении, именно – в наведении справок об обстоятельствах, о поведении человека и т.д. Наконец, вообще даже в допущенных мною самым выше случаях установления подобного рода могли бы вводиться лишь на основании несомненно выраженного требования нации. Ибо сами по себе подобные установления вовсе даже и не нужны между свободными людьми, достигшими высшего развития благодаря самой свободе; не говоря уже о том, что они всегда могут служить поводом к злоупотреблениям. Так как я вовсе не стремлюсь здесь к рассмотрению отдельных предметов в частности, а занят лишь установлением основных начал, то считаю нужным еще раз вкратце высказать ту точку зрения, на основании которой упоминал о подобных учреждениях. Государство не должно вовсе заботиться о положительном благе граждан, т.е. об их образе жизни или здоровье, за исключением разве случаев, когда им грозит опасность от действий других лиц, оно должно иметь в виду только их безопасность. Только если что-либо грозит самой безопасности, так как обман пользуется незнанием, со стороны государства мог бы быть допущен известный надзор. Между тем при обмане подобного рода обманутый должен всегда быть доведен до убеждения, и оттенки здесь до того неуловимы, что установление общего правила почти невозможно. Но и самая возможность обмана, допущенная свободой, делает людей более разумными и предусмотрительными, так что я считаю лучшим и более согласным с основными началами теории, далекой от определенных применений к частности, распространить запретительные законы лишь на те случаи, где действие происходит без или даже против воли другого.

Предыдущее рассуждение послужит, во всяком случае, уже к тому, чтобы показать, как нужно будет поступать, согласно установленным началам, и в других случаях, если бы этого потребовала необходимость²¹.

Если до сих пор рассмотрены свойства последствий действия, подвергающие его надзору государства, то спрашивается еще: следует ли ограничивать каждое действие, при котором возможно предвидеть вредные последствия или только такие действия, с которыми подобные последствия необходимо связаны? При первом случае могла бы пострадать свобода, при втором – безопасность. Поэтому понятно, что следует избрать средний путь. Начертать его в общем я, однако, не считаю возможным. Без сомнения, при обсуждении случая подобного рода нужно было бы руководствоваться одновременно принятием в расчет вреда, возможностью его возникновения и ограничением свободы, которое могло бы произойти при установлении данного закона. Но ни то, ни другое, ни третье не дает, в сущности, возможности установить общую меру; в особенности же всегда обманчивы расчеты вероятностей. Поэтому теория не может указать ни на что, кроме выставленных мной моментов обсуждения. Практика же, по моему мнению, должна была бы обращать внимание только на данное частное положение и допускать ограничения лишь в том случае если бы опыт прошедшего и обсуждение настоящего сделали бы это ограничение необходимым. Естественное право, если применять его к совместной жизни многих людей, резко определяет границу. Оно порицает все действия, при которых одно лицо по собственной вине посягает на права другого, все,

---

²¹ Могло бы показаться, что приведенные здесь случаи принадлежат не столько к настоящему, сколько к следующему отделу, так как касаются действий, которые относятся прямо к другому лицу. Но я здесь и не говорил о таком случае, когда, например, врач действительно лечит больного, юрист действительно берет на себя ведение процесса, но о таких, когда кто-либо избирает подобный образ жизни и подобный способ заработка, спрашивал себя, имеет ли государство право ограничивать такой выбор, который здесь в собственном смысле еще не имеет отношения ни к какому лицу.

следовательно, действия, где вред происходит вследствие проступка в собственном смысле слова или где он всегда или же столь вероятно связан с действием, что действующий либо отдает себе в этом отчет, либо по крайней мере не может не отдавать себе этого отчета, без того чтобы это не было бы вменено ему в вину. Там же, где вред происходит помимо названных условий, он представляет случайность, и действующий здесь не обязан вознаграждать за него потерпевшего. Дальнейшее распространение можно было бы вывести только из подразумеваемого договора между людьми совместно живущими, т.е. опять-таки из чего-либо положительного. Но ограничиться этим и в государстве могло бы по справедливости показаться опасным, в особенности если взять во внимание важность грозящего вреда и необходимость сделать ограничение свободы граждан наименее вредным. Нельзя также оспаривать и прав государства в этом случае, так как оно должно заботиться об охране безопасности не только тем, что принуждает к вознаграждению при имевших место нарушениях права, но и тем, что препятствует нанесению ущерба. Далее, третье лицо должностное произведи решение, может сделать это только на основании внешних признаков. Невозможно поэтому, чтобы государство остановилось на выжидании того, не проявят ли граждане при грозящих им опасностью действиях недостатка необходимой осторожности; точно так же не может оно положиться только на то, что они будут предвидеть вероятность вреда; оно должно, напротив, в тех случаях, где предвидится действительная опасность, ограничивать даже действия сами по себе безвредные.

На основании предыдущего возможно было бы поэтому установить следующее начало.

Для того чтобы охранять безопасность граждан, должно запрещать или ограничивать те имеющие непосредственное отношение к действующему лицу действия, последствия которых приносят ущерб правам других лиц и без или против воли этих лиц уменьшают их свободу или достояние, или же такие действия, от которых этого с вероятностью

можно опасаться, причем всегда одновременно должно принимать во внимание как объем грозящего вреда, так и важность вытекающего из запретительного закона ограничения свободы. Всякое же дальнейшее или на других основаниях установленное ограничение частной свободы лежит вне границ государственной деятельности.

Так как согласно развитым мною здесь идеям единственное основание для подобных ограничений представляется в охране прав других лиц, то эти ограничения тотчас должны были бы уничтожаться, как только исчезала бы их причина; т.е. так как при большей части полицейских постановлений опасность, предотвращаемая ими, распространяется только на общину, деревню или город, их следовало бы уничтожать, если бы подобная община требовала настоятельно и единогласно уничтожения их; государство в этом случае должно было бы, так сказать, отступить и удовольствоваться карою лишь такого вреда, который был бы связан с преднамеренным или преступным оскорблением чужого права. Только прекращение раздоров граждан между собой представляет истинный и существенный интерес для государства. И здесь никогда не должна служить ему помехой воля отдельных лиц, будь это даже сами пострадавшие. Если представить себе просвещенных, понимающих свои истинные выгоды и вследствие этого доброжелательных друг к другу людей в тесной связи друг с другом, то между ними легко сами собою возникнут доброжелательные соглашения, имеющие целью общую безопасность; так, например, они договорятся между собой, чтобы никто не занимался тем или другим опасным делом или производством иначе, как в известных местах или в известное время, или же чтобы никто не занимался им вообще. Договоры подобного рода далеко предпочтительны государственным постановлениям. Ибо так как они заключаются теми самыми лицами, которые непосредственно чувствуют выгоду, так и вред их, так же как и потребность в них, то и возникают они прежде всего, конечно, не иначе, как если действительно необходимы. Далее, будучи составлены по добровольному соглашению, они лучше и строже соблю-

даются; представляя результат самодеятельности, они, наконец, менее вредят характеру даже при значительном ограничении свободы, а так как они могут возникнуть лишь при известной степени просвещения и доброжелательства, то опять в свою очередь содействуют тому, чтобы возвысить как то, так и другое. Настоящее стремление государства должно поэтому быть направлено к тому, чтобы при посредстве свободы облегчить людям образование общин, деятельность которых могла бы заменить государственную деятельность в вышеназванном и во всяких сходных случаях.

Я здесь не упоминал ни о каких законах, которые положительно ставили бы гражданам в обязанность жертвовать тем или другим для государства или друг для друга или вообще делать что-либо как для пользы государства, так и для общей пользы, хотя у нас везде встречаются подобные законы. Делая исключение для той части сил, которые каждый гражданин обязан посвящать государству там, где это требуется, — о чем я еще впоследствии буду иметь случай говорить, — я, однако, также не считаю полезным, когда государство принуждает гражданина делать что-либо против своей воли на пользу другого, хотя бы его вполне за это и вознаградили. Каждая вещь, каждое занятие, согласно бесконечному разнообразию человеческих настроений и наклонностей, доставляют каждому лицу пользу, бесконечно различную от пользы, приносимой другому лицу, и польза каждого одинаково интересна, важна и необходима, поэтому решение — какое благо одного лица предпочтительно благу другого (если самая затруднительность подобного решения не заставит остановиться перед ним) — всегда будет носить характер жестокого приговора над ощущениями и индивидуальностью другого лица. На этом основании истинное вознаграждение часто совершенно невозможно, его также почти никогда нельзя определить в общих чертах, так как, в сущности, только однородные вещи могут заменить одна другую. К этим недостаткам даже лучших законов этого рода присоединяется еще и легкость возможного злоупотребления. С другой стороны, безопасность, которая во всяком случае од-

на правильно указывает государству границы, внутри которых должна удерживаться его деятельность, делает подобного рода установления вообще не необходимыми, так как, без сомнения, каждый случай, где эта необходимость встречается, представляет исключение; люди также становятся тем более доброжелательными друг к другу и тем более готовыми к взаимной помощи, чем менее их себялюбие и их любовь к свободе оскорбляются действительным принудительным правом другого лица; и даже если известное настроение или вполне лишенное основания упрямство одного человека служит помехой хорошему предприятию, то это явление во все еще не такого рода, чтобы государственная власть тотчас должна была вмешиваться. Не берет же государство на себя уничтожение в физической природе каждой скалы, которая преграждает дорогу путнику! Препятствия оживляют энергию, обостряют ум, только те, которые вытекают из человеческих несправедливостей, не приносят пользы; но не таково упомянутое мною упрямство – при помощи законов в единичных случаях его можно, конечно, побороть, но исправляются от него люди только благодаря свободе. Кратко высказанные мной здесь основания обладают, кажется мне, достаточной силой, чтобы уступить только железной необходимости, и государство поэтому должно удовлетворяться охранением лишь тех, уже вне положительного союза существующих человеческих прав, которые заставляют людей жертвовать свободой или имуществом других в случае грозящей им самим окончательной гибели.

Наконец, довольно значительное число полицейских законов устанавливается ввиду действий, предпринимаемых внутри границ собственного, но не единичного, а общественного права. В этом случае ограничения свободы естественным образом гораздо менее опасны, так как по отношению к общественному достоянию каждый соучастник может отстаивать свое право. Таким общественным имуществом являются, например, дороги, реки, протекающие по нескольким владениям, площади и улицы в городах и т.д.

Забота государства о безопасности, состоящая в определении таких действий граждан, которые непосредственно и прямо касаются других лиц (гражданские законы)

Рассмотрение действий, непосредственно и прямо касающихся других лиц, хотя и сложнее, но для настоящего исследования представляет менее трудностей. Если подобными действиями нарушается право, то государство естественным образом должно положить им предел и принудить действующие лица к вознаграждению причиненного убытка. Но они, согласно определению, доказанному в предыдущем, нарушают право лишь тогда, когда отнимают у другого лица против или помимо его воли часть его свободы или имущества. Если кто-либо был обижен другим лицом, то имеет право на вознаграждение; но так как он, принадлежа к общественному союзу, передал государству свою частную месть, то и не имеет права ни на что более, как на названное вознаграждение. Обидчик поэтому только обязан возвратить обиженному отнятое, а где это невозможно, он должен вознаградить его и в этом случае быть ответственным своим имуществом и своими силами, поскольку они являются орудиями его заработков. К лишению свободы, которая, например, у нас применяется по отношению к несостоятельным должникам, можно прибегать как к второстепенному средству лишь в том случае, когда грозит опасность, что должник может уйти, причем будет утерян и его будущий заработок. Хотя государство и не должно отнимать у обиженных ни одного из законных средств добиться

вознаграждения, оно тем не менее должно также воспрепятствовать тому, чтобы кто-либо из желания мести не воспользовался этим предложением против обидчика. Государство должно поступать так тем более, что вне общественного состояния месть явилась бы противодействием обиженному, если бы он переступил границы права; здесь же, напротив, его должна поразить непреодолимая власть государства — и потому еще, что общие определения, которые всегда нужны там, где третье лицо является судьей, скорее благоприятствуют подобным предложениям. Заключение должников в тюрьму, например, требовало бы поэтому еще более исключений, нежели допускается большинством законов.

Действия, предпринимаемые по взаимному соглашению, вполне тождественны с теми, которые человек совершает сам по себе без непосредственного отношения к другим лицам, и я относительно первых мог бы только повторить то же самое, что говорил в предыдущем о последних. Однако существует разряд подобных действий, требующий совершенно особенных определений, тот именно, где действия оканчиваются не тотчас и сразу, но простираются и на будущность. К этому разряду относятся все изъявления воли, из которых вытекают полные обязательства для тех, кто изъявил эту волю, будь это изъявления односторонние или взаимные. Подобные изъявления воли передают часть имущества одного лица другому, и безопасность нарушается, когда передающий не исполняет своего обещания и пытается снова возвратить себе переданное. Поэтому одна из важнейших особенностей государства состоит в том, чтобы обеспечить исполнение сделанного обещания. Однако принуждение, которое налагается всяким изъявлением воли, будет только тогда справедливым и благотворным, когда, во-первых, лишь один изъявляющий волю подвергается через это ограничениям и, во-вторых, если он действовал рассудительно и свободно в момент изъявления своей воли и вообще способен действовать таким образом. В противном случае принуждение столько же несправедливо, сколько вредно. Но с одной стороны, обсуждение будущего все-

гда возможно лишь очень несовершенным образом, а с другой – многие обязательства бывают такого рода, что накладывают на свободу путы, вредные всему развитию человека. Таким образом, возникает второе обязательство государства – отказывать в поддержке закона изъяслениям воли, противным праву, и также употреблять все средства (не нарушающие безопасность имущества), чтобы помешать людям ограничивать свою свободу действиями, совершенными в минуту необдуманности и тем иногда создать помеху всему своему развитию. В теоретических сочинениях по праву достаточно разъяснено все то, что вообще требуется для законности и действительности договора или изъяснения воли. По отношению к этому предмету мне остается упомянуть, что государство, которое, согласно вышеизложенным началам, должно заботиться лишь о поддержании одной безопасности, не имеет права делать здесь никаких исключений, кроме тех, которые делаются либо на основании общих понятий о праве, либо же оправдываются самой заботой о безопасности. В этом отношении ясными характеристическими признаками обладают лишь следующие случаи: 1) где обещающий не может представить никакого другого средства для принуждения себя к исполнению обещанного, кроме собственного унижения, до того, чтобы сделаться средством для исполнения намерений другого лица, как, например, было бы при каждом договоре, имеющем целью приведение кого-либо в рабство; 2) когда исполнение обещанного не находится во власти самого обещающего вследствие самой сущности обещанного, как, например, в вещах, касающихся чувств или веры; 3) где обещание или само по себе, или по своим последствиям либо действительно нарушает права других лиц, либо для них опасно – сюда применимы все начала, развитые по поводу действий отдельных лиц. Различие между этими случаями, однако, таково, что в первом и втором государство должно просто отказать в принудительной поддержке законов, но в то же время не должно препятствовать ни изъяслениям воли подобного рода, ни их приведению в действие, так как

это совершается только по взаимному соглашению; между тем как в последнем из вышеприведенных случаев оно может и должно запретить и уже простое изъявление воли.

Но предположим, что законность договора или изъявления воли неоспоримы. И здесь ввиду облегчения принуждения, на которое люди соглашаются по свободному выбору, государство может, уменьшая затруднения, встречающиеся при уничтожении договора, помешать тому, чтобы решение, однажды принятое, стеснило свободную волю на слишком долгий срок. Там, где договор имеет целью простую передачу вещественных предметов, без дальнейшего личного отношения, там я не считаю возможным посоветовать подобное распоряжение, потому что последнего рода договоры редко ведут к продолжительным отношениям между договаривающимися сторонами; далее всякие ограничения служат здесь вредной помехой при ведении дел; и наконец, во многих отношениях, и преимущественно для развития рассудка и силы характера, хорошо, если раз данное слово связывает людей ненарушимым образом, никогда не должно облегчать подобного принуждения без истинной необходимости, которая не встречается при передаче вещественных предметов, где то или другое проявление человеческой деятельности хотя и может быть затруднено, но самая энергия не бывает ослаблена.

При договорах, напротив, где речь идет о личных обязательствах, или при таких, которые имеют последствием чисто личные отношения, дело обстоит иначе. Принуждение при них вредно для наиболее благородных сил человека; но так как удачное производство самих дел, которые при помощи этих договоров имеются в виду, зависит всегда более или менее от продолжающегося согласия договорившихся сторон, то при них ограничение подобного рода менее вредно. Но там, где вследствие договора возникает такое личное отношение, которое требует исполнения не только отдельных действий, но в точнейшем смысле касается личности и всего ее образа жизни, где то, что делается, или то, в чем отказывают себе, находится в теснейшем соотношении с вну-

тренними ощущениями, там уничтожение договора должно быть разрешено во всякое время и без приведения каких бы то ни было оснований. Так при браке. И там, где отношение хотя и менее близко, но где в то же время личная свобода столько же стесняется, там, по моему мнению, государство должно было бы назначить срок, и в течение этого срока ни одна из сторон не могла бы в отдельности отступить, но в то же время с окончанием его договор не мог бы без возобновления повлечь за собой какого бы то ни было понуждения, даже в том случае, если бы стороны при совершении договора и отказались от пользования этим правом. Ибо хотя с первого взгляда и может показаться, что подобное постановление представляет простое благодеяние со стороны закона и не должно бы было, как вообще никакое другое благодеяние, быть кому либо навязываемо, но не следует забывать, что названное постановление ни у кого не отнимает права заключать продолжительные отношения, хотя бы и на всю жизнь, а просто лишает одно лицо возможности подвергаться другому принуждению там, где принуждение служило бы помехой к достижению высших целей. И оно есть тем не менее простое благодеяние, ибо названные здесь случаи, и в особенности брак (как скоро именно свободная воля не сопровождает данного отношения сторон), только по степени отличаются от тех, где одно лицо соглашается сделаться простым орудием для достижения целей другого, или, лучше сказать, где другое лицо превращает его в подобное орудие.

Поэтому право определять тут границу между принуждением, по справедливости вытекающим из договора, и несправедливым принуждением не может быть оспариваемо у государства, т.е. у общей воли общества; тем более что решить правильно и точно, действительно ли вытекающие из договора ограничения превращают в орудие в руках другого то лицо, которое изменило свое мнение, было бы возможно только в каждом специальном случае. Наконец, нельзя также называть навязываемым благодеянием такое вмешательство закона, от которого всякий лишен права отказаться наперед.

Уже основные начала права учат нас тому (и я особенно настаивал на этом в предыдущем), что никто не может заключить относительно чего-либо законного договора или вообще изъявить свою волю, иначе как о том, что действительно представляет его собственность, будь это его деятельность или его имущество. Также достоверно, что важнейший отдел заботы государства о безопасности граждан (поскольку договоры и изъявления воли влияют на нее) состоит в том, чтобы наблюдать за неприкосновенностью высказанного нами начала. И, однако, встречаются еще целые разряды дел, к которым оно вовсе не применяется. Таковы все распоряжения на случай смерти, каким бы образом они ни совершались: прямо или косвенно, по случаю другого договора, в форме договора, в завещании или в виде какого-либо другого распоряжения, какого бы оно рода ни было. Всякое право может непосредственно относиться только к лицу. Его можно представить себе относящимся к предметам не иначе, как поскольку эти предметы посредством действий связаны с лицами. С прекращением существования лица перестает существовать и право. Человек имеет право при жизни распоряжаться принадлежащими ему предметами по своему усмотрению, полностью или частью отчуждать их сущность или пользование ими, наконец, владение ими и также наперед ограничивать свои действия или распоряжение своим имуществом, как находит это лучшим. Но он не имеет никакого права определять, как следует поступить с его имуществом после его смерти, связывая этим свободу действий других лиц; или предписывать будущему обладателю его имущества, как тот должен или не должен поступать. Я не останавливаюсь на возражениях, которые можно сделать против этих положений. В известном спорном вопросе о законности завещаний на основании естественного права достаточно подробно рассмотрены начала, говорящие за и против. Вообще юридическая точка зрения здесь менее важна, тем более что, конечно, нельзя оспаривать у всего общества права признавать за изъявлениями последней воли ту законность, которой бы им иначе недо-

ставало. Однако, во всяком случае, в том объеме, который придается им большинством наших законодательств, по системе нашего общего права, где в данном случае тонкое хитроумие римских юристов соединяется с властолюбием феодализма, ведшего к разрушению всякого общественного начала, они стесняют свободу, которой необходимо требует развитие человека, и становятся в разрез со всеми началами, развитыми во всем настоящем сочинении. И это потому, что они суть главное средство, при помощи которого одно поколение предписывает другому законы; при помощи которого злоупотребления и предрассудки (которые иначе с трудом пережили бы причины, неизбежно вызывающие их возникновение и поддерживающие их существование) передаются по наследству от столетия к столетию; при помощи которого, наконец, люди подчиняются игу вещественных предметов, вместо того чтобы сохранить право видоизменять их по своему усмотрению. Они также чаще всего отвлекают мысли человека от истинной силы и ее развития и направляют их к внешнему обладанию имуществом, так как это последнее представляет действительно единственное средство, при помощи которого даже после смерти можно принудить к послушанию воле умершего. Наконец, свобода последних распоряжений служит очень часто орудием для наименее благородных страстей человека: гордости, властолюбия, тщеславия и т.д., и вообще ею пользуются гораздо чаще менее мудрые и менее хорошие люди; мудрец будет остерегаться отдавать приказания по отношению к времени, частные обстоятельства которого ему неизвестны, а лучший человек с радостью избегнет случая ограничения чужой воли и вовсе не будет стремиться к тому, чтобы отыскивать их. Нередко даже тайна и безопасность от осуждения со стороны современников благоприятствуют распоряжениям, от которых удержало бы иначе чувство стыда. Эти основания, как мне кажется, достаточно указывают на необходимость по крайней мере оградить общество от опасности, которая угрожает свободе граждан со стороны завещательных распоряжений.

Но что же должно заступить их место, если государство вполне уничтожит право делать посмертные распоряжения, что во всяком случае требуется, если строго хотят придерживаться высказанных начал? Так как спокойствие и порядок делают невозможным, чтобы всякий желающий завладевал имуществом умершего, то, бесспорно, не остается ничего другого, как установление государством порядка наследования без завещания. Однако многие из развитых выше начал не позволяют, с другой стороны, давать в руки государству такое могущественное средство для достижения положительного влияния, какое оно получило бы при этом порядке наследства с полнейшим уничтожением изъявления воли завещателей. Часто уже замечена тесная связь законов, относящихся к порядку наследования без завещания, с политическими учреждениями государства, и это средство легко могло бы быть употреблено и для других целей. Вообще разнообразная и изменчивая воля отдельного человека предпочтительна однообразной и неизменной воле государства. Можно также вообще сказать, что в каком бы вреде ни могли бы по справедливости быть обвинены завещания, тем не менее очень жестоко было бы отнять у человека невинную радость мысли даже и после смерти благодетельствовать кого-нибудь; и если слишком большое благоприятствование завещаниям придает излишнюю важность заботе об имуществе, то полнейшее уничтожение завещательного права ведет, может быть, опять к противоположному злу. К тому же, благодаря свободе людей завещать по своей воле свое имущество, между ними возникает новая связь, которой хотя очень часто и злоупотребляют, но которой, однако, можно нередко пользоваться и весьма благотворным образом. Всю цель изложенных здесь идей можно бы довольно верно выразить так, что они стремятся разбить все путы, стесняющие общества, и в то же время создать как можно более связей, которые тесно скрепляли бы людей между собой. Изолированному человеку точно так же невозможно развиваться, как и связанному. Наконец, разница между тем, действительно ли человек в минуту смерти да-

рит свое имущество или передает его кому-либо по завещанию, весьма мала – а никто не станет отрицать, что он имеет несомненное и неотъемлемое право сделать первое.

Противоречие, в которое вводят нас основания за и против, приводимые здесь, можно разрешить, как мне кажется, взяв во внимание следующее: именно, что предсмертные распоряжения могут заключать в себе двоякого рода определения: 1) кто непосредственно должен сделаться обладателем наследства? 2) как он должен ими распоряжаться, кому в свою очередь оставить и как вообще следует с ним в будущем поступить? Все вышеупомянутые вредные последствия зависят только от последнего, а преимущества от первого. Ибо если законы (как они во всяком случае и должны делать) определением законной части обеспечили то, чтобы никакой завещатель не мог совершить настоящей несправедливости, то мне кажется, нечего ожидать особенной опасности от простого доброго желания даже и после своей смерти одарить кого-либо. Основания, на которых в известное данное время люди будут в этом случае поступать, будут приблизительно одни и те же, и большая редкость или частота завещаний укажет самому законодателю, пригодна ли еще введенная им система наследства без завещания. Не было ли бы поэтому полезно, основываясь на двойственном характере этого предмета, разделить и относящиеся к нему меры государства? С одной стороны, дозволить каждому (за исключением ограничения, касающегося законной части) определять, кто должен обладать его имуществом после его смерти. Но, с другой стороны, запретить ему каким бы то ни было образом определять, как должен распоряжаться имуществом наследник. Легко, конечно, могло бы случиться, что дозволением государства злоупотребляли бы как средством сделать и то, что им запрещено. Однако законодательство должно бы было постараться предупредить это с помощью отдельных точных и определенных постановлений. В числе подобных постановлений можно было бы предложить следующее (хотя подробное рассмотрение этого вопроса и не принадлежит сюда): что

наследнику не должно быть поставлено никакого условия, исполнение которого по смерти завещателя учреждало бы за ним право действительно получить наследство; что завещатель может назначить всегда только ближайшего владельца своего имущества, но никогда не последующего за ним, через что могла бы быть стеснена свобода предыдущего; что он, конечно, может назначать нескольких наследников, но что это должны быть наследники, назначенные прямо и непосредственно; что он может делить вещь по объему, но никогда по правам, как, например, отделять имущество от пользования его доходами и т.д. Потому что множество неудобств и ограничений свободы вытекает отсюда, как и из еще одной связанной с этим вопросом идеи, именно, что наследник представляет завещателя. Последнее, как и многое другое, впоследствии сделавшееся для нас очень важным, основывается, если я не ошибаюсь, на одной из римских формальностей, следовательно, на полных недостатках судебных учреждений еще только развивающегося народа. Но всего этого возможно избежать, если не терять из виду, что завещателю должно быть дозволено только одно, именно назначить своего наследника; и что если это совершилось законным образом, то государство должно помочь этому наследнику вступить во владение; но оно обязано отказать в своей поддержке всякому дальнейшему изъятию воли завещателя.

На тот случай, когда завещатель не назначил наследника, государство должно установить порядок унаследования без завещания (*intestat*). Однако ближайшее рассмотрение начал, которые должны лежать в его основе, так же как и в основе определения законной части, не входит в мою программу, и я могу удовольствоваться замечанием, что государство и здесь не должно иметь в виду положительных целей, как, например, поддержание блеска и благосостояния фамилий; или противоположную крайность, именно раздробление имущества через умножение владельцев; или даже помощь тем, которые наиболее нуждаются; оно должно только следовать понятиям права, которые здесь, может

быть, сводятся к понятию о совместном владении при жизни завещателя, и, таким образом, сначала должны быть взяты во внимание права семейства, затем общины и т.д.²². С вопросом о наследственности весьма тесно связан вопрос о том, насколько договоры, заключенные между живыми лицами, обязательны для наследников. Ответ должен быть основан на твердо установленном выше начале. Это же последнее гласило, что человек может при жизни по своей воле ограничивать свои действия или распоряжаться своим имуществом, что же касается времени, следующего за его смертью, то он не должен ни определять способа действия того лица, которое будет владеть его имуществом, ни делать каких бы то ни было распоряжений на этот счет; причем следует допустить только простое назначение им наследника. Поэтому все те обязательства должны переходить на наследника и быть в его пользу исполнены, которые действительно заключают в себе передачу части имущества и, следовательно, либо уменьшили, либо увеличили имущество завещателя; и напротив, ни одно из тех, которые имели отношение к действиям завещателя или только к его лицу. Но даже при этих ограничениях остается еще слишком большая возможность связать наследников при помощи договоров, заключенных при жизни. Ибо можно точно так же отчуждать права, как и часть своего имущества, подобное отчуждение должно по необходимости быть обязательно для наследников, которые не могут вступить ни в какое другое положение, кроме того, в каком был завещатель; а раздельное владение различными правами на один и тот же предмет, очевидно, всегда влечет за собой стеснительные личные отношения. Поэтому было бы полезно, если не необходимо, чтобы государство либо запретило заключение подобных договоров иначе, как пожизненно, либо по край-

---

²² В предыдущем рассуждении я привел очень многое заимствованное мною из речи Мирабо о том же предмете, и я мог бы еще больше извлечь из этой речи, если бы Мирабо не преследовал в ней политической цели, совершенно чуждой моим намерениям. См.: Collection complète des travaux de Mr. Mirabeau l'ainé à l'Assemblée nationale. Том V. P. 498-524.

ней мере облегчило средства произвести действительный раздел имущества там, где уже возникло подобное отношение. Более подробная разработка этого вопроса опять-таки не принадлежит сюда, и это тем менее, что, как мне кажется, желаемого результата можно было бы достигнуть не столько установлением общих начал, сколько отдельными законами, касающимися определенных видов договоров.

Чем менее человека принуждают действовать иначе, нежели того требует его воля или дозволяют его силы, тем более благоприятно его положение в государстве. Если я по отношению к этой истине, около которой одной, в сущности, вращаются все идеи, высказанные в этом сочинении, окидываю взглядом область нашей гражданской юриспруденции, то мне бросается в глаза рядом с другими менее значительными предметами еще один, в высшей степени важный, именно: общества, называемые в противоположность лицам физическим, лицами моральными. Так как они всегда представляют независимую от количества входящих в их состав членов единицу, которая только с незначительными изменениями продолжает существовать в течение долгого ряда лет, то от них зависят по меньшей мере все те вредные последствия, которые выше были приведены как следствия завещательных распоряжений. Хотя значительная часть их вреда зависит от условий, не necessarily связанных с их сущностью, именно от привилегий, которыми их наделяет открыто государство и втихомолку обычай и благодаря которым они часто становятся настоящими политическими корпорациями; тем не менее они сами по себе обуславливают значительное количество неудобств. Эти же последние возникают тогда, когда либо уставы общества принуждают всех сочленов против их воли к тому или другому употреблению общественных средств; либо дозволяют воле меньшинства, вследствие необходимости единогласного решения вопросов, связывать волю большинства. Впрочем, общества и союзы далеки от того, чтобы по своей сущности вызывать вредные последствия; они суть одни из наиболее верных и целесообразных средств, способствующих

щих человеческому развитию и ускоряющих его. Главное, что при этом следовало бы ожидать от государства, заключалось бы поэтому в признании каждого морального лица или в данное время сочленов, которым поэтому ничто не могло бы служить помехой решать по своей воле и по большинству голосов все вопросы, касающиеся употребления общественных сил и средств. При этом необходимо должно почитать сочленами только те лица, на которых действительно зиждется общество, но никак не те, которыми первые только пользуются как орудиями, подобное смешение нередко имело место, в особенности при определении прав духовенства.

Предыдущие рассуждения оправдывают, по моему мнению, следующие начала.

Там, где человек не просто ограничивается применением своих сил и пользованием своим имуществом, но предпринимает действия, имеющие непосредственное отношение к другим лицам, забота о безопасности налагает на государство следующие обязанности:

1. При тех действиях, которые предпринимаются без или против воли другого лица, государство должно воспрепятствовать тому, чтобы они явились помехой этому лицу в пользовании его силами или имуществом; в случае посягательства на чужое право государство должно заставить обидчика вознаградить причиненный ущерб, но помешать обиженному мстить обидчику под этим предлогом или помимо него.

2. Что касается действий, совершаемых по свободному согласию другого лица, то государство должно сдерживать их в тех именно (но не более) узких границах, которые предписаны в предыдущем для действий отдельных лиц.

3. Если в числе упомянутых действий есть такие, из которых вытекают для вступающих в договор сторон права и обязанности на будущее время (изъявления воли односторонние или обоюдные, договоры и т.п.), то государство должно ограждать вытекающее из них принудительно право во всех тех случаях, где согласие на него было дано

в состоянии надлежащей рассудительности и в виду предмета, подлежащего распоряжению соглашающегося и по свободному его решению. Напротив, оно никогда не должно поддерживать никаких договоров, где по отношению к самим действующим лицам отсутствовало бы одно из упомянутых условий или где третье лицо против или без его согласия подвергалось бы в противность праву каким-либо ограничениям.

4. Даже при законных договорах, если из них вытекают такие личные обязательства или скорее такие личные отношения, которые очень тесно ограничивают свободу, государство должно облегчать уничтожение договора, даже против воли одной из сторон, сообразно степени вреда, приносимого ограничением внутреннему развитию; возможность уничтожения договора должна быть всегда и безусловно допущена там, где исполнение обязанностей, вытекающих из данного отношения, тесно связано с внутренними ощущениями человека; там же, напротив, где хотя бы и при значительном стеснении это последнее касается не прямо внутренней сущности человека, уничтожение договора должно быть допущено по истечении известного срока, стоящего в зависимости как от важности ограничения, так и от сущности самого дела.

5. Если кто-либо ввиду своей смерти хочет распорядиться своим имуществом, то, хотя и было бы полезно дозволить назначение ближайшего наследника без прибавления какого бы то ни было условия, ограничивающего право его распоряжаться имуществом по желанию; однако в то же время было бы:

6. необходимо вполне запретить всякие дальнейшие распоряжения завещателя на этот счет; в то же время нужно было бы установить порядок завещаний без наследника (*intestat*) и назначить определенную законную часть.

7. Хотя договоры, заключенные между живыми лицами, лишь постольку обязательны для наследника и остальных договорившихся сторон, поскольку видоизменяют оставленное наследство, тем не менее, однако, государство не

только не должно позволять никакого дальнейшего распространения этого положения, но было бы вообще полезно, если бы оно либо дозволило заключать только пожизненные отдельные договоры, влекущие за собой тесное и ограничительное отношение между сторонами (как, например, разделение прав на один и тот же предмет между многими лицами), либо облегчило уничтожение договора лицу, наследующему ту или другую часть имущества. Ибо хотя здесь и являются другие основания, чем те, на которые мы опирались в предыдущем, говоря о личных отношениях, однако и согласие наследников менее свободно, и срок отношений совершенно неопределен.

Если бы мне, согласно моему намерению, вполне удалось установить высказанные мной начала, то они могли бы служить главной руководящей нитью во всех тех случаях, где гражданскому законодательству приходится заботиться о поддержании безопасности. Так, например, высказывая их, я не упоминал о моральных лицах, ибо, смотря по тому, возникают ли подобные общества вследствие предсмертных распоряжений или на основании договора, о них следует судить, соображаясь с началами, касающимися того или другого вопроса. Но самая значительность числа отдельных случаев, рассматриваемых гражданским законодательством, уже не позволяет мне льстить себя надеждой, что я удачно мог выполнить предпринятую задачу.

Забота государства о безопасности посредством юридического разрешения спорных вопросов, возникающих между гражданами

То, на чем в особенности основывается безопасность граждан в обществе, есть передача в руки государства всех самовластных правовых преследований. Из этой передачи естественным образом вытекает для государства долг обеспечить за гражданами то, чего они сами больше не имеют права добиваться, т.е. если между ними является спор по отношению к праву, то решить, на чьей оно стороне, и оказать покровительство той стороне, которая будет правой. При этом государство одно и без всякого личного интереса заступает место граждан. Безопасность в этом случае лишь тогда действительно страдает, когда тот, кто подвергается несправедливости или думает, что подвергается ей, не хочет этого терпеливо сносить; но никак не тогда, когда он либо соглашается на это, либо имеет причины не искать этого права. Даже если бы незнание или апатия были причиной пренебрежения собственным правом, то и тогда государство не должно было бы вмешиваться в дело по собственной инициативе. Оно уже достаточно исполнило свой долг, если не вызвало подобных ошибок запутанными, темными или недостаточно широко обнародованными законами. Эти же самые основания применимы ко всем средствам, которыми государство пользуется для того, чтобы решить, на чьей стороне право, там, где его действительно добиваются. Оно никогда именно не долж-

но делать здесь ни шага далее, чем этого требует воля сторон. Первое основное положение всякого судопроизводства должно бы по необходимости заключаться в том, чтобы никогда не добиваться истины по существу и абсолютно, но всегда лишь постольку, поскольку этого требует та сторона, которая вообще имеет право ее разыскивать. Между тем и здесь встречаются новые границы. Государство именно не должно принимать во внимание все требования сторон, но только те, которые могут способствовать выяснению спорного права и направлены к применению таких средств, которые человек может употреблять по отношению к человеку даже вне государственного союза, и употреблять именно тогда, когда спорно только одно право, причем одна сторона или вовсе не лишила другую чего-нибудь, или где по крайней мере такое лишение не доказано.

Вмешательство государственной власти должно ограничиться лишь тем, чтобы обеспечить применение этих средств и поддержать их действенность. Из этого вытекает различие между гражданским и уголовным судопроизводством: в первом присяга представляет крайнее средство для отыскания истины — в последнем же государство пользуется большей свободой. Так как при выяснении спорного права судья как бы стоит между обеими сторонами, то его долг заключается в том, чтобы не допустить ни одну из них, либо воспрепятствовать другой достигнуть ее цели, либо задержать ее на пути к этому. Таким образом, возникает второе равно необходимое положение: иметь под особенным надзором способ действия сторон во время судопроизводства и препятствовать тому, чтобы он удалялся от цели, вместо того чтобы приближаться к ней. Мне кажется, что точное и постоянное следование этим двум началам создало бы наилучшее судопроизводство. Когда пренебрегают последним, то дается слишком много простора ябедничеству сторон и нерадивости и своекорыстным намерениям поверенных; таким образом судебные дела становятся запутанными, продолжительными, дорогостоящими и приговор является не-

верным, несогласным как с самим предметом, так и с мнением сторон. Эти неудобства даже увеличивают частоту юридических споров и питают страсть к процессам. Если, напротив, удаляются от первого начала, то делопроизводство принимает розыскной, инквизиториаальный характер, судье отводится слишком большая власть и он начинает вмешиваться в мельчайшие частные дела граждан. Примеры обеих крайностей встречаются в действительности, и опыт подтверждает, что если последняя слишком ограничивает свободу в противность праву, то первая вредна безопасности имущества.

Судье для выяснения и открытия истины нужны признаки ее или доказательства. Поэтому новая точка зрения для законодательства вытекает из рассуждения, что право достигает действительно законности не иначе, как если оно, в случае спора, может быть на суде доказано. Отсюда вытекает необходимость новых ограничительных законов, таких именно, которые устанавливают, что заключающимся сделкам должны быть придаваемы такие признаки, по которым в будущем их действительность или законность могут быть признаны. Необходимость законов подобного рода уменьшается всегда в той степени, в которой возрастает совершенство судебной организации; но всего необходимее эти законы там, где эта организация наиболее недостаточна и поэтому нуждается в наибольшем числе внешних признаков для доказательства. Поэтому самое значительное число формальностей встречается у народов с самой низкой культурой. У римлян при обратном требовании поля необходимо было сначала присутствие сторон на самом поле, потом представление на суд комка земли с этого поля и произнесения определенных формулировок; наконец, дело обходится даже и без этих последних. Следовательно, везде, в особенности же у менее культурных народов, юридическая организация имела очень важное влияние на законодательство, и влияние это часто не ограничивается лишь одними формальностями. Я напому здесь, вместо примера, о древнеримской теории соглашений и договоров, которая весьма мало разъяснена и которую труд-

но рассматривать с другой точки зрения, помимо указанной мною. Изучать это влияние на законодательство в различные века и у различных народов было бы полезно не только вследствие многих других причин, но в особенности ввиду того, чтобы определить, какие из этих законов вообще необходимы и какие могли бы основываться лишь на одних местных условиях. Ибо едва ли было бы полезно уничтожить все ограничения подобного рода, допуская даже возможность этого. Если обманы, подлоги, составление фальшивых документов и т.д. недостаточно затруднены, то процессы умножаются; но это может показаться недостаточным злом; поэтому я укажу на то, что случаи нарушать спокойствие других посредством ненужных споров становятся слишком часты. Но именно ябедничество, выражающееся в тяжбах (не говоря уже о вреде, который оно приносит имуществу, о трате времени, о нарушении душевного спокойствия граждан), имеет самое вредное влияние на характер, и вред этот не вознаграждается никакими полезными последствиями.

Со своей стороны вред от формальностей состоит в затруднении дел и в ограничении свободы, которое во всяком отношении вредно. Закон поэтому должен и здесь избрать средний путь — никогда не устанавливать формальностей иначе, как ввиду обеспечения законности дел, предотвращения обманов или облегчения доказательств; и даже в этих случаях требовать их лишь там, где они необходимы, вследствие частных обстоятельств, где без них названные обманы были бы слишком легки, а доказательства слишком затруднены; предписывать лишь такие правила, исполнение которых не связано со слишком большими затруднениями; и отказаться от них во всех тех случаях, в которых благодаря им ведение дел не только затрудняется, но становится и вполне невозможным.

Принимая должным образом во внимание как безопасность, так и свободу, мы приходим, как мне кажется, к следующему положению:

1. Одна из главных обязанностей государства состоит в исследовании и разрешении юридических споров между

гражданами. Государство при этом становится на место сторон, и настоящая цель его вмешательства заключается лишь в том, чтобы, с одной стороны, оградить от несправедливых требований, с другой – дать справедливым ту силу, которую они получили бы от действий самих граждан только таким образом, который не нарушил бы общественное спокойствие. Оно должно поэтому во время исследования спорного права следовать воле сторон лишь постольку, поскольку она основывается на праве; но воспрепятствовать каждой из них пользоваться против другой противозаконными средствами.

2. Решение спорного права судьей может иметь место лишь на основании определенных, законом установленных признаков истины. Отсюда вытекает необходимость нового рода законов, тех именно, которые предписывают придавать юридическим актам известные определенные характеристические признаки. При установлении этих последних законодатель должен всегда руководствоваться лишь тем, чтобы надлежащим образом обеспечить подлинность юридических актов и не слишком затруднить доказательства в процессе; далее, он должен всегда избегать противоположной крайности, т.е. слишком большого затруднения дел, и, наконец, никогда не делать таких предписаний, которые могли бы совершенно прекратить ход дела.

Забота государства о безопасности посредством наказания за нарушение установленных государством законов (уголовные законы)

Последнее и, может быть, важнейшее средство заботы о безопасности граждан состоит в наказании за нарушение законов страны. Я поэтому должен еще применить и к этому предмету развитие выше начала. Первый вопрос, возникающий здесь, состоит в следующем: за какие действия может государство налагать наказания и какие действия может почитать преступлениями? На основании предыдущего ответ не труден. Так как государство не должно иметь в виду ничего другого, помимо безопасности граждан, то оно не имеет права ограничивать никаких других действий, кроме тех, которые вредят ей. Все подобные действия заслуживают соразмерных им наказаний. Они служат помехой тому, что наиболее необходимо человеку для пользования своими силами и для развития их; вред, приносимый ими, настолько важен, что с ними следует бороться при помощи самых целесообразных и дозволенных средств; и затем согласно первым и основным началам права каждый должен согласиться на то, чтобы наказание ограничивало круг его прав, насколько его преступление посягнуло на чужое право. Напротив, наказывать действия, относящиеся только к действующему лицу или совершающиеся с согласия того, которого касаются, запрещается именно теми основными положениями, которые не позволяют даже ограничивать эти действия; и поэтому ни одно из так называемых пре-

ступлений против нравственности (за исключением насилия) не должны бы были наказываться, даже если бы вызывали соблазн; попытки самоубийства и самое лишение другого жизни с его согласия должны бы были оставаться безнаказанными, если бы в этом последнем случае слишком большая возможность опасных злоупотреблений не вызвала бы необходимости в карательном законе. Помимо тех законов, которые воспрепятствуют непосредственному посягательству на чужое право, есть еще другие, о которых уже частью говорено в предыдущем и частью еще будет упомянуто. Эти законы ведут не прямо, а только косвенно к общей конечной цели, к которой государство должно, по нашему мнению, стремиться; их нарушение может также подлежать наказанию со стороны государства, если нарушение это уже само по себе не вызвало наказания, так, например, нарушение запрета составлять фидеикомиссы ведет за собой недействительность самого распоряжения. Это тем более необходимо, что иначе здесь совершенно отсутствовало бы принудительное право, обеспечивающее послушание закону.

Я перехожу от объекта кары к самой каре. Предписать меру кары хотя бы и в весьма широких границах, только определить, какую степень оно никогда не должно превзойти, я считаю невозможным в общем рассуждении, не относящемся ни к каким частным обстоятельствам. Наказание должно быть бедствием, устрашающим преступника. Но степени, как и различия физического и нравственного чувства, бесконечно различны и изменчивы сообразно странам и столетиям; поэтому то, что в одном случае по справедливости называется жестокостью, того в другом случае может требовать сама необходимость. Только одно достоверно, что кара становится тем совершеннее при равной действительности, чем делается мягче; не только потому, что мягкие наказания уже сами по себе представляют меньшее зло, но и потому, что они наиболее достойным образом удерживают человека от преступления. Чем наказания менее болезненны и страшны физически, тем они больше нравственнее, и, напротив, более сильное телесное страдание

уменьшает у самого страдающего чувство стыда, а у зрителя чувство неодобрения к преступнику, поэтому мягкие наказания и могут в действительности прилагаться с пользой гораздо чаще, чем это могло бы с первого раза показаться, так как, с другой стороны, порождают дополнительный нравственный противовес. Вообще действительность наказаний вполне зависит от впечатления, которое они производят на душу преступника, и почти утвердительно можно было бы сказать относительно ряда наказаний, распределенных надлежащим образом по степеням, что все равно, которую из этих степеней назвать высшей, так как действие кары зависит не столько от ее абсолютной сущности, сколько от места, которое она вообще занимает в постепенном ряду наказаний. Прибавлю еще, что за высшее наказание без труда принимается то, которое государство признало таковым. Я говорю, что это можно сказать «почти» утвердительно, потому что вполне верно оно было бы лишь в том случае, если бы государственные наказания были бы единственным злом, угрожающим гражданину. Но это не так; напротив, часто реальное зло именно служит человеку поводом к преступлению; поэтому размер высшего наказания и, следовательно, наказаний вообще, которые должны противодействовать этому злу, должен быть определен, принимая его во внимание. Но гражданин, который будет пользоваться той широкой свободой, какую стараются обеспечить за ним положения, высказанные здесь, будет и более обеспечен; душевное настроение его будет веселее, воображение утонченнее и наказание, не теряя своей действительности, может быть менее строгим. Все то, что прекрасно и что дает человеку счастье, находится одно с другим в чудной гармонической связи, и поэтому достаточно вызвать одно, чтобы за этим последовало все остальное со всеми своими благотворными последствиями. По отношению к данному вопросу общему определению поддается, как мне кажется, одно именно, что высшее наказание, согласно частным условиям, должно по возможности быть наиболее мягким.

Только один разряд наказаний, по моему мнению, должен бы был быть вполне уничтожен – это бесчестие по суду. Честь человека, хорошее мнение о нем его сограждан находятся вне пределов государственной власти. Поэтому названное наказание сводится лишь к тому, что государство может лишить преступника знаков своего уважения, отнять у него свое доверие и позволить другим также делать это безнаказанно. Как ни мало можно отказать государству в праве пользоваться этим средством там, где оно найдет это необходимым, причем самый долг государства может потребовать этого, тем не менее не считаю полезным обнаружение того, то государство вообще хочет пользоваться этим правом. Подобное наказание прежде всего предполагает известную последовательность в преступных деяниях наказуемого, что в действительности и на опыте встречается лишь весьма редко. Далее, оно даже при наименее жесткой форме, в том даже случае, если будет просто выражением справедливого недоверия государства, всегда слишком неопределенно, чтобы само по себе не дать простору многим злоупотреблениям, причем оно часто уже ради последовательности основным положениям подразумевает больше случаев, нежели того требовало бы само дело. Ибо категории доверия, которое можно питать к человеку, так бесконечно разнообразны, смотря по различным обстоятельствам, что я едва ли в числе всех возможных преступлений знаю хотя бы одно, которое сделало бы преступника сразу недостойным всякого доверия. Но к подобному полному лишению доверия всегда ведет слишком общее выражение, и человек, относительно которого иначе только при случае вспоминали бы, что он нарушил тот или иной закон, носит теперь с собой всюду клеймо своей недостойности. Но как тяжело это наказание, подсказывает нечуждое ни одному человеку чувство сознания, что без людского доверия самая жизнь перестает быть желательной. Многие затруднения встречаются далее при ближайшем применении этого наказания. Недоверие к честности должно, в сущности, последовать там, где выказался недостаток честности. Уже из этого

видно, как велико должно быть число случаев, на которые распространяется это наказание. Не менее велико затруднение при вопросе, каков должен быть срок наказания. Бесспорно, всякий благомыслящий человек захочет распространить его только на известное время. Но разве судья в состоянии сделать так, чтобы тот, кто в течение известного времени был лишен доверия своих сограждан, сразу опять приобрел бы его по прошествии дня?

Наконец, с высказанными во всем этом сочинении положениями несогласно, чтобы государство стремилось каким бы то ни было образом придать мнению граждан известное направление. По моему мнению, было бы лучше, если бы государство оставалось в пределах своего долга, а именно: ограждать граждан от подозрительных лиц; поэтому везде, где это может быть необходимо, например при замещении должностей, при определении законом свидетелей или правоспособности лиц, желающих быть опекунами и т.д., оно должно было бы постановить с помощью определенных законов, что тот, кто совершил то или иное преступление, вынес то или иное наказание, должен быть лишен названных выше прав; в то же время государство должно быть лишено общего выражения недоверия или даже объявления лишения чести. Тогда было бы очень легко определить срок, по прошествии которого подобное лишение прав перестало бы существовать. Нечего и упоминать о том, что государству всегда оставалось бы дозволенным действовать на чувство чести с помощью бесчестящих наказаний. Точно так же нечего повторять, что нельзя допустить ни одного наказания, которое простиралось бы помимо преступника на его детей и родных. Справедливость и законность одинаково сильно восстают против них; и даже осторожность, с которой относительно подобного наказания выражается прекрасный во всех остальных отношениях прусский свод законов, не может уменьшить жестокости, лежащей в основе самого предмета²³. Если абсолютный размер наказаний не допускает об-

---

²³ Часть 2, гл. 20, параграф 95.

щего определения, то оно, напротив, тем необходимее при относительном. Именно: должно точно установить, в чем заключается сущность, на основании которой определяется степень наказаний, назначаемых за различные преступления. Согласно выше развитым началам мне кажется, что это не может быть не что иное, кроме степени неуважения чужого права в преступлении, степени, которая (так как здесь говорится не о применении карательного закона к отдельному преступнику, но об общем определении наказаний вообще) должна быть обсуждена на основании сущности права, нарушаемого преступлением. Самое естественное определение должно бы было основываться на том, легко или трудно воспрепятствовать преступлению; так что величина наказания должна бы была соразмеряться с количеством причин, служивших поводом к преступлению или удержавших от него. Однако если верно понять это положение, то оно окажется тождественным с установленным выше. Ибо в хорошо устроенном государстве, где к преступлению не ведут обстоятельства, зависящие от самого государственного устройства, не может быть никакого другого существенного повода к преступлениям, помимо именно того неуважения к чужому праву, в котором только проявляются ведущие к преступлению стремления, наклонности, страсти и т.д. Если же понимают это положение иначе, если думают, что преступления должны быть противопоставлены наказания всегда в той мере, в какой условия места или времени увеличивают их частоту, или, разбирая их сущность (как это имеет место при столь многих преступлениях против полицейских законов) соразмеряют названные наказания с тем, насколько нравственные начала менее усиленно противятся упомянутым преступлениям, то подобное мерило одновременно несправедливо и вредно. Оно несправедливо потому, что хотя и справедливо принимать за главную цель всяких наказаний воспрепятствование тому, чтобы оскорбление чужого права повторилось в будущем, так как никакое наказание не должно быть налагаемо с иной целью, однако в то же время нужно признать, что обязанность

осужденного вынести наказание вытекает, в сущности, из того, что всякий должен согласиться на то, чтобы его права попирались другим настолько же, насколько он сам нарушил права этого другого. На этом основывается названная обязанность не только вне государственного союза, но и в нем. Заставить проистекать эту обязанность из взаимного договора не только бесполезно, но и влечет за собой затруднения. В этом случае, например, смертная казнь, иногда и при известных частных обстоятельствах очевидно необходимая, с трудом может быть оправдана, и каждый преступник мог бы освободиться от этого наказания, если бы отказался от общественного договора. Согласно этому, в древних республиках существовало изгнание по своей свободной воле; допускалось оно, однако, если меня не обманывает память, только при государственных преступлениях, но не при преступлениях против частных лиц. Поэтому обидчику не может быть самому дозволено судить о действительности наказания; и как бы ни было достоверно, что обиженному нечего опасаться от него вторичной обиды, тем не менее преступник обязан признать законность наказания. Но с другой стороны, из этого же именно положения следует, что он может законно противиться всякому наказанию, превышающему его преступление количественно, как бы ни было достоверно, что только это наказание и никакое иное менее мягкое не было бы вполне в данном случае действительно. Между внутренним чувством правоты и пользованием внешним счастьем существует, по крайней мере в уме человека, неоспоримая связь, и нельзя отрицать, что он в силу первого считает себя имеющим право на последнее. Основательно ли подобное ожидание по отношению к счастью, которое дает или в котором отказывает человеку судьба (еще более сомнительный вопрос), не может быть здесь рассмотрено. Однако по отношению к тому, что другие люди могут ему дать или отнять у него по своей воле, мы по необходимости должны признать за ним право на ожидание, между тем как названное выше начало, по-видимому, отрицает его по крайней мере на деле. Но далее рассматриваемое

нами мерило вредно даже для самой безопасности. Хотя оно, может быть, и обеспечит послушание тому или другому отдельному закону, но в то же время подорвет то, что представляет самую твердую опору безопасности граждан в государстве, именно нравственное чувство, ибо вызовет несоответствие между тем, как поступают с преступником, и собственным его чувством виновности. Выработать уважение к чужому праву – вот единственно верное и безошибочное средство предупредить преступления, но этого нельзя достигнуть, пока каждый посягнувший на чужое право не будет ограничен в пользовании своим собственным правом, а именно как раз только в той же самой мере, в какой сам посягнул; неравенство меры всегда будет вредно, в чем бы оно ни состояло – в излишке или недостатке. Ибо только подобное равенство сохраняет гармонию между внутренним нравственным решением человека и преуспеванием распоряжения государства, без чего самое искусное законодательство никогда не достигнет своей цели. Но сколько бы пострадало достижение остальных целей человека при следовании упомянутому выше мерилу, насколько это следование противоречило бы всем началам, высказанным в этом сочинении, это не нуждается в дальнейшем развитии. Соразмерность между преступлением и наказанием, которой требуют вышеизложенные идеи, опять-таки не может быть абсолютно определена; невозможно в общем решить, что то или другое преступление заслуживает именно такого-то или такого наказания. Только при ряде преступлений, различных по своей степени, может быть предписано наблюдение этой соразмерности: при наказаниях, назначенных за эти преступления, должна наблюдаться такая же постепенность. Если по предыдущему определению абсолютной меры наказания, например высшей степени наказания, должно основываться на степени чувствительности кары, необходимой для того, чтобы удержать в будущем преступника от преступления, то относительная мера остальных наказаний (если названное или вообще какое-нибудь наказание уже было определено) должна согласоваться со степе-

нию, в которой наказуемое преступление больше или меньше того, которое должно быть предупреждено другим раньше назначенным наказанием. Строжайшие наказания должны бы были карать те преступления, которые действительно посягают на чужое право; более мягкие – нарушения тех законов, которые назначены только для того, чтобы помешать подобному посягательству, как бы важны и необходимы ни были эти законы сами по себе. Благодаря этому предупреждается у граждан возникновение мысли, что государство поступает с ними произвольно и что поступки его недостаточно мотивированы – предубеждение, весьма легко возникающее там, где строгие наказания назначаются за поступки либо действительно имеющие лишь отдаленное влияние на безопасность, либо за такие, связь которых с этой последней нелегко усматривается. Между тем из преступлений против чужого права всего строже должны бы были наказываться те, которые непосредственно и прямо посягают на право самого государства; так как тот, кто не уважает прав государства, не в состоянии уважать и прав своих сограждан, безопасность которых зависит лишь от неприкосновенности первых.

Когда, таким образом, преступления и наказания в общем определены законом, данные уголовные законы должны быть прилагаемы к отдельным преступлениям. При этом уже основные положения права сами собой указывают, что преступника следует карать лишь по степени вины или преднамеренности, с которой он совершал преступление. Если же должно строго следовать установленному выше началу, именно, что всегда должно наказываться неуважение к чужому праву, и только оно, – то им нельзя пренебрегать и при наказании отдельных преступлений. При каждом преступлении судья поэтому должен стараться с возможной точностью проникнуть в намерение преступника; в то же время закон должен дать ему еще и возможность видоизменить общее наказание сообразно степени, в которой преступник пренебрег правом, на которое посягнул.

Отношение к преступнику в течение исследования определяется как общими положениями права, так всем вышесказанным. Именно судья должен применять все законные средства, необходимые для открытия истины и, напротив, не должен позволять себе употребления ни одного из тех, которые лежат вне границ права. Он поэтому прежде всего должен тщательно отличать просто заподозренного гражданина от изобличенного преступника и никогда не поступать с первым, как с последним; и вообще никогда не лишать даже изобличенного преступника пользования его человеческими и гражданскими правами, так как он может потерять первые лишь с жизнью, а последние только вследствие законного по суду исключения из государственного союза. Применение средств, основанных на настоящем обмане, должно бы было столь же строго воспрещаться, как и пытка. Хотя эти средства можно, по-видимому, извинить тем, что заподозренный или, во всяком случае, действительный преступник сам своими поступками дает на это право, однако они тем не менее никогда не приличествуют достоинству государства, представителем которого является судья; какие благодетельные последствия имело бы на характер нации открытое и прямое обращение даже с преступниками, ясно не только само по себе, но также из опыта тех государств, которые, подобно, например, Англии, обладают в этом отношении благородным законодательством.

По поводу уголовного права я должен еще попытаться рассмотреть один вопрос, сделавшийся важным в особенности вследствие усиленной разработки его новейшими законодательствами; вопрос о том именно, имеет ли государство право или обязано ли оно предупреждать преступления еще до их совершения. Подобное предприятие руководится столь человеколюбивыми намерениями, что уважение, которое оно внушает всякому человеку с душой, грозит беспристрастия исследования. И несмотря на это, я не отрицаю, что считаю подобное исследование в высшей степени необходимым; ибо если взвесить бесконечное разнообразие душевных настроений, вследствие которых может возник-

нуть намерение совершить преступление, то мне кажется не только невозможным помешать возникновению этого намерения, но даже опасным для свободы просто предупреждения его исполнения. Так как я в предыдущем пытался определить право государства ограничивать действия отдельных лиц, то могло бы показаться, что я этим самым уже ответил и на настоящий вопрос. Однако когда я там установил, что государство должно ограничивать те действия, последствия которых легко могут сделаться опасными для прав других лиц, то я понимал под этим (что доказывается без труда основаниями, которыми я старался подтвердить свое предложение) такие последствия, которые вытекают только из данного действия и могли бы быть избегнуты лишь при большей осторожности действующего лица. Когда же, напротив, говорится о предотвращении преступления, то речь естественным образом идет об ограничении таких действий, из которых легко проистекает второе действие, именно совершение преступления. Важное различие поэтому заключается в этом случае уже в том, что душа действующего лица должна здесь содействовать активно, при помощи нового решения, между тем как во втором случае она либо не имела никакого влияния, либо имела влияние только отрицательное, именно поддерживалась от деятельности. Этого, я надеюсь, будет достаточно для того, чтобы ясно разграничить рассматриваемые нами разряды действий. Всякое предупреждение преступлений должно поэтому брать исходной точкой причины преступлений. Выражаясь общей формулой, можно бы свести все эти столь многочисленные причины к недостаточно сдерживаемому разумом чувству несоответствия между наклонностями действующего лица и количеством законных средств к их удовлетворению, находящихся в его власти. Рассматривая это несоответствие с общей точки зрения, можно встретить два отдельных случая (хотя определение их в частности и представило бы много затруднений): первое, когда несоответствие вытекает действительно из чрезмерного числа или развития наклонностей, и далее, когда оно зависит от недо-

статка средств к удовлетворению наклонностей, не превышающих обыкновенную меру. В обоих случаях должен помимо этого существовать недостаток умственной силы и нравственного чувства, которые иначе помешали бы названному чувству несоответствия выразиться в противозаконных действиях. Всякое старание государства предупредить преступления уничтожением их причин в самом преступнике будет поэтому на основании различия обоих упомянутых случаев направлено либо к изменению и улучшению таких положений граждан, которые легко могли бы вынудить их к преступлениям, либо к ограничению таких наклонностей, которые обыкновенно ведут к нарушению законов, либо, наконец, к тому, чтобы придать началам разума и нравственному чувству более действительную силу. Наконец, кроме данного пути для предупреждения преступлений есть еще другой, именно: уменьшать помощью законоположений число случаев, которые облегчают действительное приведение преступлений в исполнение или даже способствуют возникновению противозаконных наклонностей. Ни один из этих различных способов не должен быть исключен из настоящего исследования.

Первый из них, направленный единственно к улучшению положений, вынуждающих к преступлению, связан, по-видимому, с наименьшим вредом. Нельзя не признать, что в сущности прекрасно, когда увеличивается богатство средств, способствующих развитию силы и наслаждению достигнутыми ею результатами; свободная деятельность человека в этом случае не ограничивается непосредственно; и хотя, несомненно, и здесь должны быть признаны все последствия деятельной заботы государства о физическом благе граждан, на которые я указывал в начале этого сочинения, однако они здесь гораздо менее заметны, так как подобная забота распространяется в данном случае лишь на небольшое число лиц. Однако эти последствия в действительности существуют и здесь, именно: борьба внутреннего нравственного чувства с внешним положением уничтожается, а с нею и благотворное влияние, оказываемое ею на

развитие твердости характера действующего лица и на взаимное благоволение граждан, которое поддерживается зависимостью их друг от друга; далее, именно то, что забота эта должна касаться только отдельных лиц, делает вмешательство государства в индивидуальное положение граждан необходимым; все это несомненно представляет вред, который может быть не принят во внимание лишь вследствие убеждения, что в отсутствие подобных мероприятий могла бы пострадать безопасность государства. Но именно в этой необходимости можно, как мне кажется, с полным правом сомневаться. В государстве, не ставящем гражданина в такие насильственные положения, а напротив, обеспечивающем за ним ту степень свободы, на которую указывало настоящее сочинение, едва ли вообще возможно, чтобы такие насильственные положения возникали и не находили исцеления благодаря добровольной помощи самих граждан без вмешательства государства; иначе причина должна бы была заключаться в поведении самого человека. Но в последнем случае, однако, прямо вредно, если государство, вмешиваясь, нарушает ряд последствий, естественным образом вытекающих из поступков этого человека. Но названные положения встречаются вообще так редко, что вовсе нет необходимости во вмешательстве государства, тем более что преимущества этого вмешательства всегда перевешиваются вредом, который после всего вышесказанного нет более необходимости рассматривать в частностях.

Совершенно иным характером отличаются основания «за» и «против» второго способа предупреждать преступления, того способа, при котором государство стремится влиять на наклонности и страсти самих людей. С одной стороны, необходимость государственного вмешательства кажется большей, так как, будучи менее стеснены, наслаждения доходят до излишка и жажда их постоянно растет, между тем как всегда несомненно возрастающее с большей свободой уважение к чужому праву перестает оказывать достаточное влияние. С другой стороны, однако, вред увеличивается именно в той мере, в какой нравственная природа

человека чувствует стеснения сильнее, нежели природа физическая. Я пытался выше развить основания, доказывающие, что старание государства улучшить нравы граждан не только не необходимо, но даже вредно. Они-то именно применимы и здесь во всей своей полноте, с той только разницей, что государство стремится здесь не видоизменять нравы вообще, но хочет действовать лишь на поведение отдельных лиц, грозящее подорвать послушание законам. Но именно вследствие этого различия и растет сумма вреда. Это старание, действуя не вообще, а только в частных случаях, менее достигает своей цели, так что односторонняя польза, которую оно имеет в виду, далеко не окупает приносимый им вред; и далее, оно предполагает не только заботу государства о частных действиях отдельных граждан, но и власть, могущую влиять на эти действия; власть же эта становится еще опаснее благодаря лицам, которым она вручается. В последнем случае именно либо собственно для этого назначенным лицам, либо уже имеющимся слугам государства должно быть поручено наблюдение за поведением и вытекающим отсюда положением либо всех граждан, либо тех из них, которые им подчинены. Этим создается новое господство, которое тяжелее всякого другого, и далее дается простор нескромному любопытству, односторонней нетерпимости и даже лицемерию и притворству. Пусть меня не обвиняют в том, что я здесь выставляю только злоупотребления. Злоупотребления здесь неразрывно связаны с самим делом, и я решаюсь утверждать, что даже если бы законы были наилучшими и наичеловечнейшими, если бы они дозволили наблюдателям осведомляться о поведении граждан лишь законными путями и давали бы им право влиять на них только при помощи советов и увещаний, свободных от всякого принуждения, и если бы этим законам даже строго следовали, то тем не менее подобное учреждение было бы в одно и то же время и бесполезно и вредно. Каждый гражданин должен иметь возможность действовать без помехи, пока он не нарушает закона: каждый должен иметь право утверждать в противовес мнению другого и даже против

всякой вероятности (по мнению третьего лица): «как я ни приближаюсь к опасности нарушить законы, я тем не менее не сделаю этого». Если его лишают этой свободы, то право его нарушено и принесен вред выработке его способностей, развитию его индивидуальности. Видоизменения, в которых может выражаться нравственность и законность, бесконечно различны и разнообразны; и если третье лицо решает, что такое то или иное поведение должно привести к противозаконным действиям, то оно делает это на основании своего собственного взгляда, который, как бы ни был он справедлив, тем не менее представляет лишь единичный взгляд. Но допустим даже, что он не ошибается, что последствия оправдывают его мнение и что другое лицо, принужденно повинаясь ему или следуя его совету без внутреннего убеждения, и на этот раз не нарушает закона, который иначе нарушило бы, допуская даже это, спрашивается: не лучше ли для самого нарушителя хоть однажды почувствовать тяжесть наказания и воспользоваться чистым поучением опыта, чем избежать вреда для себя в одном отдельном случае и остаться при прежних ложных воззрениях и неразвитом нравственном чувстве. И для общества лучше, когда одно лишнее нарушение закона поколеблет его спокойствие, причем последующее наказание послужит ему в поучение и в предостережение, нежели когда спокойствие хотя и не нарушается, но то, на чем зиждется вообще спокойствие и безопасность граждан, т.е. уважение к чужому праву, не только в сущности не увеличилось, но и дальше не поощряется и не увеличивается. Но и вообще подобное мероприятие с трудом достигнет упомянутого влияния. Как все средства, не прямо направленные на внутренний источник всяких действий, оно даст лишь другое направление наклонностям, имеющим противозаконные стремления, и порождает вдвойне вредную скрытность. При всем сказанном я исхожу из предположения, что лица, назначенные для дела, о котором здесь идет речь, не создают в людях убеждений, но действуют на них только при помощи внешних побудительных средств. Может казаться, что я не имею права делать подоб-

ного предположения. Что полезно влиять длительным примером и убеждающим советом на своих сограждан и их нравственность — это слишком ясно, и повторять это нет нужды. Предшествующее рассуждение поэтому не может быть направлено ни против одного из тех случаев, где вышеназванное мероприятие вызовет подобные последствия. Но мне кажется, что юридическое предписание есть средство, которое не только не может тут быть помощью, а, напротив, способно только противодействовать. Прежде всего дело закона состоит не в том, чтобы рекомендовать добродетель, а в том только, чтобы предписывать обязанности, исполнить которые граждан можно принудить, добродетель же, которой человек с радостью отдается только по свободной воле, не может не пострадать, будучи предписана законом. Далее, каждая просьба закона и каждый совет, который в силу его дается начальством, есть приказ, которому люди по теории хотя и не обязаны повиноваться, но в действительности всегда повинуются. Наконец, сюда нужно прибавить еще множество обстоятельств, которые могут заставить человека последовать подобному совету, и множество наклонностей, которые могут побудить его к этому даже совершенно против его убеждения. Таково обыкновенно бывает влияние, которое государство имеет на лиц, занимающихся ведением его дел, и то, которым оно в то же время стремится действовать и на остальных граждан. Так как названные лица связаны с ним особыми договорами, то, конечно, неоспоримо, что оно имеет по отношению к ним больше прав, нежели по отношению к остальным гражданам. Однако если оно остается верным основным положениям высшей, согласной с законами свободы, то не будет пытаться требовать от них больше, чем исполнения гражданского долга вообще и тех обязанностей в особенности, которые необходимо вытекают из их должности. Очевидно, что стремление положительно влиять на граждан вообще становится чрезмерным, когда государство требует от слуг своих, вследствие особенности их положения, чего-либо такого, чего оно не вправе требовать от граждан. Нет нужды,

чтобы государство действовало здесь активно – человеческие страсти сами по себе увлекают людей по тому же направлению, и предупреждения проистекающего отсюда естественным образом вреда будет достаточно, чтобы потребовать применения к делу всей прозорливости и энергии государства.

Ближайший повод предотвращать преступления подавлением причин их, лежащих в людском характере, государство имеет там, где действительное преступление против закона возбуждает справедливую заботу относительно будущего. Поэтому-то наиболее мыслящие из новейших законодателей пытались сделать наказания в то же время и средствами для исправления. Очевидно, конечно, что наказание должно быть освобождено от всего того, что могло бы вредить каким бы то ни было образом нравственности преступников и что в то же время наказуемый не должен быть лишен ни одного из средств, которые помогли бы его мышлению приобрести правильный ход или возвысили его чувство, конечно, при условии, чтобы эти средства не противоречили главной цели наказания. Однако никто не имеет права навязывать поучение и преступнику; уже вследствие самого принуждения поучение вообще теряет свою пользу и действенность, и далее, такое принуждение противоречит самим правам преступника, которого никогда нельзя обязать ни к чему более, как к тому, чтобы он вытерпел законное наказание.

Вполне частный случай представляется там, где против обвиняемого слишком много показаний для того, чтобы не возбудить в отношении его сильного подозрения, но недостаточно для того, чтобы обвинить его (*absolutio ab instantia*²⁴). Предоставить ему полную свободу безукоризненных граждан нельзя ввиду заботы о безопасности, и продолжительный надзор за его будущим поведением поэтому, конечно, необходим. Между тем те же основания, которые отме-

---

²⁴ Оставление подсудимого в подозрении (*лат.*) [Освобождение от суда по недостатку улик. — Ред.]

чают вред всякого положительного вмешательства государства и вообще указывают на предпочтительность замены его деятельности там, где это возможно, деятельностью отдельных граждан, заставляют и здесь заменить надзор государства свободно принятым на себя наблюдением граждан за обвиняемым. Поэтому было бы лучше заставить подобного рода подозрительных людей представить за себя первых поручителей, чем отдать их под непосредственный надзор государства; последнее могло бы иметь место только в случае недостатка в поручителях. Примеры подобных поручительств представляет английское законодательство, хотя не именно в названном нами случае, но в случаях сходных.

Последний способ предотвращать преступления состоит в том, чтобы, не касаясь причин, предупреждать только действительное совершение преступления. Этот способ наименее вреден для свободы, так как требует наименьшего положительного влияния на граждан. Между тем и оно допускает более или менее широкие пределы. Именно: государство может удовольствоваться тем, что строжайшим образом будет наблюдать за каждым противозаконным намерением с целью воспрепятствовать его исполнению; или оно может пойти дальше и воспретить такие по своей сущности невинные действия, при которых преступления могут быть с легкостью либо совершены, либо задуманы. Это последнее опять составляет захват в область свободы граждан и указывает на недоверие государства к ним, что вредно не только для развития характера граждан, но и для самой цели, которая имеется в виду, и вредно на тех же основаниях, на которых мы осуждали ранее упомянутые способы предупреждать преступления. Все, что государство имеет право сделать и может сделать с пользой для своей цели и без вреда для свободы граждан, ограничивается поэтому строжайшим надзором за каждым нарушением закона, либо действительно уже совершившимся, либо только задуманным; но это нельзя назвать предупреждением преступления в собственном смысле слова; поэтому я думаю, что могу утверждать, что действительное предупреждение преступлений

находится вполне вне границ деятельности государства. Но тем усерднее должно государство стараться о том, чтобы ни одно из совершенных преступлений не осталось нераскрытым, ни одно раскрытое – безнаказанным или даже слабее наказанным, чем этого требует закон. Ибо подтвержденное непрерывным опытом убеждение граждан, что им невозможно совершить нарушение чужого права без соответственного этому нарушению ограничения собственного права, кажется мне, составляет одновременно единственную охрану безопасности граждан и единственное верное средство обеспечить неприкосновенность уважения к чужому праву. В то же время это средство представляет единственный способ действовать достойным человека образом на человеческий характер; не должно непосредственно принуждать человека или доводить его до известных действий, но только привлекать его к ним единственно с помощью последствий, которые по самой сущности вещей проистекают из его поступков. Поэтому на место всяких более искусственных и сложных мер для предупреждения преступлений я предложил бы следующее: во-первых, установление хороших и продуманных законов; далее, назначение наказаний, точно соразмеренных в своей абсолютной мере с частными условиями, в относительной – с безнравственностью данного преступления, затем – по возможности тщательное расследование каждого случившегося нарушения законов и наконец уничтожение всякой возможности смягчения определенного судом наказания. Я не хочу отрицать, что это, конечно, весьма простое средство действует медленно, но зато оно действует верно, не наносит вреда свободе и имеет благотворное влияние на характер граждан. Нет необходимости далее останавливаться на последствиях положений, установленных здесь, как, например, на той часто уже высказанной истине, что право помилования и даже смягчения наказания правителем должно быть вполне уничтожено. Эти последствия логически вытекают из всего сказанного и потому без труда понятны. Ближайшие распоряжения, которые должно сделать государство для откры-

тия уже совершенных преступлений или для предупреждения только еще задуманных, почти вполне зависят от частных обстоятельств данных положений. В общем, можно только установить, что государству и здесь не дозволено превышать своих прав и что поэтому оно не должно принимать мер, которые нарушали бы свободу или безопасность граждан в их частной жизни. Напротив, для общественных мест, где всего чаще происходят преступления, оно может назначить наблюдателей и также учредить фискалов (т.е. лиц, исполняющих государственные поручения), которые на основании своей должности будут принимать меры против подозрительных людей; наконец, государство может на законном основании обязать всех граждан помогать ему в данном случае и указывать не только на задуманные, еще не совершенные преступления, но и на такие, которые уже совершились, а также и на самих преступников. Но чтобы не принести вреда характеру граждан, государство должно требовать исполнения названной обязанности как долга и никогда не делать ее привлекательной, назначая за нее награды или преимущества; наконец, оно должно избавлять от этого долга тех, кто не мог бы исполнить его иначе, как порывая теснейшие связи родственные или другие.

Наконец, раньше, нежели я покончу с рассматриваемым вопросом, я должен заметить, что все уголовные законы, как те, которые определяют наказания, так и те, которые определяют судопроизводство, должны быть известны всем гражданам без исключения. Между тем много раз утверждали противное, основываясь на том, что гражданину не должна быть предоставлена свобода, так сказать, ценой наказания купить выгоду, приносимую противозаконным действием. Однако – если мы уже допустим возможность продолжительной утайки законоположений – как бы подобное соизмерение выгод преступления и последствий наказания ни было безнравственно в самом человеке, предпринявшем его, тем не менее ни государство, ни какой бы то ни было человек не имеют права запретить его другому. Выше, я надеюсь, было подробно доказано, что ни один чело-

век не имеет права под видом наказания сделать другому более зла, чем сам потерпел от преступления. Без законного определения преступник должен был бы поэтому ожидать такого наказания, которое он считал бы приблизительно равносильным преступлению. Но так как оценка в подобном случае у различных людей была бы слишком различна, то весьма естественно определить постоянную меру наказания при помощи закона; и поэтому основать на договоре не обязанность переносить наказание, но обязанность при назначении наказания не выходить своевольно из пределов, назначенных для него законом. Еще несправедливее такая утайка законоположений в деле розыска преступления. Там она бесспорно не могла бы служить бы ни к чему другому, как к возбуждению страха перед такими средствами, которые государство само не считает себя вправе употребить; государство между тем иногда не должно желать действовать с помощью страха, который не может поддерживаться ничем иным, кроме незнания граждан по отношению к их правам или недоверия к уважению этих прав государством.

Я извлекаю из вышесказанного следующие высшие основные положения каждого уголовного права вообще:

1. Одно из лучших средств для сохранения безопасности состоит в наказании тех лиц, которые нарушают законы государства. Государство имеет право наложить наказание за каждое действие, которое нарушает право граждан, и так как оно только ввиду этого устанавливает законы, то имеет право наказывать всякое нарушение этих законов.

2. Самое строгое наказание должно быть по возможности мягким; при установлении его должны быть приняты во внимание частные условия времени и места. Затем, мера всех остальных наказаний должна быть определена, сообразуясь с тем, насколько преступление, против которого она направлена, предполагает в преступнике неуважение к чужому праву. Поэтому самое строгое наказание должно постигнуть того, кто нарушил главнейшие права самого государства, менее строгое того, кто нарушил настолько же важное право отдельного гражданина, еще менее строгое,

наконец, того, кто преступает только закон, который был установлен с намерением помешать подобному нарушению.

3. Каждый карательный закон может быть применен лишь к такому лицу, которое преступает его с намерением или по своей вине; при этом мера наказания должна соответствовать степени выказанного неуважения к чужому праву.

4. При розыске совершенных преступлений государство имеет право употреблять все соответствующие цели средства, помимо таких, которые ставили бы просто заподозренного гражданина в положение преступника, или таких, которые нарушали бы права человека и гражданина, которого государство должно уважать и в преступнике, или же таких, при которых государство совершало бы безнравственные деяния.

5. Особенные мероприятия с целью предупредить еще несовершенно совершенные преступления государство может позволять себе не иначе, как для предупреждения непосредственного преступления. Все остальные меры лежат вне границы деятельности государства, хотя бы даже эти меры имели целью противодействовать причинам преступления или предотвращать сами по себе безвредные, но легко ведущие к преступлениям действия. Если покажется, что существует противоречие между этим началом и тем, которое было установлено по отношению к действиям отдельного человека, то не следует забывать, что речь шла о таких действиях, последствия которых прямо могли нарушать чужое право. Здесь же идет о таких действиях, из которых должно произойти второе действие, причем нарушение чужого права явится последствием уже этого второго действия. Чтобы пояснить это примером, скажу, что сокрытие беременности должно бы было запрещаться не для того, чтобы предупредить детоубийство (иначе это сокрытие должно бы было почитаться уже признаком подобного намерения), а как действие, которое само по себе может быть вредно для жизни и здоровья ребенка.

**Забота государства о безопасности,
состоящая в определении положения
тех лиц, которые не обладают
естественными или достаточно зрелыми
человеческими силами
(несовершеннолетние и умалишенные).
Общие примечания к настоящему
и четырем предыдущим отделам**

Все основные положения, которые я до сих пор пытался установить, предполагают людей, находящихся в полном обладании зрелого разума. Все эти положения основаны лишь на том, что самостоятельно мыслящий и самодеятельный человек никогда не должен быть лишен возможности по своей воле составить решение по надлежащему рассмотрению всех моментов обсуждения. Эти начала неприменимы поэтому к таким лицам, которые, подобно умалишенным или слабоумным, как бы вполне лишены разума или у которых этот последний еще не достиг хотя бы той зрелости, которая зависит от зрелости телесной. Ибо как ни неопределенно и, говоря точнее, ни неправильно это последнее мерило, оно тем не менее есть единственное мерило для обсуждения данного случая третьим лицом. Перечисленные выше лица требуют в точном смысле положительной заботы об их физическом и нравственном благе, и для них недостаточно чисто отрицательного поддержания безопасности. Но эта забота — я говорю теперь о детях, желая начать с самого многочисленного и важнейшего класса названных лиц, — принадлежит по праву определенным лицам, именно родителям. На их обязанности лежит воспитать до полной их зрелости детей, которых они произвели на свет; и из самой уже этой обязанности вытекают все их права как необходимые условия для ее исполнения. Дети

сохраняют поэтому все свои коренные права на жизнь, здоровье и имущество, если уже обладают таковыми. Самая свобода их не может ограничиваться более, чем родители почтут это нужным, частью для их же собственного образования, частью для сохранения вновь возникающих семейных отношений, причем это ограничение может вообще распространяться только на время, необходимое для их развития. Дети никогда не должны допускать, чтобы их могли принуждать к действиям, простирающимся далее названного времени и распространяющим свои непосредственные последствия, быть может, на всю жизнь. Поэтому никогда не должно быть допущено никакое принуждение по отношению к браку или выбору определенного образа жизни. С наступлением зрелости влияние родительской власти должно, естественным образом, совершенно прекращаться. В общем, обязанности родителей по отношению к детям состоят в том, чтобы частью при помощи личной заботы об их физическом и нравственном благе, частью через снабжение их необходимыми для этого средствами дать им возможность избрать самостоятельный образ жизни, по их собственному выбору, ограниченному только личным их положением; обязанности же детей, с другой стороны, сводятся к исполнению всего того, что необходимо, чтобы дать родителям возможность исполнить их долг. Я здесь совершенно обхожу частности, т.е. перечень всего того, что эти обязанности могут и должны заключать в себе определенного. Это составляет принадлежность теории законодательства в собственном смысле и не могло бы войти в настоящее сочинение потому, что зависит главным образом от частных обстоятельств данных положений.

Государству надлежит заботиться о безопасности и неприкосновенности прав детей по отношению к родителям; ввиду этого оно должно прежде всего определить законный возраст зрелости. Этот возраст должен быть естественным образом различным не только сообразно климату, но даже и веку. Затем, частные положения людей могут оказывать здесь влияние: именно следует принимать во

внимание, какой зрелости и силы рассудка эти положения требуют для исполнения связанных с ними обязанностей и пользования даваемыми ими правами. Затем государство должно воспрепятствовать тому, чтобы родительская власть выходила из пределов, и поэтому оно должно строго наблюдать за ней. Но это наблюдение никогда не должно доходить до того, чтобы положительным образом предписывать родителям определенный род образования или воспитания их детей; оно должно быть, так сказать, отрицательно, т.е. настаивать лишь на том, чтобы и родители, и дети держались по отношению друг к другу в предписанных им законом границах. Нет ни пользы, ни справедливости в требовании от родителей постоянных отчетов; нужно иметь доверие к тому, что они не пренебрегут долгом, который им столь близок по сердцу. Государственное вмешательство в семейные отношения оправдывается поэтому лишь в таких случаях, где этот долг либо действительно нарушен, либо где подобное нарушение предвидится в весьма непродолжительное время.

Основные начала естественного права менее ясно определяют, на кого должна по смерти родителей пасть забота о еще не оконченном воспитании детей. Государство должно поэтому весьма точно определить, кто из родных должен взять на себя опеку или каким образом должен для этой цели быть избран кто-либо из остальных граждан в том случае, если никто из родственников не может взять опеки на себя. Государство должно точно так же определить необходимые условия правоспособности опекунов. Так как опекуны берут на себя обязанности родителей, то получают и все их права; но так как они, во всяком случае, стоят в менее близких отношениях к лицам, о которых заботятся, чем родители, то и не могут требовать, чтобы им оказывалось одинаковое доверие, и государство поэтому должно удвоить свой надзор за ними. Чем менее государство стремится оказывать положительное влияние, хотя бы и опосредованным образом, тем вернее остается оно развитым выше основным положениям. Оно должно поэтому настолько облегчить вы-

бор опекуна умирающими родителями, или остающимися в живых родственниками, или общиной, к которой принадлежат лица, подлежащие опеке, насколько допускает это забота о безопасности последних. Вообще было бы хорошо передать в ведение общин выполнение частных мер относящегося сюда надзора. Принимаемые общинами меры будут не только ближе соответствовать данному индивидуальному положению лиц, подлежащих опеке, но окажутся менее однообразными; для безопасности же этих лиц тем не менее будет достаточно сделано, если высшее наблюдение останется в руках самого государства.

Государство не должно удовлетворяться тем, что будет защищать несовершеннолетних, как и всех остальных граждан, от посягательства посторонних лиц на их права; оно должно здесь пойти далее. Выше было установлено, что каждый может по своему желанию свободно располагать как своими собственными действиями, так и своим имуществом. Подобная свобода могла бы во многих отношениях сделаться опасной для лиц, разум которых еще не достиг зрелости, приобретаемой с надлежащим возрастом. Устранение этих опасностей есть дело родителей или опекунов, которые имеют право руководить действиями вышеназванных лиц. Но государство должно прийти им здесь на помощь так же, как и самим несовершеннолетним, и объявлять не имеющими законной силы такие действия малолетних, последствия которых могли бы быть для них вредными. Посредством этого государство должно помешать тому, чтобы своекорыстные цели других не ввели малолетних в обман или не заставили их принять необдуманное решение. Там же, где это случится, государство должно не только настоять на вознаграждении ущерба, но и наказать виновных; и таким образом, исходя из данной точки зрения, наказанию могут подлежать такие действия, которые иначе находились бы совершенно вне круга действия законов. Я привожу здесь в пример сожительство вне брака, которое, на основании установленных начал, государство должно наказывать в лице виновного, если подобное сожи-

тельство имело место с несовершеннолетним лицом. Но так как человеческие действия требуют для своего совершения весьма различной степени рассудительности, а зрелость рассудка увеличивается только постепенно, то ввиду определения законной силы этих различных действий необходимо также определить различные эпохи и ступени несовершеннолетия.

То, что здесь было говорено о несовершеннолетних, применимо также к безумным и слабоумным. Различие состоит лишь в том, что как безумные, так и слабоумные, во-первых, нуждаются не в воспитании и образовании (иначе пришлось бы назвать этим именем старание их излечить), а только в заботе о них и в надзоре; во-вторых, в том, что нужно главным образом еще предупреждать тот вред, который они могли бы нанести другим лицам; и в-третьих, в том, что они обыкновенно находятся в таком состоянии, в котором не могут пользоваться ни своими личными силами, ни своим имуществом; при этом, однако, никогда не следует забывать, что возвращение рассудка у них всегда еще возможно и что поэтому их следует только временно лишать пользования их правами, но никогда не отнимать у них самих этих прав. Я не имею намерения разрабатывать данный вопрос в частностях и поэтому могу заключить весь этот отдел следующими общими положениями:

1. Те лица, которые либо вообще не в состоянии пользоваться силами своего рассудка или не достигли необходимого для этого возраста, нуждаются в особенной заботе об их физическом, умственном и нравственном благе. Такого рода лица суть несовершеннолетние и лишенные рассудка. Сначала коснемся первых и затем вторых.

2. По отношению к несовершеннолетним государство должно определить срок несовершеннолетия. Так как этот срок ввиду могущего произойти весьма существенного вреда не должен быть ни слишком короток, ни слишком продолжителен, то государство должно определять его, сообразуясь с данными условиями положения нации, причем приблизительным мерилom может служить достижение

полного телесного развития. Было бы полезно установить несколько сроков и постепенно расширять свободу несовершеннолетних, уменьшая надзор над ними.

3. Государство должно наблюдать за тем, чтобы точно исполнялись:

1) Обязанности родителей по отношению к детям – именно: чтобы они, насколько это позволяет их положение, давали детям возможность по достижении совершеннолетия избрать самостоятельный образ жизни и начать его;

2) чтобы также исполнялись и обязанности детей по отношению к родителям – именно, чтобы дети делали все то, что давало бы родителям возможность на деле исполнить вышеназванную их обязанность и

3) чтобы никто не преступал границ прав, даваемых ему исполнением упомянутых обязанностей. Но надзор государства должен этим и ограничиваться; всякое старание достигнуть при этом положительных результатов, например поощрение того или другого рода развития сил у детей, лежит вне границ его деятельности.

4. В случае смерти родителей необходимы опекуны. Государство должно поэтому определить способ их назначения так же, как и качества, которыми они обязательно должны обладать. Но оно хорошо сделает, предоставив, насколько возможно, избрание их самим родителям перед смертью, или остающимся родственникам, или общинам. Образ действия самих опекунов требует еще более точного и вдвойне бдительного надзора.

5. Для того чтобы обеспечить безопасность несовершеннолетних и для предупреждения того, чтобы другие лица не воспользовались в ущерб им их неопытностью или необдуманностью, государство должно объявить не имеющими законной силы такие самостоятельные действия несовершеннолетних, последствия которых могли бы быть для них вредными, и наказывать тех лиц, которые пользуются подобными действиями из-за своих выгод.

6. Но то, что здесь сказано о несовершеннолетних, относится и к таким лицам, которые лишены рассудка, с разни-

цей, вытекающей из самой сущности дела. Никто не должен почитаться лишенным рассудка, пока не будет формально объявлен таковым на основании испытания, сделанного врачами под наблюдением судьи; и на самое болезненное состояние это должно всегда по возможности смотреть лишь как на нечто временное.

Я теперь рассмотрел все предметы, на которые государство должно распространить свою деятельность; я пытался при каждом из них установить высшие принципы. Если эту попытку найдут слишком недостаточной; если не встретят в ней многих вещей, весьма важных в законодательстве, то не следует забывать, что я не имел целью составить теорию законодательства – труд, для которого как силы, так и знания мои недостаточны, я только стремился выяснить, поскольку законодательство имеет право расширить или ограничить деятельность государства. Законодательство может подразделяться как на основании предметов, которыми занимается, так и на основании своих источников; может быть, это последнее подразделение будет самое благодарное преимущественно для самого законодателя. Подобных источников – или, чтобы в одно и то же время выразиться точнее и правильнее, – таких главных точек зрения, из которых вытекает необходимость законов, существует, как мне кажется, только три. Законодательство в общем должно определять действия граждан и их необходимые последствия. Первая точка зрения основывается поэтому на свойствах самих этих действий и тех из их последствий, которые вытекают только из основных положений права. Вторая точка зрения зависит от данной цели государства, от границ, в которых оно решается удерживать свою деятельность, или от объема, на который желает ее распространить. Третья точка зрения, наконец, берет исходом средства, в которых государство необходимо нуждается, чтобы поддержать самое государственное устройство, чтобы вообще сделать возможным достижение имеющейся в виду цели. Каждый закон, который мы можем себе представить мысленно, должен находиться в преимущественной зависимости от какой-ни-

будь из этих точек зрения; но ни один закон не должен устанавливаться без участия каждой из них; и, однако, односторонность взгляда составляет именно весьма существенную ошибку многих законодательств. Из этой тройной точки зрения проистекают, в свою очередь, три предварительных труда, преимущественно необходимых для всякого законодательства: 1. Полная общая теория права. 2. Полное разъяснение цели, которую должно было бы поставить себе государство, или, что, в сущности, то же самое, точное определение границ, в которых оно должно сдерживать свою деятельность, или же, наконец, выяснение особенной, частной цели, которую та или другая государственная община себе действительно ставит. 3. Теория средств, необходимых для существования государства, и, так как эти средства частью служат для упрочения внутренней связи государственного союза, частью обуславливают возможность самой деятельности государства, теория политических и финансовых наук, или, опять же, изложение уже избранной политической и финансовой системы. При этом кратком перечне, допускающем многочисленные подразделения, я еще замечу, что лишь первая из названных мной точек зрения зиждется на началах вечных и, как сама природа человека, в общем, неизменных, остальные же допускают множество различных видоизменений. Но если эти изменения ставятся в зависимость не от общих оснований, вытекающих одновременно из всех трех упомянутых нами точек зрения, а обуславливаются другими, более случайными обстоятельствами – если, например, в государстве существует неизблемая политическая система с неизменными финансовыми учреждениями, то вторая из названных точек зрения подвергается большой опасности, и через это часто страдает первая. Причины многих недостатков государственного устройства можно бы, вероятно, отыскать в этом и подобных ему столкновениях.

Таким образом, я надеюсь, достаточно будет выяснено намерение, которое я имел при попытке установления вышеизложенных начал законодательства. Но даже ограничи-

ваясь этим, я далек от надежды, что моя цель достигнута. Может быть, против правильности установленных здесь основных положений нельзя будет особенно сильно возражать, но им, конечно, недостает необходимой полноты как по отношению к тонкости, так и к определенности. Между тем для установления высших начал и преимущественно для этой цели необходимо вдаваться в мельчайшие и точнейшие подробности. Но сделать это здесь мне было невозможно ввиду цели, которую я себе поставил, однако я употребил все возможные усилия для того, чтобы совершить эту подготовительную работу умственно ранее, нежели принялся писать данное сочинение; конечно, результаты, полученные мною, далеко не достигают желаемого совершенства.

Поэтому я охотно сознаюсь, что начертал лишь подразделения предмета, могущие быть изученными, и далеко не достаточно развил целое. Тем не менее я надеюсь, что сказанного достаточно для выяснения сущности намерения, которое я имел в виду в настоящем сочинении, – именно намерения доказать, что главнейшая цель государства должна заключаться в развитии сил отдельных граждан в их индивидуальности; что государство поэтому никогда не должно избирать ничего другого предметом своей деятельности, кроме того, чего граждане не в состоянии достигнуть сами по себе, именно – безопасности; и что это представляет единственное и верное средство связать крепкими и дружескими узами, очевидно противоречащие одна другой вещи, именно: цель государства в общем и сумму целей отдельных граждан.

**Отношение вышеизложенной теории
к средствам, необходимым для поддер-
жания государственного устройства.
Заключение теоретического
изложения предмета**

Покончив с тем, что мне еще оставалось сказать по общем пересмотре всего моего плана²⁵, я рассмотрел занимавший меня вопрос со всей полнотой и точностью, какие допускали мои силы. Я мог бы на этом и закончить, если бы мне не оставалось упомянуть еще об одном предмете, который может иметь очень важное влияние на вышеизложенное, именно о средствах, которые не только обуславливают возможность деятельности государства, но обеспечивают и самое его существование.

Для того чтобы достичь даже самой ограниченной цели, государство должно обладать достаточными доходами. Незнакомство мое со всем тем, что называется финансами, поневоле заставляет меня быть в этом отношении кратким. Но согласно избранному мною плану в этом нет и необходимости. Я уже с самого начала указал, что касаюсь здесь не того случая, когда цель государства определяется количеством средств деятельности, имеющихся в его руках, — но того, когда средства определяются целью. Только ради общей связи я должен заметить, что и при финансовых учреждениях не следует упускать из виду главной цели человека в государстве и вытекающего отсюда ограничения государственных целей.

---

²⁵ См. гл. XI.

Это достаточно очевидно для нас уже из самого беглого взгляда, брошенного на связь, существующую между полицейскими и финансовыми учреждениями. По моему мнению, для государства могут существовать только троякого рода доходы: 1) доход от искони принадлежащего или от приобретенного им имущества; 2) от прямых и 3) от косвенных налогов. Всякое государственное имущество, каково бы оно ни было, вредно. Уже выше я говорил о преобладании государства как государства, а если оно при этом еще и собственник, то по необходимости должно вступать во множество частных отношений. Там, где потребность, ради которой одной только и желательно государственное устройство, не имеет никакого влияния, там продолжает действовать власть, которая была дана только ввиду этой потребности. Точно так же связаны с вредными последствиями и косвенные налоги; опыт показывает, что их установление и сбор предполагают множество учреждений, которые не могут быть одобрены на основании предыдущего рассуждения. Поэтому остаются только прямые налоги. Между всеми возможными системами прямых налогов физиократическая есть, бесспорно, самая несложная. Но против нее часто уже делали возражение, что она упускает из виду одно из естественнейших произведений природы, именно – силу человека, которая в ее проявлениях, т.е. в работах, превращаясь при наших учреждениях в товар, также должна бы подлежать обложению налогом. Если системе прямых налогов, на которую я указываю здесь, и не напрасно называют худшей и наиболее неудобной в числе прочих финансовых систем, то тем не менее не следует забывать, что государство, деятельности которого предписываются столь узкие границы, вовсе не нуждается в больших доходах и что в том случае, когда оно не имеет собственного отдельного от граждан интереса, оно может быть сильнее уверено в помощи свободной, обладающей благосостоянием нации; этому же учит нас и опыт всех веков.

Насколько финансовые учреждения могут служить по-мехой осуществлению установленных выше основных положений, настолько же, а может быть, и более это может

иметь место по отношению к внутреннему политическому устройству. Нужно именно, чтобы существовало средство, связующее управляющую часть нации с управляемой. Средство, которое обеспечивало бы за первой обладание вверенной ей властью, а за второй пользование оставшейся за ней свободой. К достижению этой цели различные государства стремились различным образом. Одни усиливали, так сказать, физическое могущество правительства, что, конечно, опасно для свободы; другие противопоставляли одну другой различные противоположные власти; третьи распространяли в народе дух, благоприятный данной форме государственного устройства. Это последнее средство, как ни прекрасны результаты, которые оно давало преимущественно в древности, однако вредно для индивидуального развития граждан, вызывая нередко односторонность, и поэтому менее всего может быть предложено при следовании установленной нами здесь системе. Согласно ей необходимо бы было избрать такое политическое устройство, которое допускало бы как можно менее положительного влияния на характер граждан в частности и не стремилось бы выработать в них ничего другого, кроме высшего уважения к чужому праву, соединенного с самой горячей любовью к собственной свободе. Но каково должно быть это устройство — я не берусь рассматривать здесь. Такое исследование входит в область теории политики в собственном смысле слова. Я довольствуюсь только следующими краткими замечаниями, которые по крайней мере яснее указывают на возможность подобного устройства. Система, предлагаемая мной, усиливает и умножает частные интересы граждан и поэтому может показаться, что она этим самым ослабляет интересы общественные. Но в ней частные и общественные интересы так тесно связаны одни с другими, что вторые ставятся в прямую зависимость от первых, как это признает каждый гражданин, ибо каждый, бесспорно, желает быть безопасным и свободным. Поэтому при моей системе именно любовь к данной форме государственного устройства должна бы всего лучше сохраниться, между тем

как в других случаях ее часто понапрасну стараются возбудить с помощью самых искусственных мер. Сюда следует прибавить еще и то, что государство, имеющее в виду более ограниченную деятельность, нуждается в меньшей власти и, следовательно, в меньшей защите этой власти. Наконец, само собою разумеется, что вообще иногда сила или пользование ее проявлениями должны приноситься в жертву результатам, чтобы обеспечить как то, так и другое от еще больших потерь, и что и в нашей системе это должно иметь место в случае необходимости.

Теперь я, по-видимому, по всей мере наличных моих сил ответил на подлежащий обсуждению вопрос и со всех сторон начертил для государственной деятельности те пределы, которые мне казались одновременно полезными и необходимыми. Я исходил при этом только с точки зрения наибольшей выгоды; теперь было бы интересно рядом с этим рассмотреть предмет с точки зрения права. Но там, где данная политическая община свободно избрала известную цель и точно определила пределы своей деятельности, там естественным образом как эта цель, так и эти пределы законны, поскольку они такого рода, что их определение лежит во власти определяющего. Там, где не существует такого ясного определения, там государство должно естественно свести границы своей деятельности к тем, которые предписываются чистой теорией, но руководиться и теми препятствиями, упущение которых из виду могло бы иметь последствием еще больший вред. Нация имеет поэтому право требовать, чтобы государство придерживалось этой теории, но требовать этого лишь постольку, поскольку названные препятствия не делают этого невозможным. Я в предыдущем не упоминал об этих препятствиях; я довольствовался тем, что развивал чистую теорию. Я вообще пытался отыскать наиболее благоприятное для человека положение в государстве. Это же казалось мне состоящим в соединении разнообразнейшего развития индивидуальности с самобытнейшей самостоятельностью и с одновременно разнообразнейшей и теснейшей связью многих людей

между собой – задача, разрешить которую может только высшая свобода. Указать возможность государственного устройства, которое ставило бы как можно менее препон этой цели, – вот к чему я стремился в настоящем труде; это же самое было давно предметом моих размышлений. Я буду доволен, если мне удалось доказать, что это основное начало должно быть идеалом законодателя при всех вводимых им государственных учреждениях.

К разъяснению изложенных идей могли бы прекрасно служить история и статистика, будучи направлены к этой цели. Вообще мне часто казалось, что статистика нуждается в реформе. Вместо данных по объему государства, числу его жителей, их богатству и промышленности, из чего невозможно судить с полной достоверностью о действительном его положении, статистика должна была бы, исходя от естественных свойств страны и ее жителей, постараться выяснить объем и способ действия ее действующих, страдающих и наслаждающихся сил и затем шаг за шагом начертать изменения, которым подвергаются эти силы частью вследствие союзов людей друг с другом среди самой нации, частью под влиянием государственных учреждений. Ибо государственное устройство и народный союз, как бы тесно они ни были связаны одно с другим, никогда не должны смешиваться. Если государственное устройство ставит граждан в известное определенное положение, будь это достигнуто помощью власти и насилия, привычки или закона, то помимо этого положения существуют еще и другие, бесконечно разнообразные и часто изменяющиеся положения, избираемые гражданами по их свободной воле. И это последнее, свободное воздействие членов нации друг на друга есть именно то, что сохраняет все блага, стремление к которым заставляет людей соединяться в общества. Государственное устройство в сущности подчинено этому, как своей цели, и к нему прибегают только как к средству, необходимому для ее достижения; а так как оно всегда связано с ограничением свободы, то на него нельзя смотреть иначе, как на зло, хотя бы и необходимое. Одна

из побочных целей настоящего сочинения состояла в указании того вреда, который приносится пользованию человека дарами природы и собственной силой, а также всему его характеру; когда смешивают свободную деятельность нации с деятельностью, к которой принуждает ее государственное устройство.

Применение изложенной теории к действительности

Всякое развитие истин, относящихся к человеку, и в особенности к действующему человеку, приводит к желанию, чтобы в действительности было осуществлено то, что в теории признано справедливым. Это желание присуще природе человека, которая так редко удовлетворяется благотельными и спокойными дарами чистой идеи; и оно становится тем живее, чем сильнее возрастает в человеке потребность общественного счастья. Но как ни естественно оно само по себе и как ни благородны его источники, оно тем не менее нередко приносило вред и часто даже больший, нежели холодное равнодушие или (так как и противоположные вещи могут вызывать одинаковые последствия) та горячность, которая менее занята действительностью и вполне отдается чистой красоте идеи. Ибо истина, когда она глубоко укоренится хотя бы в одном только человеке, имеет всегда полезное влияние на действительность; это совершается только медленнее и с меньшим шумом; между тем как то, что непосредственно переносится в жизнь, нередко вследствие этого самого видоизменяется и даже не воздействует на идеи. Поэтому есть идеи, которые мудрец никогда не пытался бы осуществить. Действительность никогда не может созреть настолько, чтобы воспринять высшие и прекраснейшие плоды человеческого духа; идеал должен всегда жить в душе творца как недостижимый образец. На этих основаниях при осу-

ществлении даже наименее сомнительной, наиболее последовательной теории необходима величайшая осторожность; по этой самой причине я хочу также перед окончанием моего труда рассмотреть насколько возможно полно и в то же время кратко, в какой мере могут быть перенесены в действительность основные начала, теоретически развитые в предыдущем. Это также оградит меня от обвинения, что я пытался непосредственно предписывать правила для действительной жизни или даже только осуждал то, что в ней противоречит моим взглядам, — дерзость, от которой я был бы далек даже и в том случае, если бы почитал все изложенное здесь вполне справедливым и несомненным.

При всяком видоизменении настоящего за предыдущим порядком вещей должен следовать новый. Но каждое положение, в котором находятся люди, каждый из окружающих их предметов придает внутреннему «я» человека определенную стойкую форму. Эта форма не может переходить во всякую иную произвольно избранную, и когда человеку насилием навязывается несоответствующая форма, то не только не достигается цель, но еще и губится сила. Изучение главнейших исторических переворотов указывает на то, что они большей частью являлись последствием периодических переворотов человеческого духа.

Этот взгляд подтверждается еще более, если взять в расчет силы, в сущности, обуславливающие все изменения на земном шаре, и между этими последними человеческие силы, которые играют здесь главную роль, — физические силы природы менее для нас важны, вследствие их равномерного однообразного круговращения, а незначительные силы неразумных созданий нам вовсе почти не приходится брать в расчет. Человеческая сила может в какой-нибудь данный период проявляться только одним каким-нибудь образом, но, однако, бесконечно видоизменять и разнообразить его; она выказывает поэтому в каждый момент однообразие, но в последовательные периоды тем не менее создается достойная удивления картина прекраснейшего разнообразия. Каждый предыдущий порядок вещей либо составляет при-

чину последующего, либо по крайней мере имеет на него известную долю ограничительного влияния, в том смысле, что натиск внешних обстоятельств не мог вызвать ничего иного, кроме имеющегося налицо состояния. Именно этот предшествующий порядок вещей и видоизменение, которое он претерпевает, определяют, каким образом новое положение обстоятельств будет влиять на человека, и действие при этом часто так сильно, что сами эти обстоятельства благодаря ему получают совершенно иную форму. На этом основании все, что совершается в мире, может быть названо прекрасным и полезным, потому что не что иное, как внутренняя сила человека, подчиняет себе все остальное, какова бы ни была его сущность; эта внутренняя сила ни в одном из своих проявлений не может действовать иначе, как благотельно (причем различие может встретиться только в степени благотельности). Отсюда проистекает далее, что вся история человечества может быть рассмотрена как ряд естественных и последовательных переворотов человеческой силы; что вообще было бы, может быть, не только наиболее поучительной обработкой истории, но и указало бы тем, кто стремится влиять на людей, по какому пути они могут вести человеческую силу к совершенствованию и о каких путях им никогда не следует и думать. Поэтому насколько эта внутренняя сила человека заслуживает внимания своим внушающим уважение достоинством, настолько же вынуждает она это внимание могуществом, с которым подчиняет себе все остальное.

Тот, кто хочет взять на себя тяжелый труд искусно связать новый порядок вещей со старым, тот никогда не должен терять из виду названную силу. Прежде всего он должен дожидаться полного действия настоящего на умы и сердца, если бы он захотел действовать резко, то, может быть, и изменил бы внешнюю форму вещей, но никогда не преобразовал бы внутреннего построения людей и оно опять перешло бы во все новое, насильно привитое. Не нужно также думать, что чем сильнее позволяют влиять настоящему положению вещей, тем слабее становится стремление

человека перейти к новому порядку вещей. История человеческого рода указывает нам, что крайности наиболее близко связаны одна с другой; и всякое внешнее положение, предоставленное самому себе без помехи, не упрочивается, но стремится к своему разрушению. На это указывает не только опыт всех времен, но это согласно и с природой человека, как деятельного, так и бездействующего и подавленного; деятельный, активный человек никогда не останавливается ни на одном каком-нибудь предмете долее, чем этот последний представляет пищу для его энергии, и именно тогда всего легче переходит к другому, когда ничто не мешало ему извлечь все желаемое из первого. Относительно угнетенного, пассивного человека можно сказать, что хотя продолжительность гнета и притупляет его силу, но зато глубже заставляет его чувствовать всю тяжесть угнетения. Но и не затрагивая современной формы вещей, возможно, однако же, дать духу и характеру человека такое направление, которое уже не соответствовало бы этой форме; и мудрец законодатель будет именно и добиваться этого. Только таким способом и возможно осуществить в действительности новый план именно в таком виде, в каком он был создан в идее; при всяком другом способе — не говоря уже о вреде, всегда проистекающем от нарушения естественного развития, план этот будет видоизменен и даже изуродован тем, что осталось от прошлого как в действительности, так и во взглядах. Но если это препятствие устранено, если то, что имеется в виду, может обнаружить полное свое действие, несмотря на предыдущее и обусловленное этим предыдущим настоящее положение вещей, тогда ничто уже не препятствует осуществлению реформы. Главнейшие начала теории всяких реформ, какого бы они рода ни были, можно поэтому формулировать так:

1. Переносить основные начала чистой теории в действительную жизнь должно не ранее, чем эта последняя не перестанет препятствовать им обнаруживать все последствия, которые они без постороннего вмешательства всегда будут иметь.

2. Для того чтобы обусловить переход настоящего положения вещей в новое, которое решено создать, нужно по-сколько возможно начать реформу с образа мыслей людей.

При установлении предыдущих, чисто теоретических начал я не только имел в виду свойства человеческой природы, но и предполагал в человеке не выходящее из ряду, а только обыкновенное количество сил; но я в то же время представлял себе его в том виде, который ему свойствен, пока он не подпал под влияние тех или других определенных обстоятельств, способных видоизменить его. Нигде, однако, человек не встречается таковым: везде обстоятельства, среди которых он живет, придали его мировоззрению ту или другую положительную форму, лишь более или менее отступающую от первообраза, который я имел в виду. Поэтому там, где государство стремится расширить или ограничить пределы своей деятельности, согласно основным началам правильной теории, там оно должно обращать преимущественное внимание на эту форму. Несоответствие между теорией и действительностью – по отношению к этой стороне государственного управления – будет, очевидно, везде состоять в недостатке свободы; поэтому может показаться, что освобождение возможно во всякое время и что оно всегда будет иметь благодетельное влияние. Но как ни справедливо само по себе это предположение, тем не менее не следует забывать, что то, что, с одной стороны, связывает и гнетет силу, с другой – становится материалом для развития ее деятельности. Уже в начале этого сочинения я высказал мнение, что человек более склонен к властолюбию, нежели к свободе. Творение, созданное властолюбием, радуется не только самого владыку, который создал и поддерживает его, – служебные части его испытывают подъем духа при мысли, что они составляют единичные члены целого, простирающегося за пределы сил и жизни отдельных поколений. Где такой взгляд еще господствует, там исчезает энергия и порождаются слабость и бездеятельность, когда человека хотят заставить действовать только в себе и для себя, только в пространстве, обнимаемом его единичными си-

лами, только для того времени, которое он сам переживает. И между тем только таким образом, действует он для беспредельного пространства и для самого нескончаемого времени; но, действуя таким образом, он влияет не прямо, а лишь посредственно: он скорее развивает семя, которое само из себя разовьется, чем возводит здание, которое высказывало бы следы рук его. Необходима высшая степень культуры для того, чтобы удовлетворяться деятельностью, создающей только силы и предоставляющей им самим выработку результатов, а не такой, которая сама непосредственно достигала бы этих результатов. Подобная степень культуры и есть высший плод истинной свободы. Но это нигде не встречается в совершенстве, и, по моему мнению, подобное совершенство всегда останется чуждо чувственному человеку, так охотно поддающемуся внешним влияниям.

Что поэтому должен будет делать негосударственный человек, который захочет предпринять такую перемену? Он должен, во-первых, при каждом новом шаге, который делает, отступая от данного положения вещей, строго придерживаться теории, за исключением тех случаев, которые могли бы при осуществлении теории либо изменить ее, либо совсем или отчасти уничтожить ее последствия. Во-вторых, он не должен касаться существующих ограничений свободы, пока люди не дадут ему безошибочно понять на основании ясных признаков, что почитают эти ограничения стеснительными, чувствуют их давление и что в этом отношении они достигли необходимой для свободы зрелости; когда это случится, он тотчас же должен уничтожить названные ограничения. Наконец, такой государственный человек должен был бы всеми средствами содействовать тому, чтобы нация созрела для свободы. Это последнее бесспорно самое важное и в то же время по предлагаемой мной системе самое несложное. Ничто так не способствует достижению зрелости для свободы, как сама свобода. Этого положения могли бы, однако, не признать те, которые так часто пользовались недостатком зрелости как предлогом для то-

го, чтобы допустить продолжение порабощения. Но оно неопровержимо основано, как мне кажется, на самой природе человека. Недостаток зрелости для пользования свободой может проистекать лишь от недостатка умственных и нравственных сил; противодействовать этому недостатку можно только увеличением их; но это увеличение требует упражнения, а упражнение, в свою очередь, требует свободы, пробуждающей самодеятельность. Конечно, снять цепи, тяжесть которых еще не чувствуется теми, кто в них закован, не значит даровать свободу. Но ни об одном человеке в мире, как бы ни был он обижен природой, как бы ни был унижен своим положением, нельзя сказать, что он (хотя отчасти) не осознает тяжести гнетущих его пут. Если названный выше законодатель будет освобождать людей мало-помалу, по мере того как пробуждается в них чувство свободы, то с каждым новым шагом его прогресс будет становиться быстрее. В отношении признаков названного пробуждения потребности к свободе может встретиться много затруднений. Но эти затруднения зависят не столько от теории, сколько от ее осуществления, которое, конечно, никогда не может совершаться по определенным частным правилам, но, как везде, так и здесь, есть дело одного гения. В теории я выяснил бы себе этот действительно сложный и запутанный предмет следующим образом.

Законодатель должен бы был необходимо иметь две вещи в виду: 1) чистую теорию, развитую до мельчайших подробностей; 2) современное положение вещей, которое ему надлежит переработать. Он должен был бы не только изучить теорию во всех ее частностях и самым точным и полным образом, но иметь перед глазами необходимые последствия каждого из ее начал во всем их объеме, во взаимной связи и зависимости друг от друга, если бы все эти начала не могли сразу быть осуществлены. Но что еще бесконечно труднее — он должен был бы также изучить современное положение вещей, т.е. отдать себе отчет во всех узах, которыми связало граждан государство или которые они сами в противность чистым началам теории наложили на себя под

защитой государства, а также рассмотреть и все их последствия. Законодатель должен был бы затем сравнить картины, представляемые как теорией, так и действительностью, и лишь тогда наступило бы время осуществить то или другое начало теории, когда названное сравнение показало бы, что начало и по своему осуществлению не только не изменилось бы, но и повлекло за собой именно те последствия, которые представляла для него первая картина; или, если этот результат не был бы вполне достижим, то моментом осуществления теоретических начал мог бы быть и тот, когда предвидится, что, приближая еще более действительность к теории, можно устранить встретившееся препятствие. Ибо эта последняя цель, это полное сближение теории с действительностью должно бы было непрестанно привлекать к себе взоры законодателя.

Наглядный образный способ, которым я старался объяснить свою мысль, может показаться странным; мне могут сказать даже больше, а именно что невозможно, чтобы упомянутые мною картины сохранились вполне верными и что точное сравнение их немыслимо. Все эти возражения основательны. Однако они теряют большую часть своей силы, если вспомнить, что теория требует всегда только свободы, а действительность, отступая от нее, представляет только насилие, и далее не следует забывать также, что причина, почему в этом случае стеснения не заменяются свободой, всегда зависит лишь от невозможности. Эта же невозможность, по самой сущности дела, обуславливается лишь одним из двух следующих обстоятельств: т.е. что либо люди, либо самое положение вещей еще не восприимчивы к свободе. При одновременном действии обеих этих причин сама свобода уничтожила бы результаты, без которых не только она, но и самое существование людей немыслимо; при действии же одной только первой причины свобода, во всяком случае, не могла бы иметь тех благодетельных последствий, которые иначе всегда ее сопровождают. Но ни того, ни другого нельзя обсудить иначе, как представив себе оба порядка вещей, настоящий и измененный, в их полном объеме для тщательного

сравнения как их самих, так и их последствий.

Трудности еще уменьшаются, если взвесить, что само государство не в состоянии производить перемен, пока признаки необходимости этого не проявятся в самих гражданах. Государству незачем уничтожать цепи, пока тяжесть их не сделается ощутима; ему поэтому вообще приходится быть скорее зрителем. Когда же встречается случай уничтожить какое-нибудь ограничение свободы, то государству остается только рассчитать возможность или невозможность этого. Наконец, я думаю, что нет нужды еще раз повторять, что я говорил здесь лишь о том случае, когда государству вообще возможно совершить реформу, не только физическую – внешнюю, но и нравственную, т.е. такую, которой не противоречат начала права. При этом последнем определении не следует забывать, что естественное, общее право представляет единственную основу для всякого положительного права и что поэтому нужно всегда руководствоваться первым. Для пояснения моей мысли я приведу в пример основное положение права, представляющее как бы источник всех остальных: никто никогда и никоим образом не может приобрести права распоряжаться силами или имуществом другого лица без или против этого последнего.

На этих основаниях я решаюсь установить следующее основное положение.

Государство должно, не переступая границ, определенных для его деятельности, стремиться насколько возможно приблизить существующий порядок вещей к справедливой, согласной с истиной теории, когда основания действительной необходимости не служат ему в этом помехой. Возможность подобного приближения действительности к теории основывается на том, что люди сделались достаточно восприимчивыми к свободе, которой всегда требует теория; и что свобода может уже обнаружить те благодетельные последствия, которые иначе везде сопровождают ее, если не встречается этому посторонних препятствий; противодействующая этому приближению необходимость обуславливается тем, что данная сразу свобода может разрушить резуль-

таты, без которых приходит в опасность не только всякий дальнейший прогресс, но и самое существование людей. Как то, так и другое должно обсуждаться на основании тщательно сделанного сравнения существующего и видоизмененного порядка вещей и последствий того и другого.

Это положение выведено здесь для данного специально случая вследствие точного применения другого начала, установленного выше²⁶, ввиду всех могущих встретиться реформ. Существует ли недостаток восприимчивости к свободе, страдают ли от нее упомянутые необходимые ее результаты – в обоих случаях существующий порядок вещей мешает началам чистой теории проявлять те последствия, которые они вызвали бы при отсутствии всякого постороннего вмешательства. Я, конечно, мог бы классифицировать различные возможные положения действительности и показать применения его к ним. Однако в этом случае я впал бы в противоречие с собственными своими принципами. Я сказал именно, что всякое подобное применение требует тщательного изучения как целого, так и всех его частей в их теснейшей связи; такое целое между тем невозможно создать на основании одних гипотез.

Если установить связь между этими правилами для практической деятельности государства и теми законами, которые предписывала ему в предыдущих теориях, то окажется, что деятельность его должна определяться лишь одной необходимостью. Теория же признает за ним право только на заботу о безопасности, ибо только безопасности не может достигнуть отдельный, единичный человек и, следовательно, одна только подобная забота и необходима; в то же время правила для практической деятельности государства обязывают его строго следовать теории, поскольку существующий порядок вещей не принуждает его отступать от нее. Итак, принцип необходимости составляет конечную цель, к которой стремятся все идеи, изложенные в настоящем сочинении. В чистой теории только особенности чело-

---

²⁶ С. 194.

века как естественной особи определяют границы этой необходимости; при осуществлении же ее прибавляется индивидуальность действительно существующего человека. Этот принцип необходимости должен бы был, как мне кажется, служить высшим руководством при каждом практическом труде, имеющем предметом человека, потому что он единственно только и приводит к верным и несомненным результатам. Польза, которая может быть ему противопоставлена, не допускает точного и определенного обсуждения. Она требует, чтобы были приняты в расчет вероятности, которые и сами по себе могут быть неверны и подлежат возможности измениться под влиянием самых непредвиденных обстоятельств, между тем как необходимость действует с неотразимой силой на чувство, и то, что повелевает необходимость, не только полезно, но и безусловно нужно. Далее, так как существует почти бесконечное число степеней полезности, то принцип пользы будет постепенно требовать все новых и новых государственных мероприятий; между тем как, ограничиваясь необходимостью, возможно оставить большой простор человеческим силам в собственном смысле слова, причем уменьшается самая потребность в названных мероприятиях. Наконец, забота о пользе приводит большей частью к положительным мероприятиям, забота о необходимом — к отрицательным: ибо, допуская в человеке энергическую самостоятельную силу, необходимость может встретиться лишь для освобождения ее от каких-либо притеснений. Но, согласно этим основаниям (к которым более подробный анализ мог бы прибавить еще множество других), ни одно начало так не совместимо с уважением к индивидуальности самостоятельных существ и с вытекающей из этого уважения любовью к свободе, как именно настоящее. Наконец, единственное верное средство упрочить силу законов и вызвать к ним уважение заключается в том, чтобы они основывались единственно на данном принципе. Для достижения этой цели было предложено много различных путей; главным образом, старались убеждать граждан в справедливости и пользе законов и считали это вернейшим

средством. Но даже признавая справедливость и пользу его в данном определенном случае, только с трудом возможно убедиться в безусловной полезности какого-нибудь мероприятия; и различные взгляды обуславливают различные мнения; иногда просто внутреннее чувство противодействует убеждению; каждый человек охотно принимает то, что сам признал полезным, но в то же время всегда противится тому, к чему принуждают его силой. Необходимости же каждый охотно покоряется. Но там, где уже существуют запутанные и сложные положения, там труднее даже понять, в чем именно заключается необходимость, но при следовании именно данному началу положение становится все проще и разрешение вопроса, в чем заключается необходимость, все легче.

—————

Я теперь окончил предпринятую мною задачу. При исполнении ее я был постоянно воодушевлен глубочайшим уважением к внутреннему достоинству человека и к свободе, которая одна приличествует этому достоинству. Мне остается только пожелать, чтобы идеи, изложенные мною, и способ их выражения были достойны этого чувства.

—————

Биография Вильгельма фон Гумбольдта

Карл Вильгельм фон Гумбольдт, один из даровитейших ученых и значительнейших государственных мужей Германии, родился 22 июня 1767 года в Потсдаме и умер 8 апреля 1835 г. в Тегеле близ Берлина. После ранней смерти отца (бывшего во время Семилетней войны майором и адъютантом герцога Фердинанда Брауншвейгского) он совместно с братом своим Александром получил отличное воспитание в родном замке Тегеле и в Берлине.

С 1787–1788 гг. он изучал во Франкфурте-на-Одере, а потом в Геттингене юридические и общественные науки; он путем самостоятельных занятий познакомился с философией Канта. В 1789 г. он ездил со своим бывшим учителем Кампе в Париж и Версаль, где присутствовал на нескольких заседаниях Национального Собрания, после чего отправился в Веймар, где провел зиму 1789/90 г. Здесь он часто виделся с коадьютором* фон Дальбергом, впоследствии владетельным князем майнцским, и познакомился с Каролиной фон Дахдреден, своей будущей супругой, а через нее с Шиллером, ее шурином.

Летом 1790 г. он в Берлине получил место асессора в королевском верховном суде. Но весной 1791 г. он отказался

---

* Кoadьютор (от лат. *adjutor* – помощник) – в католичестве духовное лицо, назначаемое Папой в помощь престарелому или больному епископу.

от этого места и прожил следующие за этим года в своих тюрингских и мансфельдских имениях, а также в Эрфурте, где под влиянием Ф.А.Вольфа занимался археологическими изысканиями. В то же время он издал «Мысли о конституции», навеянные на него Французской революцией и появившиеся в 1792 г. в «Берлинском ежемесячнике» в форме письма к другу; вскоре после этого он написал «Опыт установления пределов государственной деятельности».

Возникновение этой статьи следующее. В феврале 1792 г. Гумбольдт с женой переехал в Эрфурт. Дальберг, ознакомившийся с вышеупомянутым письмом в «Берлинском ежемесячнике», просил его продолжать деятельность политического публициста. Гумбольдт в письме к Форстеру сам упоминает об этом. Кроме чисто теоретического значения Гумбольдт придавал «Опыту установления пределов государственной деятельности» также значение практическое, стремясь показать Дальбергу, регенту Майнцского архиепископства, насколько пагубна страсть к регламентации. Дальберг был не согласен с Гумбольдтом и выразил свое мнение в брошюре под названием «Об истинных границах деятельности государства по отношению к его членам» (Лейпциг, 1793, изд. Зоммера). Имя автора не обозначено, но нет никакого сомнения, что это был сам коадьютор. Несмотря на такое несогласие со стороны Дальберга, Гумбольдт решил издать свою статью и послал ее в Берлин. Однако цензура делала ему всякие препятствия, о которых он сам пишет Шиллеру: «Один цензор категорически отказал, другой дал свое согласие, но продолжает колебаться. Придется попытаться где-нибудь в другом государстве!» Рукопись была в руках Шиллера. Последний искал издателя и одновременно же поместил отрывки из нее в своем журнале «Талия».

В поисках издателя прошел почти целый год. За это время сам автор уже охладел к своему сочинению и решил переработать его целиком. Казнь Людовика XVI произвела переворот во взглядах и мнениях. Печатание статьи казалось Гумбольдту теперь неуместным, и первое полное издание бы-

ло выпущено только пятнадцать лет спустя после его смерти (Бреславль, 1851) под редакцией д-ра Эдуарда Кауэра.

Нет сомнения, что издатель мог иметь в руках подлинную рукопись. На это указывает характерный почерк Гумбольдта, а также то обстоятельство, что не хватает как раз тех шести листов (от 3-го до 8-го включительно), которые были взяты для напечатания Шиллером и впоследствии не возвращены Гумбольдту. Тем не менее, однако, не было возможности пополнить целиком пропуск, так как Шиллер напечатал взятый им текст не вполне. По исследованию Эдуарда Кауэра не хватает около двух листов, именно в конце 1-й главы и в середине 3-й, где Кауэру пришлось ограничиться одним повторением пунктов, обозначенных в перечислении содержания главы, находящемся при начале каждой из них.

Единственную задачу государства Гумбольдт видел, в противоположность просвещенному абсолютизму, в обеспечении личной свободы граждан. Эта мысль проходит через всю его статью.

С 1793 г. Гумбольдт, живя в Йене, сблизился с Шиллером и кружком друзей-единомышленников: многие стихотворения Шиллера написаны под его влиянием. Прекрасный памятник этой продолжавшейся до смерти Шиллера дружбы представляет изданная впоследствии Гумбольдтом переписка между ним и Шиллером (Штутгарт, 1830). И с Гете у него завязались тесные личные отношения.

Проведя некоторое время в путешествиях, Гумбольдт поселился в Париже, где пробыл с 1797 до 1799 г., после чего довольно долго прожил в Испании, где занимался изучением баскского языка. В 1801 г. по желанию прусского правительства принял место министра-резидента в Риме и оставался там до 1808 г. Рим был самым удобным местом для его научных изысканий; но помимо этого он еще вступил здесь в деятельные сношения с учеными и художниками, например с Торвальдсенем и Раухом, а также занимался интересовавшими его вопросами философии, эстетики, филологии и археологии.

В 1809 г. ему было вверено управление прусским министерством культов и просвещения; можно сказать, что он является настоящим основателем Берлинского университета, в который он старался привлечь дельных профессоров; в то же время он стремился обеспечить за университетом полную свободу как по отношению к чтению, так и к слушанию лекций. В 1810 г. он сделался государственным министром, сопровождал в войну 1813–1814 гг. главный штаб короля, руководил потом в 1813 г. в качестве уполномоченного от Пруссии переговорами в Праге, приведшими к присоединению Австрии к союзникам; с 3 по 15 марта 1814 г. он принимал участие в безрезультатном конгрессе мира в Шатильоне, а позднее в переговорах первого Парижского мира.

На нем совместно с государственным канцлером Гарденбергом, который предоставил ему полную свободу действий, лежала на Венском конгрессе 1814–1815 гг. главным образом работа по разрешению германского вопроса; но все его старания к достижению конституции и свободных учреждений для единой Германии рушились из-за противодействия в особенности австрийской дипломатии. Не более счастлив был он после вторичного падения Наполеона в 1815 г. при начавшихся в то время мирных переговорах, где ему не удалось добиться уступки Эльзаса Германией. 25 ноября 1815 г. Гумбольдт выехал из Парижа, чтобы в качестве члена территориальной комиссии во Франкфуртена-Майне помочь довести до конца германские переговоры о распределении территорий. Заменяя прусского делегата графа фон Гольца, он присутствовал на открытии Союзного собрания 25 ноября 1816 г. Весной 1817 г. он отправился в Берлин, вступил в качестве члена во вновь учрежденный государственный совет, был назначен в комиссию для выработки проекта обещанной конституции и наконец занял место председателя комиссии, назначенной для обсуждения Бюловского проекта податного закона.

И в государственном совете он выделялся своим свободомыслием. В 1817 г. в качестве чрезвычайного посланника

он отправился в Лондон, а в октябре 1818 г. в Ахен. Когда после 11 января 1819 г. министерство внутренних дел получило новую организацию, он вступил в управление сословными и коммунальными делами, продолжая занимать место с правом голоса в министерстве. Его стремление к скорейшему осуществлению конституции, его возмущение Карлсбадскими резолюциями, которые он объявил «подлыми, антинациональными, возмущающими мыслящий народ» и его оппозиция Гарденбергу наконец вызвали немилость короля и принудили его 31 декабря 1819 г. выйти в отставку. Вместе с ним из состава министерства вышли также Боэн и Бейме; только в 1830 г. его опять пригласили на заседания государственного совета. После своей отставки он совершал только короткие путешествия в Гастейн и в 1828 г. в Париж и Лондон, а все остальное время проводил в своем замке в Тегеле, где у него была собрана превосходная коллекция выдающихся произведений скульптуры. Он уже в то время имел решающее влияние на развитие искусства в Пруссии, в особенности на организацию Берлинского музея. В награду за его заслуги ему в 1817 г. было даровано силезское владение Оттмаху; в 1884 г. ему, как и брату его Александру, перед Берлинским университетом воздвигнут мраморный памятник.

Что касается литературно-критических работ Гумбольдта, то первые из них представляют критику «Германа и Доротеи» и «Рейнеке-Лиса» Гете, а также «Прогулки» Шиллера; первая статья появилась отдельным изданием – 14-е снабжено введением Геттнера (Брауншвейг, 1882). К области эстетики относятся далее его рецензии «Вольдемара» Якоби, где он выставляет свой философский идеал, и затем очерки, которые являются как бы предвестниками натурфилософии Шеллинга «О различии между полами» и «О форме мужской и женской». Важный материал к ознакомлению с греческим языком и стихосложением дает его метрический перевод «Агамемнона» Эсхила (Лейпциг, 1816), к которому примыкает перевод второй Олимпийской оды Пиндара; дальше перевод Симонида и нескольких хо-

ров из «Эвменид». Но самые основательные и обширные труды свои Гумбольдт посвятил сравнительной филологии. Плодом его исследований баскского языка являются его «Поправки и прибавления к Митридату Аделунга о кантабрийском или баскском языке» и его «Примерная проверка при помощи баскского языка данных о первобытном населении Испании». Он с успехом принимал участие в начатом в Германии изучении древнего индийского языка; это доказывают его рефераты в Берлинской академии об известном эпизоде Махабхараты, носящем название «Бхагават-Гита», «О двойственном числе» и «О родстве в некоторых языках наречий места с предлогами». Но его главная работа в этой области: «О языке Кави на острове Ява» (Берлин, 1836–1840, 3 тома) была издана только после его смерти Бушманом. Введение к этому труду, который тоже появился отдельным изданием под заглавием «О различии языков и его влиянии на развитие человеческого рода», создало эпоху в истории новейшей филологии.

Бушман в своем *«Aperçu de la langue des îles Marquises et la langue taitiënne»* поместил и *«Vocabulaire inédit de la langue taitiënne»* Гумбольдта. Новое издание «Филологических философских сочинений» с комментариями выпустил Штейнталь (Берлин, 1883).

Коллекция рукописей Гумбольдта, относящихся к филологии, перешла в королевскую библиотеку в Берлине. Что Гумбольдт среди своих глубоких научных изысканий и дипломатических дел сумел сохранить благородные человеческие чувства дружбы и любви, доказывают обращенные к Шарлотте Диде «Письмо к другу» (Лейпциг, 1847). Собрание его сочинений, появившееся только после его смерти, в 7 томах (Берлин, 1841–1852), содержит также часть его многочисленных стихотворений, из которых особенно выделяются: элегия «Рим» (1806) и отличающиеся глубокой вдумчивостью «Сонеты» (отд. издание, Берлин, 1853). Новое издание его исторических и политических статей появилось в Берлине в 1870 г. «Дневник фон Гумбольдта и его путешествие по северной Германии в 1796 г.» издан Лейсма-

ном (Веймар, 1894). Его переписка с Гете издана Братранком (Лейпциг, 1876), его письма к философу Швейггейцеру во французском переводе изданы Лакиантом (Париж и Нанси, 1893); письма к Ф.Г.Велкеру изданы Гаймом (Берлин, 1859); письма к Хр.Г.Кернеру – Ионасом («Взгляд на эстетику и литературу», Берлин, 1879); письма к И.Р.Форстеру – им же (1889); письма к Ф.Г.Якоби – Лейцманом (Галле, 1892). «Лучи света из его писем» издала Элиза Майер (Лейпциг, 1881). Сравни Шлезгер: «Воспоминания о В. фон Гумбольдте» (Штутгарт, 1843-1845, 2 тома); Гайм: «В. фон Гумбольдт: черты из жизни его и характеристика» (Берлин, 1856). Дистель: «Из последних лет жизни В. фон Гумбольдта. Письма» (Лейпциг, 1883); Шербюлие «Profils littéraires» (Париж, 1889).

Содержание

I. Введение

5

Определение предмета исследования. – Его редко разрабатывали. – Важность его. – Исторический взгляд на те пределы, которые государства действительно положили своей деятельности. – Различие между новыми и древними государствами. – Цель государственного союза вообще. – Спорный вопрос о том, должна ли она состоять в одной лишь заботе о безопасности нации или вообще в заботе о ее благе. – Законодатели и писатели утверждают последнее. – Тем не менее дальнейшая проверка этого положения необходима. – Эта проверка должна исходить от отдельного человека и высших целей его существования.

II. Рассмотрение отдельного человека и высших, конечных целей его существования

13

Высшей и конечной целью каждого человека должно быть высшее и самое соразмерное развитие его сил и их индивидуальных особенностей. – Необходимые для достижения этой цели условия: свобода действия и разнообразие положений. – Ближайшее применение этих положений к внутренней жизни человека. – Подтверждение этого с помощью истории. – Высшее положение для всего настоящего исследования, к которому приводят эти рассуждения.

III. Переход к исследованию в собственном смысле. Разделение его. Забота государства о положительном, в особенности о физическом благе граждан

19

Объем этого отдела. – Забота государства о положительном благе граждан вредна. Потому что она: – вызывает однообразие; – ослабляет силу; – нарушает и препятствует воздействию внешних, даже просто физических занятий и внешних отношений вообще на дух и характер человека; – должна быть направлена на разнородное множество людей и поэтому вредит отдельному человеку ограничениями, которые к каждому

из них применимы лишь с значительными погрешностями; – препятствует развитию индивидуальности и своеобразности человека; – затрудняет самое управление государством, умножает необходимые для этого средства и через это становится источником разнообразного вреда; – лишает, наконец, человека правильного и естественного взгляда на важнейшие предметы. – Возражения на упрек преувеличения описанного вреда. – Выгоды системы, противоположной той, которая только что оспаривалась. – Высшее положение, выведенное из этого отдела. – Средства, употребляемые государством, заботящимся о положительном благе граждан. – Вред этих средств. – Различие случаев, когда что-нибудь делается государством как государством и когда то же самое совершается гражданами. – Проверка возражения: не необходима ли забота государства о положительном благе граждан, потому что без нее может быть невозможно достигнуть тех же внешних целей – тех же необходимых результатов? – Доказательство этой возможности, преимущественно посредством добровольных общественных установлений граждан. – Преимущества такой деятельности граждан перед подобной же деятельностью государства.

IV. Забота государства об отрицательном благе граждан и их безопасности

46

Эта забота необходима – она в сущности представляет конечную цель государственного устройства. – Высшее положение, отсюда происходящее. – Подтверждение этого историей.

V. Забота государства о безопасности от внешних врагов

50

Точка зрения, избранная в настоящем случае. – Влияние войны вообще на дух и характер народа. – Рассмотрение войны у нас и всех относящихся к ней учреждений. – Разнообразные вредные последствия войны для внутреннего развития человека. – Высшее положение, извлеченное из этого рассмотрения.

VI. Забота государства о безопасности граждан друг от друга. Средства для достижения этой цели.

Установления, направленные к переработке духа и характера граждан. Общественное воспитание

55

Возможный объем средств для достижения этой безопасности. – Нравственные средства. – Общественное воспитание. – Оно вредно в особенности потому, что препятствует разносторонности развития; – бесполезно, потому что в нации, пользующейся настоящей свободой, никогда не будет недостатка в хорошем домашнем воспитании; – слишком сильно действует потому, что забота о безопасности не делает

необходимым полное преобразование правов; – находится поэтому вне границ деятельности государства

VII. Религия

63

Исторический взгляд на способы, которыми государства пользовались религией. – Всякое вмешательство государства в религию ведет за собой покровительство известным мнениям в ущерб другим и известное руководство гражданами. – Общие рассуждения о влиянии религии на дух и характер человека. – Религия и нравственность не неразрывно связаны одна с другой. Потому что: – происхождение всех религий вполне субъективно; – религиозность, так же как и полное отсутствие ее, могут иметь одинаково благодетельные последствия для нравственности; – основные начала нравственности совершенно независимы от религии; – и влияние всякой религии основано только на индивидуальных свойствах человека; так что то, что одно действует на нравственность, не составляет, так сказать, содержания религиозных систем, но сводится к форме внутреннего восприятия их. – Применение этих рассуждений к настоящему исследованию и рассмотрение вопроса: должно ли государство пользоваться религией как орудием для приобретения влияния? – Всякое покровительство, оказываемое государством религии, в наилучшем случае приводит к тому, что действия граждан становятся законными. – Но этим не может удовлетворяться государство, которое должно сделать граждан послушными духу закона, а не только действующими согласно с его буквой. – Такой результат сам по себе ненадежен, даже невероятен и, во всяком случае, легче достигается с помощью других средств. – Названное выше средство, кроме того, ведет за собой настолько большой вред, что одно это уже воспрещает его употребление. – Ответ мимоходом на возможное при этом возражение, основанное на недостатке культуры некоторых классов народа. – Наконец, вопрос решается с высшей и наиболее общей точки зрения тем, что государству вполне закрыт доступ к тому, что единственно действует на нравственность, именно к форме внутреннего восприятия религиозных понятий. – Поэтому все, что касается религии, лежит вне границ деятельности государства.

VIII. Улучшение нравов

84

Возможные для достижения этого средства. – Они сводятся преимущественно к ограничению чувственности. – Общее рассмотрение влияния чувственности на человека. – Влияние чувственных впечатлений, рассматриваемых только по отношению к их сущности. – Различие этого влияния, смотря по различным присущим им свойствам, преимущественно различие между влиянием энергически действующих и остальных чувственных впечатлений. – Связь чувственного

с нечувственным при помощи прекрасного и возвышенного. – Влияние чувственности на силы человека: познающие, умственные, творческие, нравственные. – Вред и опасности чувственности. – Применение этих взглядов к настоящему исследованию и рассмотрение вопроса, имеет ли государство право стремиться положительно влиять на нравы. – Всякая подобная попытка влияет лишь на внешние поступки – и вызывает многочисленные и важные вредные последствия. – Даже самая порча нравов, которой хотят противодействовать, не лишена некоторых полезных последствий и по крайней мере не делает необходимым применение средств, вообще преобразовывающих нравы. – Подобные средства лежат поэтому вне границ деятельности государства. – Высшее начало, извлеченное из настоящего и двух предшествующих отделов.

IX. Ближайшее положительное определение заботы государства о безопасности.

Развитие понятия «безопасность»

99

Пересмотр хода всего исследования. – Перечень того, чего еще недостает. – Установление понятия «безопасность». – Определение. – Права, которые следует обезопасить. – Права отдельных граждан. – Права государства. – Действия, нарушающие безопасность. – Подразделение остающейся части исследования.

X. Забота государства о безопасности, состоящая в определении таких действий граждан, которые относятся непосредственно и прямо только к самому действующему лицу (полицейские законы)

104

О выражении «полицейские законы». – Единственное основание, дающее здесь государству право на ограничения, возникает, когда последствия подобных действий уменьшают права других. – Свойства последствий, причиняющих подобное уменьшение чужих прав. –

Пример действий, производящих соблазн. – Меры предусмотрительности для государства на случай таких действий, последствия которых могут повредить чужому праву тем, что требуется редкая степень рассудительности и знания для того, чтоб избежать представляемой такими последствиями опасности. – Насколько должна быть тесна связь этих последствий с самим действием, чтобы служить основанием для ограничения? – Высшее начало, извлеченное из предыдущего. – Исключения из него. – Преимущество того, если граждане достигают при помощи свободных договоров тех последствий, которых иначе государство должно добиваться при посредстве законов. –

Рассмотрение вопроса: может ли государство принудить к положительным действиям. – Отрицание этого, потому что: –

подобное принуждение вредно, – не необходимо для поддержания безопасности. – Исключения в случаях крайней необходимости. – Действия, совершающиеся на общих владениях или касающиеся их.

XI. Забота государства о безопасности, состоящая в определении таких действий граждан, которые непосредственно и прямо касаются других лиц (гражданские законы)

114

Действия, нарушающие права других лиц. – Обязанность государства помочь обиженному получить вознаграждение и защитить обидчика от мести обиженного. – Действия, совершающиеся по взаимному соглашению. – Изъявления воли. – Двойной долг государства по отношению к ним. – Первое: оказать поддержку законным, – второе: лишить этой поддержки незаконные и не допустить, чтобы даже при помощи законных люди могли накладывать на себя слишком тяжелые пути. – Законность изъявления воли. – Облегчение уничтожения законно заключенных договоров как следствие второй вышеупомянутой обязанности государства: однако только при договорах, касающихся лиц; с различными видоизменениями согласно своеобразной сущности договора. – Распоряжения на случай смерти. – Законность их на основании общих начал права. – Вред их. – Опасность простой наследственности без завещания и преимущества частных распоряжений. – Средний путь, пытающийся сохранить преимущества и избежать неудобства. – Наследственность без завещания. Определение законной части. – Поскольку договоры между живыми лицами должны быть обязательны для наследников? – Лишь постольку, поскольку оставленное имущество получило благодаря этим договорам другую форму. – Правила осторожности для государства, которое должно помешать здесь возникновению отношений, ограничивающих свободу. – Моральное лицо. – Его неудобства. – Причины этих последних. – Они уничтожаются, если каждое моральное лицо в каждом данном случае рассматривается как союз существующих в данное время сочленов. – Высшие начала, извлеченные из этого отдела.

XII. Забота государства о безопасности посредством юридического разрешения спорных вопросов, возникающих между гражданами

129

Государство здесь просто заступает место сторон. – Первое вытекающее отсюда основное положение организации судопроизводства. – Государство должно ограждать права каждой из сторон по отношению к другой стороне. – Вытекающее отсюда второе основное положение организации судопроизводства. – Вред, проистекающий от пренебрежения этими основными положениями. – Необходимость

новых законов, чтобы сделать возможными судебные решения. – Удовлетворительность судебной организации есть момент, от которого преимущественно зависит эта необходимость. – Вытекающие из них правила законодательства. – Высшие положения, вытекающие из этого отдела.

XIII. Забота государства о безопасности посредством наказания за нарушение установленных государством законов (уголовные законы) 134

Действия, которые государство должно наказывать. – Наказания: их размер; абсолютный размер их; наибольшая мягкость при надлежащей действительности. – Вред бесчестящего наказания. – Несправедливость наказаний, которые помимо преступника простираются на других лиц. – Относительный размер наказания. – Степень попраения чужого права. – Опровержение положения, принимающего мерилом частоту преступлений и количество располагающих к ним побуждений. – Несправедливость и вред этого положения. – Общая постепенная классификация преступлений по отношению к строгости их наказания. – Применение карательных законов к действительным преступлениям. – Как должно поступать с преступниками во время следствия. – Рассмотрение вопроса: поскольку государство имеет право предупреждать преступления? – Различие между ответом на этот вопрос и предыдущим определением действий, имеющих отношение только к действующему лицу. – Очерк различных возможных способов предупреждения преступлений, смотря вообще по поводу к преступлению. – Первый из этих способов, стремящийся помочь в случае недостатка материальных средств, часто ведущего к преступлениям, вреден и бесполезен. – Еще вреднее второй способ, направленный к удалению поводов к преступлению, коренящихся в характере. – Применение этого способа к истинным преступникам. Исправление их. – Как поступать с оправданными по недостатку улик (*absolutio ab instantia*). – Последний способ предотвращать преступления: удаление случаев к их совершению. Ограничение его до простого препятствования приведению в исполнение уже решенных преступлений. – Что должно заступить место отброшенных нами средств для предупреждения преступлений? – Строжайшее расследование совершенных преступлений и редкость безнаказанности. – Вред права помилования и смягчения наказания. – Мероприятия для открытия преступлений. – Необходимость обнародования всех уголовных законов, без различия. – Высшие вытекающие из этого отдела положения.

**XIV. Забота государства о безопасности,
состоящая в определении положения тех лиц,
которые не обладают естественными или достаточно
зрелыми человеческими силами (несовершеннолетние
и умалишенные). Общие примечания к настоящему
и четырем предыдущим отделам** **156**

Финансовые учреждения. – Внутреннее политическое устройство. – Рассмотрение изложенной теории с точки зрения права. – Главная точка зрения по отношению ко всей теории в целом. – Поскольку история и статистика могли бы служить вспомогательными средствами для нее? –

Различие между отношением граждан к государству и отношением их друг к другу. – Необходимость этого различия.

**XV. Отношение вышеизложенной теории к средствам,
необходимым для поддержания государственного
устройства. Заключение теоретического
изложения предмета** **165**

Финансовые учреждения. – Внутреннее политическое устройство. – Рассмотрение изложенной теории с точки зрения права. – Главная точка зрения по отношению ко всей теории в целом. – Поскольку история и статистика могли бы служить вспомогательными средствами для нее? – Различие между отношением граждан к государству и отношением их к друг другу. – Необходимость этого различия

**XVI. Применение изложенной теории
к действительности** **171**

Отношение теоретических истин вообще к осуществлению их. – Необходимая при этом осторожность. – При каждой реформе новый порядок вещей должен быть связан с предыдущим. – Это всего лучше удается, когда реформы начинаются с реформ в образе мысли. – Вытекающие отсюда основные начала всех реформ. – Применение их к настоящему исследованию. – Главные характеристические особенности установленной системы. – Опасности, которые нужно иметь в виду при проведении ее в действие. – Вытекающая отсюда и необходимая при этом постепенность. – Высшее основное положение, которому нужно следовать. – Связь этого положения с главными основными началами изложенной теории. – Вытекающий из этой связи принцип необходимости. – Преимущество его. Заключение

Биография Вильгельма фон Гумбольдта **183**

С е р и я
«Ф И Л О С О Ф И Я   С В О Б О Д Ы»
Выпуск I

Вильгельм Гумбольдт
О пределах государственной деятельности

ISBN 5-901901-14-2
ISBN 5-94607-032-0

«СОЦИУМ» и «ТРИ КВАДРАТА», Москва 2003

Общая редакция серии: Александр Куряев
Дизайн: Сергей Митурич, *препринт:* Савва Митурич,
верстка: Татьяна Боголюбова, *корректурa:* Галина Элькина
производство: Елена Кострикина

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЦИУМ»
тел. (095) 330-5198, e-mail: alexk@elnet.msk.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТРИ КВАДРАТА»
Москва 125315, Усиевича д. 9, тел. (095) 151-6781, факс 151-0272
e-mail: triqua@postman.ru

Подписано в печать 22.04.2003. Формат 84х108/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная №1. Печ. л. 6,25. Тираж 1000 экз.

...Гумбольдт видел вблизи и возненавидел всю тяжесть назойливого правления посредством указов, так же, как и всю сложную машину прусской бюрократии. Он считал своим долгом предостеречь власть против зла слишком усердного управления и нарисовать перед ним картину государства, удовлетворяющегося самыми узкими пределами деятельности. Вся его концепция при первом же знакомстве представляется убедительно обоснованной, имеющей в виду практические результаты, ибо для изображения противоположной системы служили, очевидно, порядки прусского государства. На основании собственных наблюдений изображались автором эти темные стороны просвещенного деспотизма, девизом которого является:

«Все для народа, ничего посредством народа»...